

УРАЛЬСКИЙ № 1 (583), 2006

Следопыт

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

январь

**ДЕМИН
О ВЫСОЦКОМ
ЗНАЕТ ВСЕ**

**О БРАТЬЯХ
НЕ НАШИХ
МЕНЬШИХ**

**КАК ОБУСТРОИТЬСЯ
В ЗИМНЕМ ЛЕСУ?**

**Юний Горбунов:
размышления
о московском троне
великокняжеской Руси**

Проекты "Уральского следопыта"

Открытие выставки в гостиной «УС»

Вот уже не первый год в нашем доме, бросившем якоря (самые настоящие!) в землю на улице Декабристов, 67, устраиваются вернисажи. В канун Нового года

Аркадий КЛЕНОВ. Хроники пластилиновой поляны

пятеро молодых талантливых художников представили свои работы в гостиной «Уральского следопыта»... (Подробнее на стр. 42)

Александра МИКЛЯЕВА. Так душно

Марина ХАВОВА. Питерский дворик

Антон БАТАНОВ.
Морячище

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов –
Юний Горбунов,
Андрей Наседкин,
Елена Минакова,
Андрей Беспутин.
Худ. редактор, верстка –
Юлия Ульянова.
Художник –

Ирина Овсянникова.
На 1-й полосе обложки –
Ю.Горбунов в библиотеке «УС».
Набор –

Валентина Кадочникова.

Корректор –

Елена Тришкина.

Интернет-версия –

Дельта Плюс.

Учредитель:

Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт».

Издатель:

ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт».

Редакционный совет:

Владислав Крапивин

Сергей Казанцев

Борис Стругацкий

Геннадий Прашкевич

Олег Поскребышев

Юрий Казарин

Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет

Евгений Виноградский

м.с.м.к., «Снежный Барс»

Евгений Савенко

чл. Союза фотохудожников России

Семен Спектор

заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати и

массовым коммуникациям

при поддержке

министерства физкультуры, спорта

и туризма Свердловской области

Регистрационное свидетельство № 441,

выдано 13.12.90 г. Министерством печатной

и массовой информации РСФСР.

ООО «Редакция журнала «Уральский следопыт»

обладает исключительным правом на

логотипы и название журнала.

Рукописи принимаются отпечатанными

не менее 12 пт, по 60 знаков в строке,

28-30 строк на странице. Каждая страница

рукописи должна быть подписана автором.

Обязательно прилагать информацию об

авторе; указывать согласие на публикацию в

журнале, на сайте журнала, корректорскую

и редакторскую правки. В первую очередь

рассматриваются рукописи, дополненные

электронной версией (E-mail, дискета, CD).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При отравлении электронных сообщений

обязательно заполнять поле **TEMA**.

Любое использование материалов журнала

допускается только с письменного согласия

ООО «Редакция журнала «Уральский

следопыт». Ссылка на журнал «Уральский

следопыт» обязательна.

По вопросам приобретения журнала

обращаться по тел. (343) 257-10-74.

Подписано к печати 29.12.2005 года.

Формат бумаги: 84x108/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 4500.

Отпечатано в типографии

ООО «ИА «Рег-пресс», г. Первоуральск,

ул Чкалова, 18-в, тел. (343) 675-09.

Заказ № 998

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:

620142, г. Екатеринбург,

ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:

(343) 257-45-01, 257-36-62

E-mail: info@uralstalker.ru

www.uralstalker.ru

«Уральский следопыт», № 1, 2006

Издается с 1935 г.,

возобновлен в 1958 г.

РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X

следопыт

январь 2006 :

РЕКА ВРЕМЕНИ

Женщины Древней Руси

Ю.ГОРБУНОВ

Софья Палеолог 2

Тропой поиска

Ю.ГОРБУНОВ

Писательницы России 11

Е.МИНАКОВА

Безумству храбрых поем мы песню... 24

Д.СЕРГЕЕВ

Нижнетуринский след Петра Якира... 75

Далекое-близкое

В.СТРУГАНОВ

Бабушкинская деревня 18

Ю.УТКОВ

Каменские колокола 20

А.КИЛИНА

Кабаковская дорога 78

В мире прекрасного

А.МОЛЧАНОВ

Просто Турченко 39

Клуб собирателей

В.ПОПОВ

Высоцкиана Демина 46

Возвращение из Леты

В.ГОЛДИН

Неизвестный Кондратий Худяков... 58

Фотовернисаж

Е.МИНАКОВА

Кто они, герои нашего времени? ... 87

АЭЛИТА

Дебют

Е.ФЕДОРОВ

Стихи 12

Фантастика

А.ГОЛИКОВ

О братьях не наших меньших 28

И.ЖИВЕТЬЕВА

Детонатор..... 80

Сказка

В.ХАНИН

В трех шагах от сказки 60

Современная поэзия

С.МАТРОСОВ

Стихи 86

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Путешествие

А.ПАНОВА

Поход на Иремель, или

Хоббиты. Туда и обратно-2 14

Проекты «Уральского следопыта»

Е.МИНАКОВА

Пятеро из одного стручка..... 42

Советы специалиста

Г.ЧЕУРИН

Обустройство укрытия

в зимнем лесу 50

Заповедные земли

Е.ЛИТУСОВА

Сосновка 54

СОФЬА ПАЛЕОЛОГ

(Документально-литературная версия)

Дурно история пахнет,
а личная жизнь ароматна.
Юнна Мориц

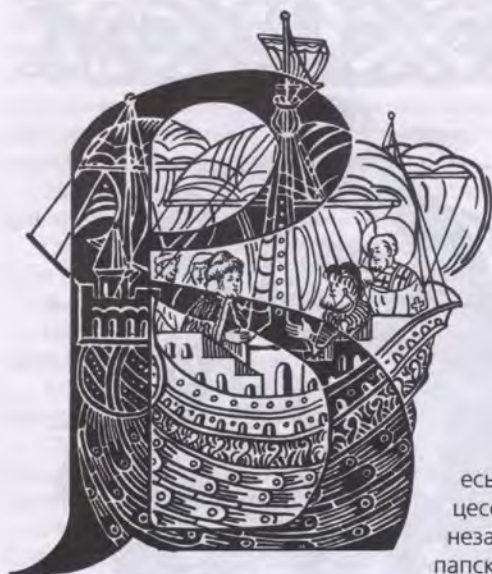
сли бы природа наделила меня талантом и подвинула изваять женщину Руси великокняжеской, пообещав доставить любую, потребную мне, натуру, как бы далеко в веках она ни пребывала, я бы, пожалуй, попросил вернуть из небытия великую княгиню московскую Софью Фоминичну, в девичестве греческую принцессу Зою (Зинаиду) Палеолог. Попросил бы не без ожидания упрека: неужто на самой Руси женщины перевелись, что надобно за морем искать?

А штука вот в чем. В ней, Софье, женщина, ее специфические черты оказались не столь старательно упрятаны в наши домотканые одежды. Что называется, не было бы счастья...

Согласимся, что упрямая традиция повелевает нам видеть и фиксировать исторические деяния в их внешнем проявлении, в конечном результате, отдавая приоритет мужественности. Внутренняя психологическая обусловленность событий – исключительно слабая сторона нашего летописания. Ведь даже суть равноправия полов видится нам в измене началу женскому и приближении к мужскому. Мы тщимся убедить себя, что женщина ни в чем не уступит мужчине – ни как воитель или самодержец, ни как ученый или космонавт, хлебороб или, скажем, футбольный форвард. Мы забываем, что у женщины есть собственная гордость и свой пьедестал и не подобает ей толкаться на мужском, претендовать на чужие достоинства и регалии.

Так вот в большинстве исторических женщин давних времен мы с вами во многом лишь домысливаем, воображаем себе по ряду косвенных признаков их деятельное женское начало, спрятанное не только под спудом столетий, но еще и под лукавой личиной этакой якобы непричемности. А вот в Софье Фоминичне имеем редкую возможность эту женскую натуру лицезреть. Она в ней, гречанке по рождению, скажем так, свободнее декольтирована.

есь долгий путь от Рима до северных пределов Ливонии принцесса Зоя примеряла себе свое новое имя – Софья. Примеряла незаметно и неслышно как некий интимный наряд. Никому в ее папской свите до него дела не было.

Имя привез ей из Московии, от великого князя Иоанна Васильевича, пронырливый “денежник” Джан Батиста Вольпе, у москвитян именуемый Иваном Фрязином.*

Это был первый от князя подарок. Что-то загадочное сулящий. Словно великий князь протянул ей невидимую руку и повлек к себе.

Провидению было угодно, чтобы встреча принцессы с ее новыми соотечественниками случилась в устье Омовжи.** Ступив на землю, она увидела в отдалении пеструю толпу в богатых длиннополых одеждах и мехах – дул ветрами октябрь. Джан Батиста услужливо толмачил, объясняя ей, что встречать великокняжескую невесту прибыли знатные бояре и посадники из Пскова и Великого Новагорода.

Приблизившись и низко поклонившись, ей протянули кубок. Софья оглянулась на “денежника” и пригубила. Пустынный берег тотчас ожил и огласился цокающим говором. Точно десятки коней мягко загарцевали по каменной мостовой. Мелькали кубки и золоченые рога с вином и медом. Джана Батисту, как и великого князя, тоже навеличивали Иваном. Он видно что был здесь своим. А ее, приобняв за талию, повлекли на белопарусное судно, над коим терепетал иконный лик Спаса.

Нежданно-упоительное чувство испытала Софья на берегу Омовжи – пленительную новизну. Которая не только не страшит, но желанна ей. Не зная речи окружавших ее людей, по одним только взглядам и жестам Софья вдруг ощутила себя здесь первой. Заискивающая ухмылка вдруг появилась на лице Джана Батисты. Где-то чуть в стороне и как бы не у дел оказался даже легат Антоний, папский посланник, всю дорогу из Рима не снимавший маску значительности своей миссии. Теперь все взгляды – на нее, все кубки тянутся к ней. Стоит ей сделать маленький шаг, как уже перед ней расступаются.

Пьянящая и такая желанная иллюзия избранности! Она, оказывается, затаившись на время, жила в ней. И теперь птичкой забилась внутри, запросилась наружу. Иллюзия, ради коей она, ромейская принцесса Зоя Палеолог, ведь и была рождена на свет в Царьграде. Ведь и была!

Не для того ли ее предок Михаил VII Палеолог отобрал у крестоносцев Константинополь и восстановил восточную империю ромеев? Не для того ли два столетия сопротивлялись Палеологи варварской силе турок-османов? А ее отец Фома Палеолог, деспот Морейский***, не за тем ли искал дорогу в Рим, к папе и сохранил для нее, Софьи, и ее потомства права на византийский престол? Не продал, не прокутил, как прочие. Не потому ли, наконец, дальновидный кардинал Виссарион, покровитель и наставник осиротевшей принцессы, одному за другим отказывал в ее руке женихам-латинянам, пока не высмотрел Иоанна московского, почуяв в его, как на дрожжах растущем княжестве, будущего исполина, а может... А может и третий Рим?

Державная принцесса до поры дремала в бесприданнице Зое, но дремала, оказывается, чутким сном.

* Фрягами (переименованное – варяг) на Руси называли сначала северных скандинавов, а затем и европейцев латинской веры. У многих это нарицательное прозвание перешло в имя собственное – Иван Фрязин. Французский историк русского происхождения Павел Пирлинг, опираясь на венецианские архивы, отождествил Ивана Фрязина с Джаном Батистой делла Вольпе, итальянцем родом из Виенце. Род Вольпе, сообщает Пирлинг, “доставил Италии выдающихся юристов и храбрых полководцев” (Все прим. авт.).

** Омовжа – так русские издавна называли реку Эмбах в тогдашней Ливонии, впадающую в Чудское озеро. Ныне – река Эмайыги в Эстонии. На ней стоит древнейший город эстов – Тарту (прежде Юрьев, Дерпт).

*** Деспот – здесь в значении “правитель”. Морейя – провинция Византийской империи на юге Греции – древний Пелопоннес. Новое название от слова “море” ему дали славяне, поселившиеся на полуострове в XIII веке.

Путь озером на большом, ярко размазанном, насаде* стал для нее еще одним подарком великого князя. Занавесил собой всю тревожную дорогу от Рима. Она вдруг ощутила себя безмятежной девочкой, ребенком, каким не была даже в окружении старших братьев и сестры на венецианском острове Керкире**. Она шла, куда хотела, капризно отмахивалась от легата, не снимавшего своих красных перчаток, озорно старалась выговорить пару-другую цокающих здешних слов. Приставленная к ней боярыня напомнила ей мать. Напомнила своей полной противоположностью – была улыбочивая, безоглядная, словно бы всегда готовая пуститься в пляс.

А Керкир... Нет, она не хотела вспоминать Керкира, этого унылого прибежища побежденных и изгнанных Палеологов. Раннее замужество и скорое вдовство сестры Елены, ушедшей затем в монастырь; неутолимая тоска и одиночество матери... Вечные ожидания вестей из Рима, куда отправился за покровительством ее отец с латинскими святынями...

Там, на Керкире, могила матери.

Там похоронена и ее, Зоина, молодость...

А теперь корабль нес ее в другой мир, и сам был уже островком другого мира. Незнакомый избранник Софьи как бы незримо присутствовал, реял над нею в облике Спаса.

Первый русский город, увиденный Софьей, был Псков. После тяжелых камней Рима и Болоньи, Виченцы и Нюрнберга, которые ей пришлось миновать, Псков смотрелся расписной деревянной игрушкой. А такого многолюдья – будто псковичи не в домах живут, а прямо на улицах, площадях и папертях – она и вовсе не видывала. И взоры этого многолюдства были обращены на нее. Ее, улыбаясь, благословил архиерей, ей была челом городская знать. И кубки, кубки опять ходили по рукам. Заполотно кричали и метались над кровлями большие серые птицы и так же заполотно, весело лупили на звонницах колокола.

Удивительно знакомым показался город Софье, как будто когда-то виденным в счастливом сне.

Вошли в соборный храм Троицы, тотчас наполнившийся народом. Глаза толпы полны веселым любопытством. Даже иконные лики, мнилось ей, смотрели на нее одну и провожали взглядом.

Лица вытягивались и строжали только натолкнувшись на папскую свиту. Непривычным было тяжелое литое распятие на древке, высоко плывущее над толпой. "Крыж, крыж", – то и дело слышала Софья в толпе. Чужим смотрелся худой и высокомерный епископ Антоний в своем красном капюшоне, нависающем на глаза. Испуг и недоумение, стала она замечать, с легата люди переносили и на нее, Софью. Этого она допустить не могла. Уже не могла. Коснувшись, как все, губами иконы Пречистой Богородицы и проходя мимо Антония, неожиданно для себя и не глядя на него сказала:

– Приложите, святой отец.

Не девочка уже была с насада.

На князем дворе царевне и свите ее устроили хлебосольную встречу – с дарами на расписных блюдах, тостами и низким челобитьем.

Джан Батиста теперь от нее не отлипал. И держал себя не просто толмачом, а женихом венценосной невесты, заместителем великого князя. Переи-игрывал! И его жаловали, ему расточали поклоны, именую Иваном Фрязином.

Боярин в распахнутой шубе, с волосами, заплетенными сзади в одну короткую косу, улыбающийся и пунцовый от вина, поднес ей на блюде грудку серебра. Другую – поменьше – Ивану Фрязину.

«А кто он такой, этот "денежник"»? – вдруг кольнуло Софью. Но она улыбалась, прятала свой вопрос.

...Припомнилось ей недавнее обручение в Риме, в базилике св. Петра и Павла с "наместником" великого князя Иваном Фрязином. Ее тогдашний испуг и смятение. Формальный обряд шел своим чередом, но когда

* Насад - Речное, в том числе и боевое, судно с поднятыми ("насаженными") бортами.

** Керкир - так греки именовали остров Корфу. С конца XV века – территория Венецианской республики. После падения Константинополя остров дал приют семье Фомы Палеолога.

настало время обменяться кольцами, у “жениха” такового не оказалось. Похоже, что это был запрет великого князя: не по Сеньке, мол, шапка – с принцессой кольцами меняться. А в храме запереглядывались, шепоток пошел: как же без кольца? Не глумится ли Москва над латинской верой, прислав без должных полномочий этого венецианского сводника? (Ха, римский папа еще не знал, что монетный мастер, жируя на московской службе, для удобства принял православие – никогда бы богопослушный великий князь не отправил в Рим латинянина с такой деликатной миссией.)

Зоя дышать тогда перестала и готова была на куски разорвать “жениха”, как будто он это злополучное кольцо проглотил. Но обошлось.

Она потом поняла и одобрила поступок великого князя, но неприязнь к Ивану Фрязину преодолеть в себе не могла.

Быстро выросла царевна на пути к Москве.

На дорогу между тем как-то сразу лег обильный снег. Тряскую колесную кибитку в Новгороде заменили санями, и кортеж принцессы уже приближался к Москве, когда однажды его неурочно остановили.

В санную кибитку, обшитую изнутри теплым войлоком, протиснулся Иван Фрязин. Кося глазами на смешливую боярыню, зашептал принцессе, вплетая в латинскую речь какие-то русские междометия.

Оказалось: от великого князя прибыл дьяк с требованием убрать с глаз долой латинский “крыж”. Иначе, мол, не примет их Москва. Легат, естественно, заупрямился и распятие не отдает. Не послать ли на Москву ее, Софью, к князю челобитье в защиту униатской веры, в коей ведь и она, принцесса, пребывать изволит?

Иван Фрязин и минуты не ждал ответа. Но ему ли было знать, сколько в то мгновение пронеслось перед Софьей! Сиротская жизнь на Керкире, пока ее, бесприданницу, не высватал московский великий князь; неприкрытые ухмылки римских кардиналов, для коих она, наследница византийского престола, – лишь униатская приманка для Москвы... И теперь, когда счастье, наконец, улыбнулось ей вон тем добродушным, щедрым и пунцовым от вина ликом простоволосого боярина в распахнутой шубе, он, этот... этот ничтожный “денежник”...

– Противиться воле великого князя? – медленно спросила она и, не ожидая ответа, отвернулась, чтобы не видеть косящих глаз и не выдать свои. – Скажи легату Антонию, что здесь не его монастырь, что он на земле великого князя и царя московского.

Медленно покинул Иван Фрязин санную кибитку царевны. Медленно и неслышно прикрыл за собой дверь. Он понял – перед ним уже Московия. И маску пора менять.

Серебряное распятие, нагретое руками латинян, спрятали в сено саней. И кортеж по девственному снегу опять заскользил к Москве.

Утром другого дня распахнулись для Софьи Троицкие ворота Кремля. Был четверг – князев день недели. Когда Иоанн спешил делать дела, не откладывая. В четверг ему везло.

Сколько раз она потом воскрешала в памяти этот день. А целиком – все не удавалось. Только какие-то моменты, а между ними провалы, будто небыль.

...Громада белосерого Успенского собора, куда привезли ее на православное венчание. Внутри собор, как в сказке, обернулся маленькой деревянной церквушкой – жарко натопленной, желто-сливочной от свечей и икон. *Здесь она впервые и увидела великого князя, ничего в нем не запомнив и ничему не удивившись. Потому что это не она на него, а он на нее смотрел ревнивыми и настороженными глазами. Видно, что ожидал увидеть принцессу высокой и смуглой – как фрягиню. А ему явилась маленькая, полненькая, светловолосая и белокожая славянка. Софье сразу передалась мгновенная растерянность великого князя, и она извинительно улыбнулась ему: “Да, да, это во мне Морейя... Тебе же говорили, что в нас, морейцах, течет много славянской крови...”

И когда протопоп соединил их руки кольцами, поняла, что супруг, пожалуй, простил, пожалуй что принял ее славянскую наружность.

Кажется, после венчания ее представили матери великого князя и братьям его. Софья видела насупленные лица, силиющиеся изобразить улыбку, но у нее как-то весело мелькнуло, что это ничего, что лишь бы Иоанн Васильевич...

Москва, нашептала ей потом боярыня, совсем на днях похоронила Иоаннова брата – Георгия.

Застолье было, но невеселое по случаю траура. Впрочем, столы ломились от яств.

Потом две молоденькие девушки заплетали и расплетали ей волосы, отвели в спальный покой, раздели, оставили одну.

Вошел Иоанн Васильевич и стал против нее. Он, слава Богу, не знал ни латыни, ни греческого, а она не умела по-русски. А то о чем бы говорить?

Софья как будто в смущении и растерянности перебирала волосы, лежащие теперь поверх перепоясанной рубашки. Она опять смотрела на себя его глазами и думала о себе его мыслями. Но страха уже не было. Уже была игра.

“Это даже лучше, что она такая... нашенская”.

Иоанн Васильевич сел на край разобранной постели. Софья тотчас, как научили, опустилась на колени и стянула легко подавшийся сафьяновый сапог, потом другой. Выпавшую на ковер монету зажала в ладони и

*Внутри строящегося Успенского храма возвели небольшую деревянную церковь для защиты святых усыпальниц.

лукаво отвела руку за спину. Не вставая с колен, смотрела на супруга снизу вверх чуть приоткрытыми влажными губами.

Она играла самозабвенно, видя и радуясь, что он принимает все за чистую монету.

“А ведь эта девка – греческая принцесса Палеолог, владычица византийской императорской короны!”.

Иоанн Васильевич протянул ей руку и помог встать.

“А я сейчас брошу ее на ложе и сделаю женой”.

Софья потупила глаза. Иоанн дернул за конец ее пояса, и он упал на ковер.

...Потом, уже ночью, Софья снова осталась одна. Горела свеча в высоком канделябре. Змеился пояс на полу. Она вспомнила и разжала ладонь. Золотой английский нобиль лежал на ней, загадочно поблескивая. Ладонь была в розовых отметинах. И Софья вдруг захохотала. Безудержно, от души, ничего и никого уже не опасаясь. Даже слезы выступили на глазах. Ей представилась жирная распаханная земля, какую знала она по легендам морейской Аркадии. Земля, готовая принять и вскормить любое зерно, брошенное в нее. Такой вот парящей жирной пашней предстала ей теперь ее страна, ее новая империя. И хохот, хохот так и тек из нее, облегчающий, уносящий страхи и неизвестность.

АРИСТОТЕЛЬ ФИОРАВАНТИ

есной следующего 1473-го, когда Софья была на пятом месяце, в Москве в очередной раз полыхнуло. Огонь занялся прямо на князем дворе, едва ли не в хорамах великой княгини, и беременная Софья натерпелась страху.

Сгорело начисто и подворье всевладыки. Головешки еще дымились, когда скончался и сам митрополит Филипп.

Еще через год рухнул почти уже возведенный соборный храм Успенья Божьей матери. Тот самый, где венчали Софью. Едва уцелела уютная церквушка внутри него, стерегущая во время стройки святые гробницы. Вот так возьми да и развались северная стена на позор камнеделам московским. Счастье, хоть людей вблизи никого не оказалось.

По улицам Москвы ползли-змеились слухи, что не иначе как от заморской царевны, набравшейся в Риме латинской веры, идут сии напасти. На каждый роток не накинешь платок.

Софья на людях появлялась редко да еще взяла моду выезжать в повозке, чего москвичи до сей поры не видывали.

Теперь они много были вдвоем. Иоанн Васильевич любил ее покои, ее опочивальню. Софья хотела, чтобы любил. Сначала невольно, а потом почуяв тяготение Иоанна Васильевича, она творила вокруг себя маленький ромейский мир памятной и любимой Мореи. Окружала себя нарочито нездешними вещами, мебелью, безделушками.

Ей нравилось делать Иоанну Васильевичу словно бы нечаянные сюрпризы и наблюдать за тем, как немело старается он спрятать, не выказать свое удивление и тайную за нее гордость.

Так было, например, с креслом дивной работы болонца Аристотеля Фиораванти – свадебным подарком коронодержательницы Софьи венценосному супругу. Высокую, затейливо украшенную резьбой спинку сего трона венчал черный византийский двуглавый орел. Завернутое в холст кресло-трон проделало вместе с Софьей тысячеверстный путь через всю Европу.

Не вдруг велела Софья его развернуть и поставить на глаза Иоанну Васильевичу. Выбрала момент. После любимой им вечерней утехы. Вскочила в рубашке, оставив его на постели, откинула со спинки трона холстину и уселась, по-девичоночи подогнув под себя ноги. Ночная свеча не абы где стояла – в ее неверном свете коронованные головы орла, забралом опущенные крылья, сильные когти, охватившие спинку, мерцали загадочно и державно. А белый комочек Софьи, ее текущие по плечам волосы и долу опущенные глаза являли саму Белую Русь-Московию в отеческом лоне царя-императора.

Иоанн Васильевич был поражен мизансценой, и долго царило молчание в опочивальне.

Софья вернулась в постель и набором немногих уже знакомых славянских слов поведала супругу о своем римском знакомце Аристотеле, мастере-строителе и пушечнике, коих свет еще не видывал. Что этот самый Аристотель у себя в Болонье не знамо, каким чудом перенес на 35 футов в сторону колокольню церкви св.

Марка вместе с колоколами. А другую – св. Власия в Ченто, – что опасно отклонилась от отвесной линии, он умудрился выпрямить, не потревожив при этом ни одного камня.

Иоанн Васильевич, казался, слушал вполуха, а самavorожено смотрел на мерцающего орла о двух головах, будто перелетевшего к нему из восточного турками Царьграда. Одна голова орла словно бы на Литву повернута, а другая – на Сарай. И сильные когти почти уже держат добычу...

Софья об орле молчала – не ее, мол, это ума дело. Но утром другого дня велела поставить трон в Аудиенцзале великокняжеских хором.

Каменные церкви, что и говорить, нет-нет да и падали на Руси. Исконные русские древоделы камня побаивались – тяжел, холоден, неподатлив и какой-то нездешней хитрецы требует. С мягким, как воск, деревом, коего в Московии видимо-невидимо, обходиться было привычнее. И Богородице в деревянном-то храме – как у Христа за пазухой.

Осторожно подступали к Москве от юго-западных границ каменные святыни. А утвердившись, они как-то исподволь все равно наполнялись и обрастали деревом. Особенно – исподу. “Мерцающая живопись” византийских мозаик, древневосточная фреска только гостевали на Руси и нездешней смотрелись одежкой. Куда ближе к телу русского храма были теплые сливочные иконы, по дереву писанные. Камень стен конфузливо прятался и исчезал под ними.

А что горела деревянно-иконная Русь по два раза на дню – так ведь за грехи.

Софье же деревянная Москва очень скоро надоела до чертиков. В ней, деревянной, все смотрелось временным, балаганно-бутафорским. Терема, храмы, избы и клетки, вот эта ее повалуша со скрипучими половицами и невесомым, вловно бы куда-то летящим крыльцом. Всегда приходится ей за что-то держаться, искать руками перила и опоры. Даже стены Кремля... От былых белокаменных ничего не осталось – латаны-перелатаны и надстроены все тем же неизменным деревом.

А пожарище... Упаси Богородица еще раз пережить такое.

После того, как опростоволосились московские строители, и в митрополичьей Москве (стыд-то какой!) рухнул соборный храм, воздвигнутый прилюдно в состязании с Владимирским Успеньем, но с ещё большим размахом, Софья уже не упускала случая уязвить перед Иоанном Васильевичем деревянную немощь и примитив самостийного каменного строительства престольной столицы. Намекала, где походя, где невзначай, а где и капризом венценосной царевны. Не пристало, мол, царю всяя Руси и наследнику ромейских цезарей обитать за стенами, что латаны деревом и держатся на подпирках. И молиться в храме, готовом рухнуть на венценосные головы. При этом снова и снова всплывало в разговоре имя болонского мастера, архитектора, строителя и пушечника Аристотеля Фиораванти.

Не скрыла Софья и неудачу его в Венеции, понимая, что дотошному великому князю все равно о том нашепчут-донесут.

А случилось, что после выпрямленной колокольни в Ченто Аристотеля поспешила заполучить и венецианская синьория, чтобы он проделал ту же операцию с башней церкви св. Ангела. А башня после его манипуляций возьми да и рухни, похоронив под обломками несколько человек. Случилось, говорили, от слабости грунта, и неудача в Венеции, похоже, только усугубила европейскую известность неутомимого болонца.

Его стали приглашать наперебой и поручать самые хитроумные задачи: то поднять со дна Неаполитанского залива тяжелый ящик с драгоценностями, то испрямить русло реки...* Вот бы, намекала мужу Софья, выбрав подходящую минутку, кто мог исправить Успенскую святыню. “Да ведь... – она делала интригующую паузу, – за малые деньги не возьмется мастер. Хоть и наслышан он о московской державе...”

Раз за разом возникали такие беседы в покоях Софьи. Иоанн Васильевич, видела она, без советчиков не мог обходиться. То к матери шел, то к новопоставленному всевладыке Геронтию или к какому нарочитому боярину, что в сей момент у него в угоде. На советы уху остро держал. Но вида не подавал и никогда ничего не решал всуе. День пройдет, седмица. “А не позвать ли на Москву зело умудренного фрязина Аристотеля?” – раздумчиво спросит ее великий князь.

Софья эту тактику быстро усвоила: советы давала между делом, оказливо, словно и не говорила ничего, а так, птичка чья-то залетела, в клюве зернышко принесла и обронила ненароком.

Видела, что с Аристотелем у Иоанна Васильевича все решено, а гложет его тайный вопрос: кого за болонцем послать? Иван Фрязин своей двойной хитроумной игрой сильно смутил и раздосадовал великого князя, и предлагать ему в послы нового фрязина – дело безнадежное.

С послами на Руси была еще проблема: своих посылать не насмеливались, а фряги то и дело предпочитали личный интерес государеву. Оценить чудесного архитектора и привезти на Русь Иоанн поручил некоему Семену Толбузину, первому, известному нам, отечественному послу. Итальянец Антон – опять-таки Фрязин – состоял при нем только толмачом, секретарил.

*Русский биограф знаменитого болонца В.Снегирев полагал, что некоторые гидравлические работы в Ломбардии, приписываемые Леонардо да Винчи, на самом деле выполнил Аристотель Фиораванти.

Весной 1475 года Семен Толбузин привез Аристотеля Фиораванти в Москву. Знаменитый болонец согласился за ежемесячное вознаграждение в 10 рублей и два фунта серебра. Но, судя по всему, не звон московских монет потянул сюда 60-летнего болонца – в деньгах, похоже, он и в Италии не нуждался, – а потянул тот же черноземный дух новизны и богатые возможности приложить свой ум и энергию, коих было у Аристотеля в избытке.

Подумать только: прежде чем взяться за исправление храма, он не только съездил во Владимир, чтобы осмотреть предтечу соборного храма, но и объехал весь север Руси, набравшись впечатлений и вдоволь насладившись его суровой экзотикой. Он оказался первым из иностранцев, посетивших такую дальнюю окраину тогдашней Руси. Это труднейшее путешествие было вовсе необязательным для архитектора, но его жаждал неугомный ум творца.

Московляне имели возможность наблюдать Аристотеля в деле. Посмотреть было на что. Хотя бы на то, как лихо и хитроумно обрушил он остатки неудавшегося храма. Подопрет стены деревянными лагами, разберет внизу камень, лаги затем подпалит, стены и валятся сами собой.

А строить новый собор Успенья начал не сразу. Нашел, что белый здешний камень для объемного сооружения мягок и слаб, а следует наладить производство особого кирпича. Нашел также, что и раствор московский (известь) не клеевит и непрочен. Выучил здешних мастеров и кирпичу своему, и извести. И только после этого начал новый храм расти, зато уж как на дрожжах. Весной 75-го Аристотель прибыл, а к концу лета 1476 года стены уже вывели по киоты. Для большей прочности в них заложил железные связи. То же – и для устойчивости сводов: вместо привычных дубовых брусьев употребил кованые железные соштырями.

С легкой руки Аристотеля и "незначительных" Софьиных капризов все смелее нарождались на Москве каменные строения. В 1479-м освятили Аристотелев храм *. Событие совпало с рождением у Софьи должного сына-наследника. Вслед за Успенским, Иоанн Васильевич повелел заново перестроить придворный Благовещенский собор. А потом и Архангельский – усыпальницу московских великих князей.

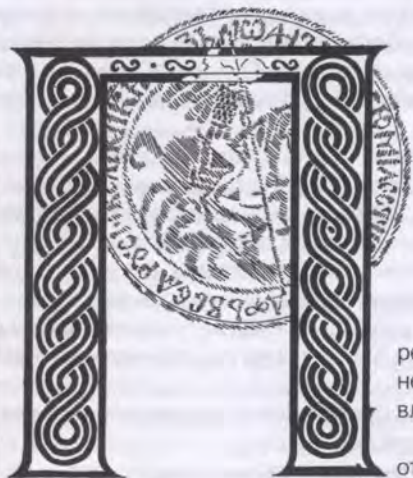
По примеру новгородской грановитой палаты появилась таковая и на московском княжеском дворе и тоже за свои граненые стены стала называться Грановитой. Здесь вели торжественные приемы, встречали иноземных послов.

И для своего с Софьей бытования вместо деревянных хором, уступив супруге, устроил он каменные палаты.

Наконец принялся Иоанн Васильевич и за переделку кремлевских стен и стрельниц (башен).

Словом, по дорожке, проторенной Аристотелем с легкой Софьиной руки, поехали на Москву и другие итальянские мастера: Пьетро Антонио Соляри, строитель нового Кремля, Алевиз... Они несли к нам не только строительное искусство и технические премудрости, но и в целом идеи и дух итальянского Возрождения.

НЕ КРЕСТ ЦЕЛОВАТЬ, НО РУКУ

реловутая хронология событий, не раз уже терпевшая фиаско, подчас не выдерживает испытания логикой человеческого фактора, малоподвластной лукавому летописцу.

Взять трагедию вечевое Великого Новгорода. Избавимся на время от гипноза дат. Что видим мы до той поры, как появилась на Москве ромейская принцесса?

Как бы ни докучали великому князю новгородцы своими вечевыми вольностями, как бы ни ластились к литовскому великому князю Казимиру, Иоанн на свободу новгородскую прямо не посягал. Историки, скажем, Карамзин или Костомаров рисуют нам медлительного, неуверенного в себе правителя, то и дело прячущегося за спины то матери своей, то знатных бояр, то митрополита, Ни одного твердого поступка не стоит за ним. Он шлет Новгороду "опасные" грамоты и "увещания", употре-

* Успенский кафедральный собор был местом важнейших государственных церемоний – поставления московских великих князей, а затем венчания на царство (последним стала коронация Николая II). Пять столетий незыблемого служения храма людям – хорошая рекомендация Аристотеля Фиораванти.

бляет "миролюбивые средства", изъясляет "горесть", жалуется врагов своих чинами... Словом, перед нами никакой еще не самодержец, а только великий князь Московский – хоть и с амбициями, но осторожный, готовый блюсти "старину".

Даже послав Новгороду "складную" грамоту и решившись на войну с ним, Иоанн без конца молится над гробами святых угодников и предков своих, а первые его победы явно преувеличены и расцвечены летописцем.

Вот какую рисует он батальную картину на Шелони. Московского войска было пять тысяч, а новгородцев – от тридцати до сорока. Тем не менее Иоанновы воеводы бросились в воды Шелони с крутого берега в самом глубоком месте и никто из москвичей не усомнился последовать их примеру, никто даже не утонул. Псковский летописец считает "чудом", что войско воеводы Холмского перешло Шелонь там, где никогда не бывало броду. Надо ли говорить, что после таких чудес победа Иоаннова была предрешена?

Совсем другого Иоанна III наблюдаемы мы с появлением Софьи. Не явись она, шелонского "чуда" ему хватило бы надолго.

Но нет, Руси уже не жить по старине.

...В покоях жены все для великого князя внове. Стоит ему войти, как Софья в чем была бежит навстречу (откуда прыть в полноватой морейке?) и, опустившись на колени, целует руку великому князю. (Сего ромейского обычая до Софьи на Руси похоже что не бывало.) Но и потом не отдает руки, плутовка. А перстом своим мягким водит по ладони, перебирает мужнины пальцы с короткими ногтями и заусеницами (как все неуверенные в себе люди, великий князь даже прилюдно покусывал ногти), грозит ему лукаво за сей грешок, греет князеву длань на горячей своей щеке.

И не поднимется с колен сама, пока державный супруг не возьмет под локотки.

Софья наслышана про новгородскую князеву доуку. Ей непонятна и странна медлительность державного супруга, она не вяжется с ее пониманием власти и со всем, что пережито и слышано ею в Морее и Риме. Но в Софьиных покоях про Новгород – ни-ни, слова не прошелестит. Новгород – не ее печаль. "Бабская? бабинская?" – смеялась она про себя, пытаясь уразуметь непривычное слово. А выбравши время и играя кистями князева пояса, трудно и смешно подбирая слова, речет Софья мужу про последние дни Царьграда. Не занимать-стать греческой принцессе, покровительнице мудрейшего философа и ревнителя наук Виссариона Никейского,* познаний и кругозора. Не Ивану московскому чета!

Речет она, как не спеша, окольцовывая один за другим самостоятельные византийские города-республики и ставя крепости в округе, надвигалось на Константинополь турецкое иго. И как Мехмед-Завоеватель, обложив столицу, два месяца не мог войти в нее. Как византийский флот однажды прорвал турецкую осаду, дав Царьграду помощь и надежду. Как турки, поразив осажденных хитростью и вероломством, за одну только ночь по деревянному настилу, смазанному бычьим салом, переташили всю эскадру своих кораблей на выгодную для боя позицию. Как под ударами турецких ятаганов погиб ее дядя – последний византийский император Палеолог – Константин, бывший деспот Морей...

– Ах, Морей!.. – Софья почти непритворно рыдала на плече Иоанна, вызывая в памяти картины детства. – Зачем, о, Морей, ты не пришла на помощь Царьграду, когда император так ждал, так надеялся на тебя! Зачем ты льстила трусливой мыслью угодить коварному Мехмеду? – Софья поднимает заплаканное лицо и, красиво вытянув полноватую руку, рассматривает ладонь. – Перст не может указывать длани и жить по

* Виссарион Никейский (1403-1472), философ, меценат и библиофил. Ученик "нового Платона" – Гемиста Плифона. Он участвовал в заключении Флорентийской унии, затем перешел в католичество, стал кардиналом, но жил в среде европейских гуманистов, был главой так называемой "Академии Виссариона" – кружка итальянских ученых; выискивал, хранил и умел ценить древние рукописи. Свое уникальное их собрание передал в дар Венецианской республике, положив им начало библиотеке Св. Марка. Общение с этим человеком делает честь учености и кругозору Софьи.

воле своей. Перст не может!.. Увы, увы, Византии не суждено было стать державой. Сие – удел и слава московского царя!

Чем взяла османская сила? Вероломством и жестокостью взяла! Воспользовавшись вольготным самоуправством территорий. Софья вспоминает рассказы братьев о резне в Тырново, болгарской столице. О том, как, ступая по трупам копытами коня, въехал Мехмед в стены православного храма Святой Софии. Как повелел отрубить голову василевса Константина и водрузить ее на высокую колонну в центре поверженного Царьграда...

Речет про то, как тихо умирала вслед за громким падением Царьграда ее незабвенная Морея под неслышными и хитрыми победами турок-османов; про то, как незаметно исчезали, словно испаряясь, верные слуги-альбанцы, покидая двор деспота морейского; наверно так же неслышно кануло в Лету и самое войско наемных защитников, потому что скоро отец ее Фома Палеолог, брат последнего византийского василевса, правитель Морей остался с кучкой преданных семье людей, и не ржали уже кони, не стучали ворота, не бухали пушки. И никто не приносил утром в спальню ее любимые фисташковые орехи...

Про то речет, как однажды, галантно постучавшись, явился в женские покои турецкий чин, держа в руках тюрбан с кисточкой. Она только глаза его и запомнила – горячие, быстрые; они не осматривали окружающие предметы, а словно бы по-хозяйски хватили их взглядом. Они и ее, принцессу, схватили, не прикоснувшись. Велели одеться, как в дорогу, и спускаться вниз к отцу...

Победителей не судят, судят побежденных.

Каждое Софьино слово в связи с новгородской маятой ложилось Иоанну на душу спасительным елеем. Это не лукавый совет бояр набольших, не веское патриаршее слово, которое потом эхом с амвона разнесется, даже не материно благословение – и у него уши да уши, глаза да глаза. Ему мнилось, будто и не женщина, а сама судьба, Богом ему данная, сидит перед ним простоволосая и распоясанная. Сама судьба!

Так ли было все, как запомнилось 11-летней отроковице? Что и впрямь случилось тогда в Морее, а что Софья выдумала вот сейчас, преданно глядя на великого князя и чувствуя, что нужная слезинка стоит-таки в уголке ее глаза, а в требуемый момент сорвется и покатится по щеке.

И чего было больше в ее лепете, жестах, неожиданно вспыхивающей улыбке, в прикосновениях невзначайных – было больше жалости и тоски по утраченной родине и короне? Или, напротив, – восторга, тоже словно бы невзначайного, тем явившимся ей бесцеремонным турком-победителем и диктатором воли своей? Больше было наверно и того, и другого. Софья чувствовала, что спектакль ей удастся, что она в ударе, что плохо будет нынче Новгороду ушкуйному, вечевому. А может и для византийской короны найдется голова?

А что же Иоанн свет Васильевич, обретший новую жену с призраком короны византийской? Иоанну заменила она и совет бояр степенных, и митрополичью светлую голову, и материно сердечное провидение. В опочивальне своей коронованной толстушки обрел он все, чего недоставало ему лично – уверенность, хитрость, крепкую государеву руку. И ведь что особенно льстило Иоанну? Ничего этого не просил-не выспрашивал он у жены – ни совета, ни опасы, ни предвидения, как у бояр или у матери. Все явилось ему в богоданном семейном комплекте – наряду с ласками и будущим потомством, горкой заморских фисташек, впрочем залатанной на одежде прорехой, ежеутренним целованием руки...

Позднее, уже в царение сына Иоаннова некий русский славянин по имени Берсень горько посетует греку Максиму: "Как пришла сюда мати великого государя, то наша земля замешалась".

Любое деяние, скажем к слову, большое оно или малое – всегда подспудное творение двоих, несущих в себе мужское и женское достояние. Со-творение человека тому простой и непреложный образец. Личность складывается из двух составляющих – духовной и физической. Она двуедина. Одно мужское, дай ему волю, наломает в жизни дров (что подчас и случается); одно женское не сможет материализовать деяние. И большинство наших неустойств, если тоже к слову пришлось, происходит от непонимания, сопротивления либо только интуитивного следования этому принципу. Закон двуединства, скажем так, еще не понят и не открыт, хотя давно уже витает в воздухе и подспудно правит бал. Как и Божий суд.

И то сказать: наслушавшись Софьиных невзначайных советов, Иоанн на Шелони уже не осадил коня, не отозвался на протянутую побежденными руку. Последовали казни непредставимые для Великого Новгорода, казни даже тех, коих он сам еще вчера облек титлами степенными. Вернув Москве вологодские земли, обогатив казну свою восьмьюдесятью пудами серебра повинного, великий князь сделал передышку, но недолгую, глаз не спустил с Новгорода, наезжал туда теперь не князем соседнего удела, а государем всея Руси, коего владыка и посадники встречали за сто верст от города. Сам творил суд государев, уже не слушая веча и степенных посадников, "питая, – как выразился Карамзин, – несогласие между боярами и народом". Судил "вечников" не только в Новгороде, но и на Москве, нарушая право вольного города.

Новгородцы и сами не заметили, как стали навеличивать Иоанна не господином, как прежде, а государем. А когда уже бессильное вече вдруг спохватилось, ГОСУДАРЬ, узрев в том кровную обиду и беспорядок, снова пошел на Новгород с мечом. И тут уж не увидим мы никакой былой попятности дософьиной поры, никаких увещаний и милости. К нему даже владыку и послов не допускали, объявляя волю государя через третьи руки.

Красноречивый эпизод из той поры гуляет из летописи в летопись. Как архиепископ Феофил с послами новгородскими, придя в очередной раз под двери московского государя, объявил, что Новгород на все согласен и бьет челом, чтобы по старине составить договор и утвердить его обоюдно крестным целованием.

Как видим, только форму просят новгородцы соблюсти. Но слуги государевы ответствовали: "Царь не будет целовать креста!" – "Так пусть бояре полномочные приложатся", – согласились новгородцы. – "И боярам не велит государь". – "Так хоть какой-никакой наместник государев пусть", – коленопреклоненно взмолился владыка.

Дверь, перед коей стояли послы, на то промолчала. Она не умела сказать, что моды нынче завелись другие, и на Москве целуют уже не крест, но руку государеву.

Великий Новгород первым на Руси взвесил тяжелую длань самодержавного царя.

В 1479-м следует новый беспощадный поход на Новгород, уже безоглядно жестокий. По доносам (доносы – еще одна новая мода на Руси) схвачены пятьдесят, потом еще сто новгородцев. Их везут в Москву и там пытаются. Потом всех казнят. Их имущество Иоанн забирает в свою казну.

Вслед за тем началось великое переселение, тоже невиданное до того на Руси. Сотни и сотни семей купеческих, боярских стронуты с новгородских концов и посадов и разбросано по московским землям. А московскую неугоду гонят на их место, в Новгород. При этом все движимое и недвижимое переселенцев отходит под государеву руку. Вольный Новгород никогда не знал такого страха и унижения от московских великих князей. А тем паче от Иоанна (памятута начало его правления), коим, думалось, будет он помыкать как и Казимиром – одного другим пугая, а держась своего.

Можно сказать, в одночасье вблизи Софьиной опочивальни Иоаннова неуверенность, а подчас и трусоватость обрели физиономию хитромудрости и дальновидности, став отныне отличительной чертой его правления на Руси.

Великий Новгород, повторимся, стал первой и тоже великой жертвой самодержавной политики Иоанна III. Историк Н.И.Костомаров держался того мнения, что если бы не Москва одолела тогда вечевого Новгород, а напротив Новгород с его вечевым укладом подмял бы под себя Москву, то при таком повороте истории могло бы не быть у нас ни Иоанна Грозного, ни Смутного времени... Да и грядущее сближение с Западом пошло бы может вовсе не по стезе Петра Великого.

Но для этого, лукаво улыбнемся мы такому фантастическому раскладу, надо было, чтобы римский папа в базилике Св. Петра и Павла не обвенчал бы "денежника" Ивана Фрязина с Зоей Палеолог, сославшись на отсутствие кольца...

...А еще поведала однажды Софья мужу морейскую легенду горы Ликеем – своего рода Олимпа дорогой ее сердцу Аркадии. Именно здесь, как утверждает предание, небывало плодородная земля родила богоравного Пелазга, первого человека, отца будущего аркадского царя. Софья красиво падала тогда на мужнины колени и наверно представлялась ему той самой нимфой, океанидой, что подарила богоравному сыну. И Софья казалась, что она слышит, слышит, как у нее самой толкается под сердцем будущий царь черноземной Руси.

(Окончание в следующем номере.)

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для библиографического словаря)

Б

Б.

Авт. очерка «Беглая каторжница» («Вост. обозр.», 1884)

Здобнов.

Б.

Авт. стихотв. «Я твоя всем нетронутым телом...» - в сб. «Северные цветы на 1901 год, собранные книгоизд. «Скорпион»». М., 1901.

Голубева.

Б.

Авт. очерка «Без счастья: (Из воспоминаний старой девы)» - «Женское дело», 1900. № 5.

Б., А.

Авт. «Деревенских досугов» в журн. «Рассвет» (1859.№. 2).

Слов. рус. писательниц.

Б., Е.Ф.

Авт. стихотв. в «Сыне отечества»: «Слез (подражание французскому)»; «К спящему дитяти»; «Разлука с подругою» (1843. Ч. 86).

Слов. рус. писательниц.

Б., К.

Пер. отрывок «Кухня в трактире, или Жених-мертвец» - из кн. «The sketch book» Вашингтона-Ирвинга («Сын отечества». 1825. Т. 104. № 24).

Слов. рус. писательниц.

Б – А, А.

В журн. «Полезное и приятное препровождение времени» напеч. «Слезы нежного отца о потере сына» (1795. Ч. 6).

Слов. рус. писательниц.

Б – А О.

Авт. пов. «Дуэты», напечатанной в сб. «В добрый час» - в пользу О-ва вспомоществования нуждающимся ученицам Коломенской женской гимн. СПб., 1895.

Смирнов-Сокольский.

Б.....А П.

Авт. стихотв. «Сияло утро обновленьем...» - в альманахе «Утренняя заря» на 1840 г. СПб., 1840.

Смирнов-Сокольский.

Б – А, Татьяна.

Авт. расск. «Из киргизских степей» («Молодая Сибирь», 1909).

Здобнов.

Продолжение. Начало в №№ 1-12 2005 г.

Серый город

Я случайно полюбил
Этот грязный серый город,
К серым мыслям странный повод
Он мне сразу подарил.

Серой искрой вдруг сверкнул
Отблеск мысли на бульваре,
И о лирике-товаре
Как-то вскользь упомянул.

Серо-жёлтый листопад
Вновь продал своё мечтанье,
На вопрос о расставанье
Он ответил невпопад.

Я пытался расспросить
У прохожего про что-то –
Он советовал кого-то
Мне в больнице навестить.

Я случайно полюбил
Этот странный серый город,
К серым мыслям стройный довод
Сразу он провозгласил.

Странно-серою волной
Град накрыл себя случайно,
Но его немую тайну
Вспоминаю я порой.

Не случайно полюбил
Странный серый город этот –
Лишь его угрюмый метод
Придаёт теперь мне сил.

Рассвет

Рассвет однажды сделал шаг,
Разжёг сияние лазури,
Подал он странноватый знак
Об ужасах грядущей бури.

И серебром во мгле сверкнул
Листок с чистой каплей света,
И тихо-тихо развернул
Приветливую книгу лета.

А воздух тихо зашептал,
И шёпот по полям катился;
Листок тот сладко, сладко спал –
Ему прекрасный берег снился.

Но, попрощавшись с красотой,
Безумный вихрь пронесётся,
И солнечный листок простой
От ветра свежего проснётся...

Б – ВА, Елена.

Авт. «Рассказов сибирячки» («Вост. Обзор.», 1886).
Здобнов.

Б – ВА Л – а, переводчица.

Пер. с англ. философ. пов. С.Джонсона «История Расселаса,
принца Абиссинского». СПб., 1875.
Слов. рус. писательниц.

Б – НАЯ А., авт. некролога.

«Светлой памяти Варвары Павловны Тарновской». - В сб.
Памяти Варвары Павловны Тарновской. СПб., 1914. С. 108-
110.
ИДРДВ. Т.3. Ч.1. № 1793.

Б – ОВА.

«Послание к *», - «Сын отечества». 1816. Ч. 33. С. 262-
263. В прим. сказано, что стихотв. написано вдовой, живущей
в Москве в крайней бедности.
Слов. рус. писательниц.

Б – Я Е – а.

Пер. с франц. соч. Юлия де-Сен-Феликса «Пустыня».
Одесса. 1862.
Слов. рус. писательниц.

Б – Я Олимпиада.

«Торжественный для всей России праздник по случаю свя-
щенного коронования Е.И.В. государя императора Александра
Николаевича, Самодержца Всероссийского». М., 1856.
Слов. рус. писательниц.

БАБИНА А.И., переводчица.

«Полный ключ к учебнику франц. языка Октава Класса. Ч.
3. Пер. слушательница Мед. курсов А.И.Бабина». Могилев,
1910.
РНБ.

БАБИНА Анна Ивановна (псевд. Украинка, А), драматург. Писала пьесы на украинском и русском языках.

Масанов; Венгеров.Источ.

БАБИНА Берта Александровна (псевд. Невская; 1886 – 1983), лит. критик, переводчица, авт. воспоминаний.

Из семьи инженера. В СПб. закончила гимназию, затем
училась на Высших женских курсах. Рано увлеклась идеями
социалистов-революционеров, была замужем за эсером
В.М.Головиным, а после его ранней смерти – за Б.В.Бабиным,
тоже эсером. После февральской революции примкнула
к левым эсерам, не приняв их экстремизма, считая, что он
привел к ликвидации многопартийности в советской России.
Прошла Бутырскую тюрьму. 17 лет провела на Колыме. После
освобождения жила в Ухте (Коми республика). Реабилитиро-
вана в 1964-м. Вернувшись в Москву, была душой «Колым-
ского землячества». Осталась преданной идеалам молодости.
Владея европейскими языками, работала переводчицей.
Занималась литературой народов Крайнего Севера. Под
псевд. Невская писала лит.-критич. статьи в «Новом мире»,
«Дружбе народов», «Лит. газете». Одна из первых оценила
талант Ч.Айтматова. Ю.Рытхеу, Вл. Санги. Оставила воспоми-
нания «Февраль 1922». С нек. разночтениями они напеч. в сб.
«Доднесь тяготее». Вып. 1. М., 1989. С. 132-148 - отрывок и в
ист. альманахе «Минувшее». Вып.2. М., 1990. С.7-80. Там же
«Беседа с Б.А.Бабиной» (записал Н.Бармин), с.367-389.

(Продолжение на стр.23)

Поход на Иремель

(Хоббиты. Туда и обратно-2)

ЧАСТЬ II. Обратно

Фаня: Продолжаю. День открывшегося второго дыхания. Идем достаточно бодренько. Разделение группы становится все более явным. Произошла переквалификация, и команда направляющих соседствует с командой замыкающих.

За 50 минут прошли полностью вчерашний суточный маршрут. Абсурд, но это так.

Ищем воду. Воды опять нет. Каждые 40 минут Пал Юрич обнадеживающе сообщает, что до источника осталось 6 километров.

Юлька долго переживала, что поход скучноват и не хватает приключений. Предложила сломать кому-нибудь ногу. После этого Юлю начали сторониться. Ноги хоть и сбиты в кровь, но пока еще функционируют.

До воды так и не дошли. Вставать после регулярных пятиминутных привалов стано-

вилось все сложнее и сложнее. Остановились напротив лужи. Отправили Пашку с Андрюхой на поиски чего-то более цивилизованного. Отдала им котлы и свою кружку. Сами через носовой платочек с Ленкой фильтровали воду из канавы. Забавный опыт, теперь можно подавать заявку в «Последний герой». Перетаскиваем вещи в

лес, разводим огонь и устанавливаем шатер.

Пашки с Андрюхой не было более двух часов. Дружно срывали голоса. Орала «Паша!», более тускло «Андрей!» – сложнее было выговорить на голодный желудок. Так не хватало Пашкиного выражения «в рот компот» – только у него это получалось так сочно и со всей

Окончание. Начало в №12 2005 г.

душой. Серега лазил на сосну, слезно просил ребят вернуться. Мою тарелку, добровольно отданную во спасение парней, сильно покалечили. Она получила несколько пробоин, а ложка стала похожа на крупнозернистую наждачную бумагу. Ребята вернулись с водой. Радость безгранична. Ожидаем гречку с тушенкой и мечтаем о здоровом 8-ми часовом сне.

Fanya: Утро. С каждым днем становится все холоднее. Небо постепенно затягивает мерзкими тучами. Отгоняя грустные мысли о предстоящем пути, вылезаем из шатра. Все меланхолично с грустью в глазах подсчитывают синяки на теле. В голове рождается идея пойти совершить подвиг – умыться и почистить зубы. Обнявшись с Цыпой, удаляемся в сторону дороги. Там нас со вчерашнего дня поджидает лужа. Мы отмыли в себе девушек! Чисто, свежо, чувствую, что готова пройти еще много-много.

Пал Юрич устраивает экстренное внеплановое собрание

турклуба. Делает объявление, что запланированный маршрут остается незаконченным, и мы просто двигаемся в обратном направлении. Какая радость отразилась на лицах! В глазах запрыгали солнечные зайчики, разумянились щечки! У кого же болели ноги? У кого ботинки натерли мозоль? У кого был тяжелый рюкзак? Пели песни, разговаривали, смеялись. Первый раз за повествование напишу, что жизнь стала прекрасной!

Споткнулись о три небольшие речушки. Переpravлялись, кто как умел. Кто, опираясь на Сашкины лыжные палки, кто на самого Сашку, а кому не досталось ни того, ни другого перебиралась нервно размахивая руками как маленькие мельницы, периодически соскальзывая с бревна в воду. Но обедали все с одинаково сильным аппетитом.

Встаём лагерем в километре от деревни Тюлюк. Походную романтику прочувствовать не удастся: в том же километре находится магазин. Мечтать

уже не о чем. Романтики добавляет внезапно начавшийся снег с дождем. Настроение настолько хорошее, что его уже ничем не испортишь!

Несмотря на близость магазина, за ужином происходят

вспышки недовольства завхозом. Женя предлагает применить радикальные меры по свержению монархического диктаторства Юльки. Юля спокойна как удав. Даже групповое скандирование в честь хлебобулочных изделий «Сушки! Сушки!» не смогло вывести ее из равновесия. После как обычно тихого замечания Пал Юрича, все утыкаются в свои тарелки и силятся забыть про сушки.

Цыпа: Ура, я наконец-то умылась! В болотной, грязной воде, но умылась. Чувствую себя просто замечательно!

Пал Юрич решил возвращаться домой, так как пройти за оставшиеся дни 100 км нереально. Вечером выпал снег. Так красиво! Мы первыми увидели первый снег! Идти обратно гораздо легче, чем вперед. Уже никто не стонет, не отстают. Юлька щебечет о своём, Катя почти не вспоминает о своей ноге. Все радуются: «Домой, домой, пора домой!»

Фаня: Всю ночь Пал Юрич проявлял нечеловеческий гуманизм к окончательно расслабившейся и отъевшейся группе студентов: две трети ночи он самоотверженно топил печку.

Подъем был в половине девятого. Позволили себе поваляться в спальниках чуть дольше обычного. Разлагались все, кроме Белки. За ночь ее спальник таинственным образом стал мокрым. Виновата ли в этом сама Белка, а может Юлька, которая спала рядом? Обе единогласно утверждают, что протекал шатер. Жизнь скучна без загадок!

Ура! Дневка. Можно делать все что угодно и не испытывать угрызений совести. На улице десятисантиметровые сугробы. Но мы всё равно счастливы!

После завтрака всех инвалидов, ну или тех, кто умело маскируется под них, оставляют в шатре готовить торт из остатков печенья и вареной гущенки с протертой в порошок шоколадкой.

Проводив всех, я сначала сидела у костра. Разобрали с Людой поленницу, перетащили ее к огню, чтобы сушилась. Залезаем в шатер, а там профессионально твердой рукой завхоза разложены яства: консервы, сушеные бананы. Со дна рюкзака извлекаю некую субстанцию с еще недавним запахом шоколадки. Наслаждаемся.

Захотелось апельсинового сока, с жиру захотелось. Идем с Цыпой в магазин. Сначала спускаемся к речке, тормозим, возвращаемся обратно. Я надеваю резиновые сапоги, Цыпа пытается натянуть химзащиту. Проходит минут пятнадцать. Цыпа снимает химзащиту. Опять идем к реке. Стоим, смотрим. Возвращаемся в лагерь. Ищем палки. Я беру костровую березовую, на которой висели котлы. Цыпа что-то маленькое и трухлявое. Опять спускаемся к реке. Думаю, что если сейчас утоплю эту палку, перед коллективом будет стыдно,

Торт был очень вкусным или только казался таким в лесу. Холодно. Но греет мысль о том, что завтра мы едем домой. Отбой был объявлен рано, вставать ведь в четыре утра. Разбираем спальники. Наперегонки занимаем спальные места, чтобы не попалось «мокрое» Белкино место.

Цыпа: Все ушли гулять, а мы – Катя, Юля, Белка, Фаня, Люда – остались в шатре. Устроили массажный кабинет, готовили торт. Оголодали до такой степени, что радовались скушанным банкам тушенки, скумбрии, паштету и шоколадке.

Ходили с Фаней в магазин. Еле перебрались через три речки. Чуть не утонули. Все-таки без наших мальчиков переправляться на другой берег сложно. Правда, их заменили палки...

В магазине оказалась слишком разговорчивая продавщица. Долго расспрашивала нас о походе, потом подарила

и меня лишат чая с тортом. Идем обратно. Меняем всё на савельевские лыжные, желтенькие, которые не жалко (Сашка, прости, мы просто их выгуливали).

Без двадцати шесть из леса начали раздаваться страшные вопли. Потом показались и ребята. Довольные. Голодные. А мы, обожравшиеся, нехотя вылезаем из тепленького шатра.

нам одну рыбку попробовать. Мы ее засолили и съели. Было жутко вкусно и в то же время страшно: что же станет с нашими желудками?!

Когда шли из деревни в лагерь, решили сократить путь и пошли через мост, потом через елки. Сначала было интересно, куда же выйдем? Потом стало страшно. Сколько же еще идти? Елки, ветки, горы снега. Когда

увидели следы родных ботинок и развешанные цветные пакеты, закричали от счастья! Нашли!

Fanya: Спать нам не дал Тема, который так рьяно в последнюю ночь всех возненавидел, что решил немного поиграть в концлагерь Освенцим, проверить опытным путем устройство газовой камеры. Если бы Пал Юрич вовремя не отобрал у Темы печку, то эти строки не были бы написаны. Когда встали, у костра создавалось впечатление, что сейчас новогодняя ночь и весь турклуб поехал справлять ее в лес. Сейчас мы зажжем бенгальские огни, Пашка (не знаю, почему Пашка, так представлялось) разольет по походным кружкам шампанское, и мы дружно будем кричать «Ура!» под двенадцатый бой курантов.

Но это был всего лишь октябрь, и мы всего лишь ехали домой.

В 5:30 выдвинулись по дороге в деревню. Каждые десять метров, Тема под предлогом того, что ему нужно подтянуть

штаны, просил меня понести тент. Потом штаны начали спадать все чаще и чаще... Кому тент-то доверили? Мне что ли?

Спустя полчаса, мы были на остановке. Невозможно описать радость, которую у нас вызвало появление автобуса. Это поймет только тот, кто абсолютно ооченев, не чувствуя ног, пританцовывает на остановке, скучает по цивилизации и постепенно теряет всякую надежду попасть домой.

7:30. В автобусе, прижимаясь всем телом к батарее (гениальный оплот технической революции) поем песни и придумываем, как бы практичнее использовать то огромное количество проездных билетиков, которые нам дали.

В 10:05 – автобус до Вязовой. Успеваем купить молока и батон. Счастье беспредельно! Вы ели когда-нибудь батон с молоком, стоя на остановке автобуса? Лично я презирала эти вещи. Но как же это вкусно!

Ровно в час дня у нас поезд. Поезд домой! Домой! Половина билетов была купейных, половина – плацкарт. Но это не мешало нам через семь вагонов ходить друг к другу в гости, просить еды. Зачем-то потребовали с Цыпой у завхоза палку колбасы. Так и не съели ее. Зачем взяли – непонятно...

В родной Екатеринбург поезд прибывает в 00:15. Веселенькое время! Но домой в ту ночь попали все!

\$avel'ev:... (- 3 рубля) Денег нет, слов тоже.

Возвращение хоббитов вызвало большой переполох как Под Холмом, так и За Холмом. Интерес к этому событию спал далеко не сразу. Хоббиты снова вселились в свои норки и были вполне довольны жизнью. Чайнички у них пели по утрам еще музыкальнее, чем прежде, в те безмятежные дни, когда на пороге возник Гэндальф. Они пристрастились писать стихи и ходить в гости к эльфам. Многие соседи покачивали головами и вертели пальцами у лба. Мало кто верил рассказам об их приключениях. Но хоббиты, не смотря ни на что, чувствовали себя счастливыми до конца жизни. А жизнь их была на редкость долгой.

Владимир СТРУГАНОВ,
фото автора

Бабушкина деревня

Каждые два-три года мы с братом навещаем родные места. Вот и в этот раз, часа три покружив на машине по Каменску-Уральскому, где родились и закончили школу, направились в соседнюю Курганскую область – в нашу деревню Колмогорову, что в 20 километрах от райцентра Каргаполье. В детстве все каникулы проводили мы у бабушки Марии и дедушки Михаила. Поездом обычно добирались до Шадринска, затем – автобусом, по грунтовой дороге – до села Осиновское, а там – еще 4 километра пешком или, если повезет, на попутке. Места раздольные – не надышишься! И речка та же – Исеть.

Деревенские считали нас своими. Летом пропадали мы с удочкой на реке, ватагой ходили в поле, в лес, купаться. Иногда работали в колхозе – в основном, на сенокосе, обычно начинавшемся, если не было дождей, 1 июля. Молодежи было много. Работали с настроением. Опасаясь ненастья, сено убирали почти без выходных, с раннего утра и до вечера, до той поры, когда с луга домой потянутся за день нагулявшие молоко коровы. После ужина (а в субботу – еще и после непрерывной бани) шли в деревенский клуб – просторную по тогдашним меркам бревенчатую избу. Небольшой зрительный зал нередко

заполнялся буквально битком (сидели и на полу). В клубе стоял простенький бильярд. Были гармонь, шашки, волейбольный мяч и сетка – обычный, предполагаю, инвентарь сельских клубов того времени.

Приходили и из соседней деревни Пирожки, откуда родом наша бабушка, Мария Степановна Векшина (Смольникова). Деревня была небольшая, клуба в ней не было. Вместе с Колмогоровой и

Далекое-дизкое

РЕКА ВРЕМЕНИ

отдаленной Мишагиной входила она в состав колхоза «Память Ленина». Весной, когда разливалась Исеть, для пирожковских ребят, учившихся в Колмогоровской начальной школе, незаметное расстояние в 1,5 километра часто становилось непреодолимым.

В Пирожках у нас раньше была довольно многочисленная родня: три бабушкиных брата. Их отец – Смольников Степан (один из наших прадедов по материнской линии) – погиб еще в Гражданскую, воюя против колчаковцев. Мать, Пелагея, вторично выйдя замуж, родила еще сына – Андрея. Помню семью лишь одного из братьев – Василия, воевавшего и вернувшегося с войны. А вот младший брат, Андрей, с войны не вернулся. Закончив весной 1941 года Свердловское пехотное училище, он уже в мае спешно был направлен к месту службы (куда-то на запад). В единственном письме своей матери сообщал, что добирался через Львов и Минск, что обстановка довольно тревожная (даже в столовую его сопровождают два солдата). Но просил не беспокоиться, если от него не будет писем – с ним ничего не случится... С началом Великой Отечественной Андрей пропал без вести.

В послевоенное время на все наши запросы о его судьбе из Центрального архива министерства обороны приходили неизменный ответ:

«В картотеке по учету безвозвратных потерь офицерского состава значится: лейтенант Смольников Андрей Степанович, 1921 г. р., уроженец д. Пирожки Каргапольского района Челябинской области (до войны территория входила в состав Челябинской области.– В.С.). Место призыва не указано. Командир взвода 37-го мотострелкового полка, пропал без вести в 1941 г.

Сообщаем, что документов 37-го мотострелкового полка и 37-й танковой дивизии за 1941 год на хранении нет».

В последний день нашего пребывания в Колмогоровой, прогуливаясь по лугу, обратил внимание брата на виднеющийся вдалеке столб, которого прежде здесь не было. По мере нашего приближения, на его месте стал вырисовываться деревянный, из крепкого бруса, православный крест. Подойдя почти вплотную, уже догадываясь, прочитали:

«На этом месте в период с 1830 по 1987 г. находилась д. Пирожки, проживало 259 чел. На фронт в годы ВОВ ушло 36 чел. Не вернулось – 19 чел.»

Теперь уже и не различить следов стоявшей здесь некогда деревни со смешным на первый взгляд, но таким домашним названием «Пирожки». Разделила она незавидную участь многих

других. Словно растворилась незаметно. Ни бревнышка, ни колышка. Ровная поляна, с невысокой, выгоревшей на солнце, травой. И всего несколько ив. Да неподалеку, под горой, у края поля – знакомая с детства березовая рощица Подвалка...

Вечером тетя Тоня – мамина сестра, живущая в Колмогоровой, наша крестная – рассказала, что крест поставили пирожковцы, покинувшие деревню в «застойные» времена, что в прошлом году они снова собирались («Гуляли, выпивали... Пели и плакали...»).

Не знаю точно, почему деревня так называлась. Несправедливо, что ее не стало. Само название ассоциируется с хлебом и достатком. Пирожки... Теплые, пышные, вкусные – какие бабушка пекла.

Фото Евгения Савенко

Каменские колокола

Далекое-близкое

Еще лет пятнадцать назад казалось, что все дальше и невозвратно уходит от нас колокольный звон. Восстанавливались старые храмы, возводились новые, но многие звонницы и колокольни даже на «престарелых» церквях оставались безмолвными. Думалось, что навсегда утрачены секреты старых мастеров литья, а с ними – и колокольное производство. Но нет! – возрождается искусство церковного звона, создаются заводы колокольного литья.

Колокола уральских мастеров литья, готовые озвучить звонницы храмов

Старший формовщик В. Ощукوف готовит украшение к модели

У российских звонов — своя мелодия

Все чаще, все увереннее поют, зовут церковные колокола: «К нам! В храм!», заполняя красным звоном округу, рассыпаясь малиновыми переливами.

— Колокола всегда напоминали о том, что есть над миром иная сила, иные параметры, чем у сил земных, — утверждает богослов и знаток колокольного искусства А. Давыдов. — Иная у нее власть, быть с ней, подчиняться и служить ей — что может быть радостней?.. Звук колокола пробуждает в душе русского человека что-то давнее, на генном уровне. Это — чувство наших предков, наших корней.

Колокола в России всегда были больше, чем музыкальный инструмент. Вспоминается Угличский колокол, подвергшийся не только жестокому «телесному», но и «моральному» наказанию за провинность, свойственную людям.

Когда был убит царевич Дмитрий, сын Ивана Грозного, жители Углича подняли бунт, ударили набат в колокол. Это был их князь, их надежда. Жестоко подавил Борис Годунов народное волнение. А за то, что колокол «призвал к бунту», его секли кнутом, отрубили ухо, а потом выслали в село Березово.

Колокольное производство в России восстает, как птица Феникс, из пепла. По архивным свидетельствам энтузиасты разыскивают, анализируют и сопоставляют старинные рецепты. И с конца 80-х годов возрождается колокольное производство.

— Колокол — инструмент полифонический, то есть — многоголосый, — рассказывает один из основоположников нового литья Николай Геннадьевич Пятков. * — Обертон в его звуке тем больше, чем грамотнее приготовлена бронза, имеющая свойства сохранять колебания. Перед нами, литейщиками, стоит задача: многоголосую вольницу втиснуть в рамки музыкальных канонов,

в каждой стране разных... Экспериментирование с бесконечной переливкой неудачных колоколов во все времена было занятием очень дорогим, да еще общий оценочный уровень постепенно поднялся так высоко, что стало ясно: два одинаковых по звучанию колокола отлить невозможно.

«Древние» колокольные звоны сохранились в Пскове, Ростове, в Киево-Печерской лавре, в Новодевичьем монастыре и в некоторых других местах. Они могут служить для современных литейщиков эталоном звука и музыкальных традиций, отличных от традиций Западной Европы, где у колоколов совершенно другие характеристики звучания.

— Мелодичность полного звона (трезвона) сводится к чередованию очень простых фраз в верхних октавах, причем обязательно на фоне повторяющегося ритма басовых колоколов, — поясняет Николай Геннадьевич. — На древнейшем принципе построения народной музыки мастера колокольного звона обрели возможность импровизировать. Севропейской башни давно исчез человек, доверив свои функции автоматике. А вот русская колокольность была и остается местом ежедневной работы и творчества музыканта, часто не знающего нот, умеющего слышать свое сердце и душу.

Колокол может звучать очень плохо, но при этом соответствовать любой ноте. Когда он поет

Завод колокольного литья в Каменске-Уральском

* См. «Уральский следопыт» 1999, № 12.

«как надо», то есть русские, околочные диссонансы – это как раз то, что «цепляет», ради чего хочется слушать русскую колокольню. Признают это и все иностранные специалисты. Они понимают, что музыка пришла к нам из глубины веков, что она просто другая.

Так сложилось, что и сегодня многие ученые, музыканты и музыковеды задумываются о возрождении истинно русского звучания колоколов. С этой целью в 1989 году была создана Ассоциация при советском фонде культуры. В ней объединились все, кто искренне заинтересован в возрождении колокольных звонов.

Первым председателем Ассоциации стал ученый-математик Юрий Пухначев, один из редакторов журнала «Наука и жизнь». Вместе с профессором Саратовской консерватории Александром Ярошенко он был создателем и вдохновителем Ассоциации. Кстати, Александр Сергеевич много лет занимался народным творчеством. Ему удалось собрать замечательную фонотеку сохранившихся звонов – от Москвы до самых до окраин. Фонотека эта дает представление о звонах, благозвучно раздававшихся в разные времена с колоколен России.

Путем проб и ошибок

Старинные российские звоны стали эталоном для сегодняшних подвижников нового колокольного литья, правда, на немногочисленных производствах. Особое место среди них занимает Воронежский завод, работающий при обществе «Вера». Одним из первопроходцев в этом благом деле стал его директор Валерий Анисимов.

– Довелось пережить немало трудностей, прежде чем стало получаться что-то стоящее, – признался он. – Вроде бы все делали «по-писанному», как рекомендовали в своих рецептах старые мастера, не утаивавшие секретов литья – более 80 процентов меди и 20 процентов олова, но все равно звучание колоколов разительно отличалось от тех, которые сохра-

Н.Г.Пятков, директор завода колокольного литья

нились на «престарелых» церквях. Лишь путем многолетних проб и ошибок, преодолев множество «непутевок», добивались мы благозвучного звучания колоколов.

При литье «не настроенных» колоколов современные мастера учитывают их «первородное» свойство – вариантность. То есть то, что колокола в разных местах России звонят по-разному, не одинаковы построение и приемы в звоне. Звонари, передавая из поколения в поколение свое искусство, умудрялись вложить что-то свое. Эта огромная свобода импровизации – отличительная черта русской колокольни.

– Мы вправе говорить о разнообразии звонов – везде они могут играть правильно, в соответствии с русскими традициями, – замечает Н.Пятков. – Поэтому так важна поставленная перед звонарями задача объединиться, чтобы в разных концах страны была выработана единая стратегия звучания.

К вершинам звонниц

Среди колокольных заводов первенствует (с учетом качества и количества отливаемых церковных колоколов) безусловно Каменск-Уральский завод в Свердловской области возглавляемый

Н.Пятковым. Его первые колокола начали отливаться в 1991 году на арендованных площадях крупных городских предприятий, и уже через четыре года «За исключительный вклад в дело возрождения традиций колокольного литья». Закрытое акционерное общество «Пятков и К^о» было отмечено Благодарностью Президента России.

Лишь в 2000 году Николай Геннадьевич начал строительство собственного завода. Освященный архиепископом Екатеринбургским и Верхотурским Викентием, 20 марта завод выдал первую плавку. Это было первое колокольное предприятие, построенное по специальному проекту и отвечающее всем европейским требованиям.

Интерес к колокольному литью у Николая Геннадьевича появился не сразу. «Верно, Господь надумил», – соглашается он, в душе ничуть не сомневаясь в этом. Более двадцати лет назад он окончил металлургический факультет Уральского политехнического института. Практически все его сокурсники изменили своей профессии, многие ушли в коммерцию. И Николая Геннадьевича, когда стали возрождаться церкви, захватила идея лить колокола. – Первыми подняли колокола в храме Покрова Пресвятой Богоро-

дицы в Каменске-Уральском. Но со временем, когда технология производства стала более совершенной, они были сброшены и перелиты на новые, с более певучими голосами, – рассказывает Н.Пятков.

Прежде Николай Геннадьевич в церковь не ходил, лишь заинтересовавшись литьем колоколов пошел за помощью и благословением к священникам. Побывав в Ярославском музее, начал интересоваться исторической и специальной литературой. И возникшее вдруг увлечение стало смыслом всей его жизни, ни к чему другому душа теперь уже не лежала.

Опорой и поддержкой Николаю стал его брат Виктор (ныне – заместитель по производству), жена Галина и сын Константин (менеджер по снабжению), тоже закончившие литейное отделение металлургического факультета УПИ им. С.М. Кирова. Еще не нашел себя сын Николая Геннадьевича Андрей – ученик 11 класса общеобразовательной школы. Но кем бы он ни был, считают родители, – экономистом, музыковедом или филологом – все специальности могут пригодиться в ЗАО «Пятков и К».

– В колоколах, как и в детях, есть что-то непостижимое, неотмирное, – утверждает знаток колокольного искусства московская поэтесса Мария Мирошина. – Они прекрасно соседствуют друг с другом. Малыши даже замечательно спят под колокольный звон, воспринимая его не как мы, взрослые – как призыв духовно проснуться...

– Воистину душа радуется, когда слышишь голос своего колокола, – говорит формовщик А.Скриба. – Всякий раз хочется вновь отлитый украсить под стать его малиновому звону.

– Атмосфера на заводе благозвучная, – вступает в разговор старший формовщик В.Ощук. – Понятно, все заняты делом, к которому лежит душа...

– Поэтому каждый старается работать как на себя, – подтверждает художник А.Ворожейкин. – Каждую пятницу отливаем по 4-5 колоколов различного веса, заказчики ждут своего дня.

– Появляются новые фирмы, у кого-то получается хуже у кого-то лучше – ну и дай Бог, – снова вступает в разговор Николай Геннадьевич. – Стараемся и радуемся, что наша продукция пользуется спросом, захватила более половины рынка России. С каждой новой отливкой уходим вперед, чтобы слава о нас звенела.

О безупречном звучании выпускаемых здесь колоколов свидетельствует множество дипломов со всевозможных выставок и ярмарок. Первыми, заставившими говорить о себе, работами уральских литейщиков были колокола, отлитые для собора Василия Блаженного и Донского монастыря в Москве, Храма-на-Крови в Екатеринбурге, городские куранты Ярославля, Великого Новгорода.

Сегодня общее число храмов России, ближнего зарубежья, а также Соединенных Штатов Америки, Канады, Греции (Афон) и многих стран Восточной Европы, получивших звонкие голоса уральских колоколов, давно перевалило за тысячу.

БАБИЧЕВА Люция Васильевна, переводчица.

Переводила с франц. (1893).
Венгеров.Источ.

БАБКИНА, переводчица.

Уч. в артели переводчиц (60-70-е гг. XIX в) и вместе с др. пер. кн. Бетса «Натуралист на Амазонской реке» – См. «Женское дело», 1900. № 5. С.28.

БАБКИНА Е., авт. воспоминаний.

Сыльнопоселенка, после каторги член партии эсеров. Воспоминания напечатаны в кн. "Иркутская ссылка: Сб. Иркут. землячества". М.,1934. С. 58-65.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 4649.

БАБКИНА Елена Ивановна (1873 –), авт. научных работ.

Д-р медицины, школьный врач. Ее докторская диссертация: «Изменение ткани кроветворных органов при асептическом их воспалении: Эксперим. исслед.». СПб., 1910.

Венгеров.Источ.; РНБ.

БАБКИНА Людмила.

Ее «Заметки по поводу статьи г. Завалишина («Моск. вед.» 1865. № 189 и 254) о первых женских училищах в Москве» напеч. в «Соврем. летописи» 1865. № 39.

Слов. рус. писательниц.

БАВИЦКАЯ Анна Сергеевна (1898 –), автор воспоминаний.

Акробатка. «Рассказ о прошлом». – «Сов. цирк», 1958. № 3. С. 14-15, ил.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 3. № 7404.

БАГАТУРОВА Н., переводчица.

Пер. с итал. новеллы Э.Кастельнуово «Рыцарь непорочный». М., 1912.

БАГРЕЕВА-СПЕРАНСКАЯ Елизавета Михайловна.

(См. Фролова-Багреева, Е.М.)

БАГРЕЦОВА Вера Петровна (1894 –), химик.

«Задачник по неорганич. химии». М., 1937. Сост. совм. с А.П.Голубевой и Т.М.Захаровой (Военно-инженерная академия РККА); «Конспект лекции по химии вяжущих веществ». М., 1939; «Лабораторный практикум по общей химии». М., 1947.

РНБ.

БАГДАСАРОВА Л.Г., авт. воспоминаний.

Ее воспоминания «Рабочая закалка» напеч. в кн. «Пречистенские рабочие курсы: Первый рабочий университет в Москве. Сб. ст. и восп. к 50-летию курсов (1897-1947)». М., 1948. С. 189-190.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 3. № 6168.

БАГРОВА.

Авт. рассказа «Чужой» – «Правда», 1905. № 8. В Ревеле в 1931-33 гг. выходил «ежемесячный журнал русской старины, прикладных художеств, искусства и науки» «Старое и новое» (вышло 4 номера). Его издателем был Н.И.Багров, а редактором Е.К.Багрова. (См. Периодика...).

(Продолжение на стр. 27)

Безумству храбрых поем мы песню

В феврале исполняется 100 лет со дня рождения Мусы Джалиля. В Екатеринбурге поэт бывал только проездом. Но здесь живут носители его памяти...

Муса Джалиль. Фронтальная фотография.

С чего начинается Родина? С любви, о которой не кричат. Это чувство хранят глубоко в душе те, кто по-настоящему любит и дорожит своей Родиной. Во имя любви к ней живут, но и иногда и погибают.

Таким великим патриотом нашей Родины, что раскинулась на огромной территории от Калининграда до Владивостока, был татарский поэт Муса Джалиль. Сегодня все от мала до велика знают о его подвиге. В центре Казани стоит мужественный Джалиль, опутанный колючей проволокой. И, очевидно, неслучайно скульптор В.Е. Цигаль выбрал этот образ. Поэт выдержал суровые испытания в концлагере Шпандау и не пал духом. Готовил побег, воодушевлял на борьбу товарищей, распространял среди них листовки, призывающие к сопротивлению, но все-таки по доносу был схвачен гестаповцами и заключен в одиночную камеру берлинской тюрьмы Моабит. Под жестокими пытками поэт пел свою героическую песню – записывал стихотворения в самодельные тетради. До сих пор неизвестно, сколько же было всего книжек. Их сохранил и передал советскому консульству в Бельгии антифашист Андре Тиммерманс уже в

мирное время. Остается сожалеть, что стихи увидели свет на татарском языке в Казани только в 1954-м. В 1955-м издательство “Молодая гвардия” выпустило их и на русском. И только через два года автор цикла поэтических произведений «Моабитская тетрадь» был награжден Ленинской премией посмертно.

Горько писать о том, что не только творчество, но и судьба поэта долго оставалась неизвестной. Усилия многих следопытов понадобились, чтобы установить правду и сам факт трагической гибели Мусы Джалиля. 25 августа 1944-го его казнили фашисты на гильотине в берлинской тюрьме Плетцензее (сохранились акты казни – немцы вели учет скрупулезно). Запоздала благодарность Родины... В 1956-м поэт посмертно получил звание Героя Советского Союза (хотя до той поры приравнивался к врагам народа, а семья Джалиля бедствовала). В Казани, Оренбурге и селе Муштафино – на малой родине героя, были установлены в его честь бюсты и памятники. Именем его названы улицы в разных городах, а на карте Республики Татарстан появился поселок городского типа Джалиль. Но все-таки главное свидетельство его бессмертия в

другом. Целые поколения мальчиков и девочек самых разных национальностей, вероисповеданий воспитываются на поэтическом и человеческом подвиге героя. Ни перестроечная переоценка ценностей, ни само наше разбросанное время не нанесли ущерба святой памяти.

Для кого-то любовь к родине – к России – начинается с пронзительной строчки татарского поэта. А кому-то недостаточно чувства бескорыстного – оно облекается в слова, обрастает атрибутами. Не зря родилось понятие – квазной патриотизм, но не об этом сегодня речь. 15 февраля 2006 года исполняется 100 лет до дня рождения Мусы Джалиля. К этой круглой дате готовят обширную праздничную программу энтузиасты, представители различных национальных организаций. И не на пустом месте: курирует программу Министерство культуры Российской Федерации, а финансирование во многом осуществляется за счет средств, выделяемыми правительствами регионов. В дни юбилея Казань ждет гостей, чуть позже праздничные мероприятия пройдут на родине поэта – в Оренбургской области и в Москве. Четверты-

ми эстафету подхватят Ижевск и Екатеринбург. С 9 по 10 марта в столице Урала на базе государственного университета соберутся представители интеллигенции, ученые на научно-практической конференции (11-го марта почетная делегация гостей поедет в Серов)... А уже совсем скоро, 21 января, в Доме писателей на улице Пушкина, 12 состоится вечер татарской и русской поэзии, подготовленный совместными усилиями регионального отделения Союза писателей России, татарского и башкирского общества культуры имени Мажита Гафури.

У Суфхата Лутфулловича Надырова, возглавляющего эту организацию, нет такого правила – разделять праздники и будни. Он вообще относится к работе, как к делу жизни.

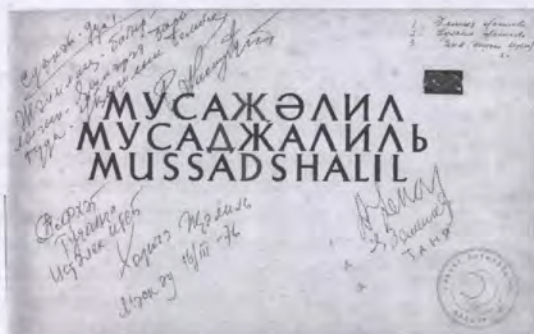
– Наше общество культуры, – рассказывает он, – живет незарегистрированным списком. Много нас. Татарская диаспора насчитывает 200 тысяч человек по области и 100 тысяч – по городу. Татары вообще занимают второе место в России после русских. 200 тысяч – это как целое государство, пусть даже и карликовое...

И как в каждом государстве, в Екатеринбургском национальном обществе культуры накапливаются свои проблемы и неурядицы. Скоро организации исполнится, ни много, ни мало, 25 лет (даже не верится, что заявление инициативной группы когда-то вызвало самый настоящий переполох в чиновничьем сознании, потребовалась даже поддержка управления культуры Екатеринбурга, чтобы национальное общество получило свидетельство о регистрации). Юбилей очень хочется отпраздновать. Но для этого – шутит Надыров – «немножко денег надо». Денег нет, но есть творческие идеи! Шесть проектов наметил Суфхат Лутфуллович на ближайший год, и сам же над собой смеется: «Один я бегаю»...

Сейчас ему шестьдесят пять. Полстолетия – «практически всю сознательную жизнь» – этот человек свято чтит творчество поэта-героя. Каждую пятилетку ста-

Суфхат Надыров (в первом ряду) с коллегами из Екатеринбургского башкирского и татарского общества культуры, с оперными певцами и музыковедами в Доме актера во время празднования юбилея режиссера, оперного певца, народного артиста Нияза Даутова.

Автографы родной сестры поэта – Хазичи Джалиль (г. Оренбург), а так же его товарищей по заключению – Фариды Султанбекова (г. Карши, Узбекистан), Рушад Хисамутдинова (г. Ош, Киргизия). Они все-таки сумели вернуться на родину живыми, но пока поэта не реабилитировали, вынуждены были жить в «подполье». Автографы – из собрания раритетов С. Надырова.

рается устраивать в память о нем юбилеи «с большим масштабом». Занимается просветительской деятельностью. Но главное: мечтает найти реальные следы пребывания Джалиля на Урале, двадцать лет переписывается с местными чиновниками, пытается убедить их в необходимости присвоить какой-нибудь из улиц Екатеринбу-

бурга имя знаменитого патриота. Неоднократно автора «запросов» официально обнадеживали архитекторы и люди, облеченные государственной властью. Решалась судьба улиц имени XXII партсъезда, что в Орджоникидзевоком районе города, и улицы Ильича, что в поселке Садовом. Сколько в стране адресов носит имя Ленина

– неизвестно, но на крохотной улочке Ильича в Екатеринбурге и раньше-то помещалось всего 11 деревянных домиков. Один сгорел, в двух – не живут... как-то не очень подходит этому, мало обжитому месту, имя патриота.

«Вот и все мои дела по вековечению памяти поэта в Екатеринбурге, – грустно подводит итог Суфхат Лутфуллович, – переписки и отписки. Мы когда-то мечтали еще и о памятнике. Но до сих пор «боремся» за улицу. И такая улица в городе есть – имени Сакко и Ванцетти. Когда-то к ней примыкала громадная мечеть, сейчас на ней стоит представительство Татарстана... Мне кажется справедливым присвоить этой улице имя поэта».

Историю не обманешь. Если откровенно, в городе на Исети Джалиль бывал только проездом. В начале 1930-х он возглавлял одну из центральных татарских газет и часто ездил в командировки по направлению ЦК ВЛКСМ в Серов (в те поры – Надеждинск). Там литератор, известный эссеист, поэт устраивал семинары, учил молодую поросль, соборов местных изданий, уму-разуму. Нет прямых доказательств на руках, архивы скрывают далекую историю, но Надыров все-таки не сдается. Продолжает вести поиски «серовского» следа. Мечтает найти публикацию десятилетней давности в газете «Уральский рабочий» с рассказом о событиях 1932-1934 годов. Самое любопытное: тот газетный материал вызвал резонанс среди читателей. Откликнулся краевед, свидетель памятной встречи с поэтом на Урале.

Ну а в «Уральский следопыт» Суфхат Лутфуллович пожаловал с увесистой папкой «по подготовке юбилея». Вдохнул:

– Дела идут тяжело, и это неудивительно. Каждое подобное мероприятие сопряжено с немалыми расходами. Деньги нужны на дорогу, на размещение гостей в хорошей гостинице, на то, чтобы их кормить... Но я оптимист. Верю в то, финансовые трудности не сузят наши планы.

Надеется Надыров увидеть в числе гостей и дочь знаменитого поэта – Чулпан Джалилову.

«Моабитские тетради» Джалиля.

***

Понятие «патриотизм» не имеет рамок. Трудно иной раз понять и то, где же корни человека, откуда он родом, что питает его чувства к определенному уголку земли? Суфхат Лутфуллович – пермяк, родился в Бардымском районе. Есть такая «чисто татарская» территория с населением в 35 тысяч жителей в Пермском крае. Там только несколько деревень «чисто русских». И якобы в прежние времена всех жителей Барды поголовно «записывали» в башкиры. А они с малолетства воспитывались на татарской культуре, на традициях района.

– Чего нам делить? – разводит руками Суфхат Лутфуллович. – Религия у нас – одна, мусульманская. Мы понимаем друг друга без переводчика. К тому же у нас одна учительница – Казань, она обеспечивала учебниками и литературой. Мне часто говорят: на цыгана похож... А для меня нет разницы. Лишь бы дружба была между народами.

Причудлива линия его судьбы. Когда-то она все-таки забросила его в Башкирию. В Уфе он провел молодые годы: закончил вокальное отделение училища искусств, пел в хоре Башкирского театра оперы и балета, работал солистом хоровой капеллы в филармонии. Поясняет:

– В капелле у нас было 60 человек. Денег платили мало. Потолок – 100 рублей, а мне, как единственному октависту, басу,

давали 95. В две руки работал... А однажды подумал: «Давай, перейду на завод»...

В 1978 году очутился на Урал-маше. Познакомился с одной «красавицей», как сам же говорит, женился. Родилась дочь: сейчас она учится на третьем курсе консерватории – домристка... Урал как бы открыл новую страничку в биографии нашего героя.

Сегодня Суфхат Надыров мечтает о том, чтобы одна из улиц в Екатеринбурге носила имя поэта. И есть для этого основания. Джалиль живет в песнях, в книгах, в названиях улиц, которые разбросаны по всему бывшему Союзу. В столице Татарстана, например, стоит памятник поэту, которого иногда называют «вторым Пушкиным». Летящая фигура, опутанная колючей проволокой, притягивает взгляды прохожих. Кто-то непременно задержит шаг, отдаст поклон герою. Недавно стало известно, что в его честь в Новосибирске названа одна из улиц. А в маленьком селе Аслана, что в Ялуторовском районе Тюменской области, открылся своеобразный музей Джалилю. Сюда не ступала нога поэта, но местная ребятня оберегает память поэта, цитирует его стихи, хранит даже какие-то его рукописи.

Джалиль живет и в сердцах людей, которым не важна формальная географическая «прописка». Они – главные носители памяти поэта. Таких людей надо тоже поддерживать.

Эскиз памятника поэту в Казани.

Муса ДЖАЛИЛЬ

Мои песни

Песни, в душе я взрастил ваши всходы,
Ныне в отчизне цветите в тепле.
Сколько дано вам огня и свободы,
Столько дано вам прожить на земле!

Вам я поверил свое вдохновенье,
Жаркие чувства и слез чистоту.
Если умрете – умру я в забвенье,
Будете жить – с вами жизнь обрету.

В песне зажег я огонь, исполняя
Сердца приказ и народа приказ.
Друга лелеяла песня простая.
Песня врага побеждала не раз.

Сердце с последним дыханием жизни
Выполнит твердую клятву свою:
Песни всегда посвящал я отчизне,
Ныне отчизне я жизнь отдаю.

Пел я, весеннюю свежесть почую,
Пел я, вступая за родину в бой.
Вот и последнюю песню пишу я,
Видя топор палача над собой.

Песня меня научила свободе,
Песня борцом умереть мне велит.
Жизнь моя песней звенела в народе,
Смерть моя песней борьбы прозвучит!

С этого стихотворения, выражающего самые сокровенные мысли, убеждения поэта, его веру в Победу, начинаются знаменитые «Моабитские тетради».

БАГУЛИНА-СЕМЕНОВА А.П., авт. воспоминаний.

Работница, член РСДРП, большевичка. Авт. воспоминаний «Кровавая пятница» \ \ Дружинин П.Н. Революционное движение в Ярославской губ. в 1905-1907 годах. Ярославль, 1955. С. 146-150.

ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 1071.

БАДРИДЗЕ Мелания (псевд. Будущая грузинская писательница; 1820 —), писательница.

Печаталась в альм. "Зурна" (Тифлис, 1855). В этом альм. Е. Вердеревского поместила первую часть повести "Като и Ано", вышедшую и отдельным оттиском (Тифлис, 1856) - рец. «СПб. вед.». 1856. № 275. Повести предшествует автобиография, по мнению Венгерова, гораздо более интересная, чем сама повесть. Ее рассказ о том, как она начала учиться и читать, любопытен для истории проникновения европейской культуры в грузинское общество 1830-х годов. Б. — первая русская писательница грузинского происхождения. Но дальше половины повести она не пошла. О ней: Вердеревский Е.А. Автобиография замечат. особы Мелании Бадридзе. Отрывки. СПб., 1863.

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгерова. Сл.; ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 2638; РНБ.

БАДРОВА Елизавета (псевд. Русская поклонница ко гробу Господню), авт. "писем".

Паломница. Авт. кн. «Письмо из Иерусалима» (СПб., 1-857); "Два письма из Иерусалима" (СПб., 1858); сотр. в "Школе для юношества" (1858), "Домашней беседе" (1850-е гг), "Христианском чтении".

Масанов; Слов. рус. писательниц; Венгерова. Сл.

БАЖЕНОВА Таисия Анатольевна, поэтесса и беллетристка.

В середине 20-х гг уехала в США. Ее стихотворения «Иные встречи» опублик. в сб. литературы и искусства «Земля Колумба» Кн. 1. Нью-Йорк, 1936, с. 10; в войсковом юбилейном сб. сиб. казачества «Сибирский казак», Харбин, 1934 напеч. стихи Б., а также ст. «Лагерь на Аблакетке», с. 300-307. Стихотв. Б. «Инвалиды» напеч. в «Народной газете» (г. Шадринск Пермской губ., 1919, 5 апр.). В сб. «Вольная Сибирь» (Прага, 1926-1930) опубликовано сообщение о заруб. деятельности Б. (№№ 5 или 9). Участвовала в лит.-худож. кружке при Харбинском коммерческом собрании (1922-1925?), выступала с чтением своих стихов. Участвовала также в деят. Общества писателей и журналистов в Харбине (1921-23). Была спец. корреспондентом (США) харбинского журнала «Рубеж» (1927-1945). Сotr. в еженеднв. газете «Русский голос» (Харбин, 1920-1926) - 1923. 31 мая; 1924. 21 февр.; 1925. 1 авг.

Кн. рус. зарубежья; Периодика...; Голдин.

БАЖИНА Серафима Никитична (урожд. Алымова; псевд. Никитина, С.; 1849 — 1894), дет. писательница, переводчица.

"Страсть к литературе" в Б. пробудил ее муж — писатель Н.Ф. Бажин. Дебют очерком "Дневник женщины" (ЖВ, 1867, № 6; подпись Л. Нечаева). Много внимания уделяла трудящемуся люду столичного города и нравам провинции, а также женской эмансипации. В своих очерках Б. одной из первых изобразила женскую учащуюся среду, опираясь на личные впечатления. Писала для детей, протестуя против экспл. детского труда. Рассказы изданы сборником «Блуждающие огоньки» (СПб., 1891, 1899). Переводила с франц. С. Майера, Эркмана-Шатриана, А. Доде, Ж. Валлеса, Э. Золя. Авторы некрологов отзывались о Б. как о "даровитой труженице" и "талантливой переводчице".

Русские писатели; Масанов; Венгерова, Сл.

(Продолжение на стр. 49)

О БРАТЬЯХ НЕ НАШИХ МЕНЬШИХ

Когда я слышу поговорку «Родителей и соседей не выбирают», то сразу вспоминаю своего неугомонного соседа, Андрея Андреевича Ясенева, человека разностороннего, эрудированного, плюс поклонника философии, и это притом, что в прошлом Андреич был простым ветеринаром. Сейчас-то он на пенсии уже, ветеринарию оставил, но в помощи братьям нашим меньшим никогда не отказывал – Петровка хоть и считается пригородом областного центра, но, вообще-то, как была в своё время деревней, так ей, родимой, и осталась: у кого КРС, у кого куры-гуси вперемешку со свинтусами и кроликами, и у всех кошки-собаки, щенята-котята, так что без дела старый ветеринар не сидел. И от философского взгляда на жизнь, её глубинные процессы, на заслуженном отдыхе тоже не отказался, было у него такое своеобразное хобби, «конёк» – эта самая философия, подкован в этой области он был здорово, ничего не скажешь.

Но вот выглядел он малоподходяще как для одного, так и другого занятия: для ветеринара, на мой взгляд, был излишне резок в движениях, грубоват и где-то даже вспыльчив, и представить его в роли добродушного, отзывчивого доктора Айболита лично у меня не хватало воображения, а для философа, пусть и доморощенного, у него, по-моему, не та внешность: обычный мужичок с примесью цыганских кровей, эдакий смуглолицый крепыш с живыми пронзительными глазами, с чёрными, в просье, кудрями, густыми бровями и окладистой «купеческой» бородой. Ему бы жилет из бархата с перламутровыми пуговицами и с прочерком золотой цепочки от часов (луковицы) мягкие яловые сапоги и серебряную серьгу в ухо – и всё, вылитый цыганский барон! В моём представлении философы должны выглядеть всё же иначе; например, побольше аскетизма и сухости во внешности, и поменьше чертенят в глазах.

Сегодня он меня здорово удивил, я бы даже сказал, озадачил: в полдвенадцатого ночи заглянул в открытое окошко, возле которого за столом на сон грядущий я просматривал телепрограмму на будущую неделю, сдерживая зевоту. Дай, говорит, грелку, если есть, весьма этим обяжешь. И борода лопатой, и в глазах эти самые чертенята так и прыгают. Ну всё, приехали, подумал я. И тут Андреич меня добил окончательно:

– Там у Тузьки следующие роды начинаются...

Вернее, опять, – и вздохнул – мол, не вовремя она это затеяла, а без грелки, сам понимаешь, ну никак!.. Каково, а?

Надо отдать мне должное, не стал я задавать никаких вопросов и даже воздержался от ехидных комментариев и советов типа: а не вызвать ли «скорую», одну, мол, для той самой Тузьки, а другую для тебя, с 21-го отделения психушки, с молодцами, собаку скушавшими на белой горячке? Может, так бы и сделал, если б точно не знал, что сосед мой к

спиртному практически равнодушен (были и время и возможность в этом прискорбном факте убедиться). Я просто молча отложил программу в сторону (всё равно собирался, вот и повод нашёлся), молча поискал резиновое изделие чудовищного фасона ёмкостью 1,5 л., которое вскорости и нашёл в прикроватной тумбочке, где оно было благополучно похоронено под объёмистой кипой старых газет и журналов, молча же отдал в цапнувшую его руку и озадаченно смотрел вслед торопливо удаляющейся широкоплечей фигуре, пока та окончательно не растворилась в ночи. Скрипнула калитка на нашем общем подворье, и наступила тишина: ночь расплавилась со всеми звуками, кроме едва различимых шумов с автостреды, что вела из аэропорта в город через нашу Петровку, на окраине которой я и снимал домик в частном секторе; да неожиданно зашёлся в истерике сверчок, вспомнив вдруг про начало лета и чудесную ночь с ясным, прозрачно-звёздным небом. Я же пребывал в некотором замешательстве.

– Ну и ну, – только и сказал, – опять рожает. Кошка, что ли?

Их тут, в округе, не считано и не меряно, да все, заразы, наглые, прожорливые, любвеобильные, голосистые и всё больше гуляющие сами по себе. Короче, ничего общего с домашними Барсиками и Джессиками, одно четырехпалое, хвостатое и местами облезлое недоразумение с повадками хитрящей бестии.

Но, побродив по комнате из угла в угол, остановился, наконец, под люстрой и уставился в окно, мучительно вспоминая, что мне показалось необычным и странным в этой его просьбе одолжить грелку. Что-то было не так, что-то там прозвучало диссонансом, как фальшивая, даже неуместная нота. Я припомнил дословно, что он сказал, и тут же буквально как стукнуло – следующие роды! Это как?

Я пулей вылетел из дома и в два прыжка оказался у общей калитки (хлоп!), потом перешёл на торопливый шаг и через полминуты очутился возле крыльца соседского дома, вдруг запоздало спохватившись, что незванный гость он сами знаете кто, что, вообще-то, ночь на дворе, уже поздно и так далее. И хоть Андреич жил один, но всё равно неудобно. Тем более свет в окнах не горел, и дом казался вымершим. Я потоптался, потоптался, для проформы заглянул в одно из окошек, ничего, естественно, не разглядел, поскрёб в затылке, махнул рукой и пошёл было восвояси, стелиться и спать, да случайно глянул в сторону сада и остановился, заинтересованный.

Сад-то у Андреича знатный, ничего не скажешь, даже в темноте угадывались шеренги застывших, как изваяния, ветвистых яблонь и груш («И деревья, как всадники...» тут же вспомнился Есенин). Дальше, у забора, росли сливы и вишни, а по периметру участка Андреич рассадил смородину и малину. Днём сад выглядел просто впечатляюще и запросто мог претендовать на роль угодыя какого-нибудь русского помещика начала, скажем, века. А когда по весне всё это великолепие ещё и цвело, то сад

просто очаровывал и завораживал белоснежными хлопьями и одурманивал красотой и ароматом расцветающей жизни... Там, у последних рядов яблонь, Андреич в своё время соорудил беседку, эдакое монументальное строение с ажурным куполом. Там же, у забора, находился длинный сарай, не то бывший курятник, не то овчарня, приспособленный потом Андреичем для каких-то иных целей. Сейчас в той стороне мерцал одинокий огонёк. Ага, вот он где ночь коротает, хрен старый!..

Я бодро направился в ту сторону по узкой плиточной дорожке, сырой от вечерней росы, и тут же намочил тапочки – выскочил-то как оголтелый, в чём был. Ругнулся сквозь зубы – куда меня вообще несёт? Понадобилась человеку ночью грелка, ну и что с того? Ну, рожает там кошка ещё разок, не до конца окотилась, мне-то что? За каким, спрашивается, иду человека беспокоить? Тем более ветеринара? Сам разберётся, без дилетантов и любопытных субъектов в моём лице.

Пыл мой угасал, и мне с каждым шагом становилось всё неудобней. Не по себе, прямо скажем, становилось. В конце концов, я остановился и рассеянно посмотрел в сторону своего дома. Ярко освещенное окно врезалось в ночь жёлтым айсбергом света и прямо-таки манило, звало – пойдём, мол, домой, хватит ерундой заниматься на ночь глядя, ныряй в кровать и спи, утро вечера мудреней, вот утречком и разберёшься,

Так-то оно, конечно, так, но...

Но, поразмыслив чуток, я всё же двинулся дальше, держа курс к сараю. Отговорки отговорками, но мой Андреич последние дни вёл себя странно, был не похож сам на себя, а в чём причина, я понять не мог. Это настораживало и слегка нервировало. Теперь эта грелка и что-то непонятное с родами. И потом, не было у моего соседа никакой кошки по имени Тузька. Короче, сплошная катавасия.

Вообще-то, я далеко не любитель подсматривать в чужие замочные скважины, но тут-то – мой сосед, хороший человек, классный мужик, славный дядька и всё такое. Да вот только с дядькой этим славным в последнее время неладное что-то творится. Возник вполне оправданный и закономерный вопрос: в чём, собственно, дело, что с тобой, Андреич, происходит?

Странности начались с фляги, у которой он, матерясь, спиливал горловину (?). Позавчера оговорил тем, что поинтересовался, есть ли жизнь ещё где-нибудь, кроме Земли. Я ответил в том духе, что на Марсе уж точно нет, хотя и мог подробно и обстоятельно проинформировать его, что по этому поводу думают наши, и не только наши, писатели-фантасты, но зачем старого нагружать? А вчера клетку под вечер сколачивал, я ещё подумал, кроликов, что ли, на пенсии разводить собрался? И вот, пожалуйста, ночной поход за грелкой. Хорошо, никто, кроме меня, его чудачеств не видел, только мы с ним самые близкие соседи, участки наши впритык, оба дома на

отшибе, остальной народ жил не тужил поближе к автострате. Вот ведь, похоже, не зря я отгулы взял (хотя и по другому поводу), как чувствовал, что у Андреича появится желание по ночам за грелками ходить, а днём фляги уродовать. А что ещё в голову взбрeдёт? Те же пенсионеры, к примеру, от скуки и не до того докумекивались. Вот почему я всё же решил глянуть, в чём там дело и заодно убедиться, что с соседом моим всё в порядке и моя помощь (тьфу, тьфу, тьфу) не требуется.

Уворачиваясь от веток, я вскорости поравнялся с беседкой, глянул на неё и замер от неожиданности, ибо в беседке кто-то был. Размером примерно с бегемота, а может и больше. Кто-то массивный, тяжеловесный лежал там, на полу, чуть слышно причмокивая и сопя. Он что, лошадь в беседке поселил?!.. Ну совсем ни в какие ворота! Лошадей в беседках держать вместо конюшни – где это видано? И потом, откуда он её взял?

Я пилился в ту сторону, желая разглядеть эту тушу получше, одновременно прислушиваясь. С лошадью этой было что-то не так. И тут сообразил, что лошадь вообще-то не сопят, они, кажется, всхрапывают, а эта... это... А этот бегемот натурально сопел и вдобавок причмокивал, как угомонившийся, наигравшийся и набегавшийся за день ребёнок, уснувший, наконец, праведным сном. Ну, дела! Теперь уж сам бог велел разобраться, что тут происходит, какая теперь, к чёрту, деликатность?

И решительно направился к сараю, чтобы узнать,

зачем Андреич держит лошадей в таких непригодных для этих целей помещениях.

А в сарае, как тут же выяснилось, тоже кое-что происходило, явно нечто таинственное и даже имеющее некий налёт мистицизма, потому что через распахнутую настежь дверь я увидел тень на противоположной стенке, и у меня при виде её ёкнуло сердце и подкосились ноги: у этой тени налиествовали горб и рога. Я натурально обалдел – это что, дурной сон, сюрреалистический бред?..

А бред меж тем продолжался. Горбун с рогами исчез, но тут же появилась другая тень, всё там же, очертаниями – вытянутая собачья морда с острыми ушами.

Псина держала в лапе какую-то штукину, и я с изумлением понял, что это не что иное, как капельница (?). Тень собаки проглядывалась чётко, и у меня всё перемешалось в голове, когда вдруг дошло, что собака-то преспокойно стоит на задних лапах, ничуть этим фактом не смущаясь. Я тупо смотрел, как она издевается над здравым смыслом, а заодно и природой, и мыслей по поводу увиденного было ноль целых, ноль десятых, и вообще, мой разум решил взять тайм-аут и только поэтому, ни о чём не думая, с пустой головой, но с холодком в душе и с вакуумом на месте желудка я поперся в сарай, можно сказать, на автопилоте (уж очень хотелось выяснить, что тут творится), но, боюсь, что чувственное составляющее моего поведения в данный момент многократно преобладало над его разумным содержанием. Раз эдак в сто.

То, что я увидел там, в сарае, когда вошёл, мне уж точно не забыть до конца дней своих.

Это снаружи он казался несерьёзным, внутри же как-то и удлинялся, и расширялся (между прочим, особенность почти всех деревенских построек), поселив по углам тяжёлые густки темноты. На поперечном бруске на тонкой нитке провода висела голая двухсотпятдесятываттная лампочка, размазывая мрак по углам и отбрасывая на стены четкие, рельефные тени. Прямо под ней мои Андреич, сидя на короточках, очевидно занимался чем-то очень срочным и важным, если даже головы не повернул в сторону двери, где сейчас красовалась моя обалдело-изумлённо-любопытная физиономия, на которой, в добавок ко всему перечисленному, ещё и проглядывал вот такенный знак вопроса. Зато две другие персоны, находящиеся тут же, в отличие от Андреича проявили ко мне живейший интерес. Надо ли говорить, что он был обоюдным? Я во все глаза смотрел на самые необычные и странные существа, что мне приходилось когда-либо видеть в жизни, и знак вопроса на моей физиономии приобрёл вполне зримые очертания.

Первое существо, стоящее от Андреича слева, больше всего смахивало на пупырчатого варана с рогами на вытянутой змеиной голове, вдруг поднявшегося на задние лапы, да так и застрявшего в этом положении. На спине у него имелся небольшой округлый горб, отчего «варан» несколько сутулился,

а вот хвост отсутствовал напрочь. Рога в свете лампочки матово отсвечивали, что твои нагуталинные штилеты; очень роскошные, прямо-таки шикарные рога, такие не грех и на стенку приспособить в особняке «нового русского», и желательно где-нибудь над камином – весьма бы поспособствовало авторитету хозяина.

Второе, стоящее соответственно, справа от Андреича, держало капельницу (я не ошибся), но сама лапа заканчивалась совсем не по-собачьи: три длинных когтя зловещего вида и отставленный четвертый скорее напоминали птичью лапу, нежели лапу собаки, да и всё остальное собакой тоже не пахло: туловище кожаным мешком, всё в бугристых складках и лоснящееся, будто смазанное жиром, внизу оно заканчивалось гигантскими лягушачьими лапами, позволяющими этому созданию стоять так же вертикально, и лишь вверху всё это безобразие венчала собачья морда с мощным покатым лбом сенбернара, но вытянутыми ушами немецкой овчарки. Дополняли картину уродства и безобразия омерзительные на вид длинные тонкие белесые нити, чем-то похожие на паутину, свисающие с нижней могучей челюсти – эдакий завершающий штришок в сюрреалистическом наваждении, которое я сейчас, нисколько не сомневаясь, испытывал. Существо глядело на меня умными собачьими глазами, а потом неожиданно оскалилось, показав внушительные клыки, мало чем уступающие тигриным. Или львиным, вблизи оно без ощутимой разницы. Тени на стене, рельефно обрисовывающие своих прототипов, вносили свою лепту в этот сюр, для меня переходящий в самый настоящий кошмар, который, судя по всему, и не думал заканчиваться, а наоборот, всё продолжался и продолжался. Что-либо соображать я перестал окончательно, владели мной одни лишь эмоции, сводившиеся в конечном итоге к глущему любопытству, замешанному на страхе с элементами ужаса. Зрелище, смею уверить,

ТОГО СТОИЛО.

Тут рогатому, видно, надоело меня разглядывать, и он повернулся обратно к Андреичу, но собакоголовый продолжал смотреть и скалиться, о чём-то меня недвусмысленно предупреждая, хотя это было излишне – подходить я к ним не собирался, один их вид подвергал в ступор, в котором, собственно, я сейчас и находился на грани обморока и нервного срыва. Но нервы, надо отдать им должное, оказались всё же крепкими.

Тут и Андреич соизволил, наконец, повернуть голову в мою сторону.

– Ты, Жека?

Волосы у него слиплись от пота, капли пота блеснули и на лбу, он небрежно смахнул их рукавом, и я заметил, что рука вымазана какой-то оранжевой дрянью. Нижнюю часть лица закрывала хирургическая маска на резинке, а сам он был облачён в белый халат. Весь его вид говорил о том, что он находится при исполнении ветеринарских обязанностей. А я

только хлопал глазами – в прострации я пребывал, да ещё в какой!

– Как вовремя, давай сюда, будешь у меня за медсестру, а то от этих никакого толку, только под ногами путаются, мать их... Да держи ты капельницу повыше, горе луковое! – горе луковое, то есть кожаный мешок с собачьей мордой, заметно дёрнулся, едва не выронил при этом капельницу и вцепился в неё, как в спасательный круг. – Сейчас, кажись, начнётся. А ты, Тузка, не волнуйся, всё будет хорошо, справились же в прошлые разы, а? Вот и сейчас осилим, я уж привыкать начал, ха-ха... Жека! Где ты там застрял? Дуй сюда, потом познакомитесь, если захочешь!.. Да! Захвати сначала скамейку, она вон там, в углу, а то ноги затекли, сил уже никаких...

Но поскольку я всё торчал столбом, не в состоянии ни двинуться, ни слова вымолвить, то он, оглянувшись через плечо, сделал страшные глаза и рывкнул так, что сразу привёл меня в чувство, вывел из ступора, вернув в невозможную реальность с персонажами, не имеющими, по моему разумению, с этой самой реальностью ничего общего.

Механически переставляя ноги, я двинулся в указанном направлении, подобрал скамейку и вернулся к опять склонившемуся над чем-то Андреичу. Но как тут же выяснилось, не над чем-то, а над кем-то. Я статуей застыл над ветеринаром, уставясь на то, что ранее скрывала его широкая спина, и сердце моё при этом стучало не хуже отбойного молотка. Или станкового пулемёта, ибо увиденное того стоило.

Сначала я подумал, что перед Андреичем лежит слонёнок, только очень маленький и «худенький», уменьшенный раз эдак в десять. Похожим на слонёнка его делал хобот и большие, именно слоновьи, уши. Но это был не слонёнок, вообще непонятно, кто это был, но человек устроен так, что во всём ищет аналогии с уже известным ранее и знакомым по сути. Не стал исключением и я, сравнивая это создание с

чем-то привычным, проводя эти самые аналогии и чисто подсознательно пришёл к выводу, что в целом существо походило на розового плюшевого медвежонка с очень короткой, нежной шёрсткой, если бы не этот самый хобот, уши и ещё витой коротенький рог, выходящий из лба. Огромные глаза отрешённо смотрели куда-то в пространство, иглока от капельницы, что держало создание с собачьей головой, была введена в левую лапку. Из трёх маленьких кошмарных монстров этот казался самым привлекательным, даже симпатичным, по крайней мере, внешне не отталкивающим. Наверное, благодаря своим карим глазам под длинными ресницами, которым, без преувеличения, чёрной завистью позавидовала бы любая представительница слабого пола. Независимо от возраста.

Я сглотнул и только собрался кое о чём спросить, но мне не дали, бесцеремонно вырвав скамейку из рук.

– Как хорошо-то, господи! – проговорил Андреич, с кряхтением усаживаясь и с удовольствием вытягивая ноги. Потом глянул на меня снизу вверх и усмехнулся (я угадал движение лицевых мускулов под маской): да, мой вид сейчас, наверное, не вызывал ничего, кроме улыбки – полное обалдение и непонимание всего тут происходящего. Но, несмотря на противоречивые чувства и полный сумбур в голове, до меня всё-таки дошло, что Андреич-то, оказывается, в родной своей стихии и более того, прекрасно себя в ней чувствует. Чего совсем не скажешь обо мне.

– Андрей Андреич, – наконец выдавил я из себя и глазами указал на маленьких монстров. – Эт-т-то... что?

– Сарай, – как ни в чём не бывало, ответил тот. – А по совместительству акушерская и кунсткамера. Больше, конечно, второе, ты не находишь?

Издевается, что ли?

– А-а...

– Эх, подыметь бы, но нельзя, мало ли как табачный дым подействует на Тузьку... Да и остограммишься бы не помешало. Ты бы как, остограммился, а, Жека? По глазам вижу, ещё как! Стакан бы лুকнул и не поморщился, верно?

– Ты чего несёшь?!

– Да не напрягайся ты так, бери пример с меня и будь с обстоятельствами на ты, раз по-другому не выходит, способствует, знаешь ли, обоюдопониманию, – Андреич поднял руки к глазам и усталился на оранжевые ладони, а потом ловко, в два рывка, стянул тонкие хирургические перчатки и бросил их в стоящий в сторонке тазик, который я лишь сейчас заметил. В нём находилось ещё что-то, такое же неаппетитное на вид. А вот кошмарных, невообразимых представителей чужой, неведомой фауны он будто и не замечал. Те же стояли одушевлёнными истуканами, одним своим видом опровергая всё, что думал старик Дарвин о природе вообще и её эволюционных процессах, в частности. Его бы я понял, как никто другой.

– Андрей Андреич, ты мне можешь, наконец, объяснить, что тут у тебя творится? – мне, наконец, удалось собрать мечущиеся мысли в конкретный вопрос, попутно оценив метафору одного никудышного поэта, а по совместительству ещё и поп-исполнителя с песнями на один мотив, который сравнивал эти самые мысли со своими скакунами. Как оказалось, вообще-то, не без основания.

– Что происходит? – переспросил Андреич и, как фокусник, извлёк откуда-то новую пару перчаток и быстро, профессионально (что значит практика и опыт) втянул в них ладони. Потом задумчиво повторил, подперев кулаком подбородок. – Что происходит... Гм, вообще-то, ничего особенного, просто старый ветеринар занимается своими прямыми обязанностями, оказывает квалифицированную помощь тем, кто в ней очень нуждается. И мне, знаешь ли, без разницы, кому она сейчас необходима – бродячей кошке, одичалой дворняге или этой, хм, аномалии, ведь боль и страдания все испытывают одинаково, не так ли?

– Да, но...

Он посмотрел на меня с непонятым выражением, будто знал нечто такое, о чём пока говорить не время.

Я же переводил жадный взгляд с рогатого на «сенбернара» и обратно, мимоходом отмечая второстепенные детали в их облике: рысьи кисточки на ушах собаконогового и кошачьи усы на его морде, мелкие острые зубки и ярко-красный раздвоенный язык в треугольной пасти «варана». И ещё одну вещь отметил и окончательно растерялся, – у обоих в глазах светился если и не разум, то и не полная бесполовщина, некое понимание чего-то, чего лично я пока не разумел ввиду полного своего обалдения. Одно мне было ясно – к земным животным, братьям нашим меньшим и тварям божьим, их никоим образом причислить нельзя, ибо не было у нас таких

вот братьев меньших, такими не рождались они никогда. В смысле, такими вот уродами.

Откуда, в таком случае, они взялись? Сердцем-то понимал, откуда, но вот разум за ним следовать отказывался.

В то же время меня поражал Андреич, потому что вёл себя в такой вот обстановочке совершенно естественно и непринуждённо, словно каждый день принимал у себя таких вот гостей. Даже шуточки какие-то отпускал в мой адрес и покрикивал на нерасторопных «помощников». Я ничего не анализировал, не до того, просто констатировал про себя очевидные факты, и всё. Такое его поведение, здесь и сейчас, казалось, по меньшей мере, неуместным и странным, меня оно ставило в тупик, хотя всё остальное тоже,

А с другой стороны, глядя на него и видя его полную раскрепощённость, осмелел и я, и уже не смотрел испуганно и зачарованно, чувствуя себя при этом мелким беспомощным зверьком, вдруг угодившим в лапы чудовищ; осмелел настолько, что уже во всю глазел на в высшей степени необычных посетителей, чей экзотический вид буквально с ног валил (хотя, чего там! Человек по природе своей существо «всеядное» и быстро привыкает ко всяческого рода аномалиям. Тянет его к ним, что ли? Когда и руками хочется потрогать и на зуб попробовать – интересно, кусается или как?).

Особенно меня заинтриговала особь, что лежала перед Андреичем на широком куске пластика, та, что с хоботом и рогом да со слоновьими ушами, под цвет детской мягкой игрушки и на мягкую игрушку и похожая, с огромными влажными глазами в золотистом ободке, и которую старый ветеринар называл почему-то Тузькой. А глаза её просто очаровывали – чуть печальные (сейчас она смотрела на меня), чуть испуганные, с лёгкой поволокой... Они кого-то здорово напоминали, эти глаза, да и взгляд похожий я уже где-то видел. Напряг память и... Ну конечно! Такими глазами обладала американская кинодива Джулия Робертс, и смотрит она всегда с какой-то грустинкой во взгляде, совсем как эта Тузька сейчас, даже проглядывает какая-то беззащитность вкупе с наивностью, что бывает чаще всего у детей да стариков. Да, по-моему, у всех женщин с карими глазами она присутствует (просто Джулия мне нравилась больше всех).

Пока я пялился, как тот баран, Андреич привстал со скамейки и вновь наклонился над розовым существом, расставив ноги. Халат плотно облепил спину.

– Жека, принеси-ка корзинку, она вон там, рядом с клеткой, и захвати свою грелку, она тоже где-то в том районе. Кажись, началось... Ну, помоги ещё раз, кто бы ты там ни был... Да не стой столбом, ё-моё! Давно пора очухаться! И не бойся, они не кусаются, хоть и охраняют Тузьку.

Мне вовсе не хотелось проверять, кусаются они или не кусаются, хотя, судя по внушительным клыкам того, что с капельницей, куснуть он мог

ого-го! Даже не куснуть, а запросто вырвать, особо не усердствуя, приличный шмат из мягкого места потенциального обидчика. Да и у второго пасть тоже не семечками утыкана. Я сомнамбулой поплёлся к очередному указанному месту и сразу наткнулся там на всякую всячину. Пока искал корзинку и грелку (чёрт, да вот же они), в голове по-прежнему была сумятица, не мысли, а их обрывки, всё никак не способные оформиться во что-то цельное и толковое. А тут ещё взгляд мой упал на отдельно стоящую клетку, и тут же то немногое, что сейчас из мыслей в голове присутствовало, бестолково там суетясь и мельтеша, как осенние листья на ветру, мгновенно улетучилось вон.

Клетка как клетка, это её сколачивал вчера Андреич на скорую руку. Выглядела она неровной, скособоченной, но не это делало её приметной и не это приковывало взгляд. Меня ошарашило то, что находилось внутри (как кипятком обдало).

Сначала никак не мог понять, что же меня так поразило и ужаснуло одновременно, а когда дошло, то мне очень захотелось выпить, причём, немедленно, и именно стакан, чтоб встряхнуть, наконец, пустую голову и заставить её, бедную, хоть как-то проявиться – иногда сорокаградусная, как ни странно, весьма способствует этому процессу.

В клетке шевелились... Даже не знаю, как их и назвать-то... Котята, щенята, ящерки, птенчики? И да, и нет. Это был какой-то попискивающий, шевелящийся клубок из всего перечисленного. С чувством брезгливости и где-то даже гадливости я наклонился поближе, чтобы получше разглядеть эту массу, но, поскольку свет заслонила моя собственная спина, то присел сбоку, приблизив лицо вплотную к рабице. Ох, ма-м-ма миа!..

Видно было так себе, на троечку – мешал скопившийся по углам мрак, изгнанный сюда хозяйкой-лампочкой, но и одного растерянного взгляда

вполне хватило, чтобы на поверхность опять всплыл насущный и небезытересный вопрос:

«Да что здесь, япона мать, происходит?! Эт-то что?!».

В клетке, ещё на одной грелке, полностью её покрывая, копошились маленькие создания, от одного вида на которые у зоологов с биологами волосы бы встали дыбом: щеночек с лапами вместо лап, рядом то ли цыплёнок, то ли птенчик, но с миниатюрной головкой бурёнки, между ними застряла чья-то пупырчатая задница с раздвоенным хвостом, из-под которого выглядывала куриная лапка, вся в бородавках; ещё я заметил сморщенную мордочку обезьянки с телом котёнка, чей-то блестящий клюв, загнутый кверху, что-то ещё, такое же неудобоваримое и отталкивающее, а на самом веру, как король на именинах, возлежал крохотный бегемотик с ушами летучей мыши и павлиньим хвостиком. Все они были словно игрушечными, казались ненастоящими, но от этого нисколько не теряли своей отталкивающей неестественности и чужеродности. И чужеродность эта так и подчёркивалась каждой деталью.

Я зажмурился. О Боже! Кунсткамера. И не просто, а в квадрате. Даже в кубе. Зрелище, достойное исключительно фильма ужасов.

Мне было нехорошо, противно, мерзко, и я опять ни черта не понимал, кроме разве что одного – для чего тут понадобилась моя грелка. Для следующих уродцев, которые, судя по поведению моего соседа-Айболита, вот-вот появятся на свет: маленькие франкенштейнички явно предпочитали тепло под своими задницами.

– Евгений!.. Иди сюда, где ты опять застрял?

Я сглотнул застрявший в горле ком, подхватил корзину и поспешил убраться от этой клетки с кошмарным зоопарком внутри. Но его воплощение, только уже в зрелой форме, поджидало меня в четырёх шагах – «варан» и собакоголовый, которые, впрочем, после увиденного в клетке не казались такой уж и аномалией.

Я бросил корзину под ноги Андреичу и спросил с нервным смехом:

– Слушай, что это там за зверёныши? Что за пародия на здравый смысл и природу? Может, просветишь на этот счёт? Да и обо всём остальном тоже?

– Ага, непременно... Потом. Я же советовал: будь с обстоятельствами на «ты»... Давай, держи капельницу, а то штатива у меня нету, а из этого чуда штатив никудышный, постоять спокойно не может, того и гляди иголка выскочит... А ну, брысь отсюда! Смена пришла!

Я, уже ничему не удивляясь (просто устал это делать), принял «эстафету» у чуда, попутно выяснив, что псиной от того и не лахло, несмотря на собачью морду. Держа пузырёк с прозрачной жидкостью (наверное, физраствор), я смотрел, что проделывает Андреич, стараясь выкинуть увиденное в клетке из головы. Собачья морда и рогатый встали с противоположной стороны и, тихо порывивая, тоже внимательно следили за старым ветеринаром. А тот не

обращал ни на кого внимания, сосредоточившись на розовом пациенте с очаровательными глазами. Помаячив некоторое время над ним, он снова уселся на корточки, небрежно отпихнув скамейку, вытянул вперёд руки, наклонился, крикнул и...

И вот тут время взяло быстрый старт и помчалось, как угорелое, события каким-то непонятным образом стали наслаиваться одно на другое, сменяться, как картинки в калейдоскопе, но вот я в них участвовал лишь в неблагоприятной роли пассивного статиста и стороннего наблюдателя.

Вообще, с моим сознанием произошло некое странное раздвоение: вот стою с капельницей натуральной бездумной куклой, лишь глазами хлопаю; вот, оставив её на время, приношу воду; вот по приказу Андреича (именно приказу – «Гони их в шею и не церемонься, только путаются тут под ногами, никакой помощи!») выпихиваю таких же статистов – рогатого и собакоголового – из сарая на свежий воздух (их я уже не боялся и не чурался, а смотрел, особенно после той клетки, как на казус, очередное чудачество природы. Чьей вот только?); вот набиваю соломой корзину и кладу туда же свою грелку, всё ещё тёплую; вот, как часовой с ружьём, снова с капельницей и тарачусь на руки Андреича – перчатки у того опять из матово-белых стали ярко-оранжевыми (кровь, очевидно, у пациента такая. И про себя я начал называть роженицу Джулией. Из-за глаз. Всё лучше, чем какая-то там Тузька); а вот Андреич уже осторожно укладывал в корзину разнокалиберные яйца, как на пасху, все разноцветные, и фактурой не одинаковые – от голубиных до страусиных. Было даже одно чёрное, громадное и внушительное, при виде которого у меня возникли очень нехорошие ассоциации с нашумевшим в своё время блокбастером Дж. Кемерона «Чужие-II».

Всё это проделывал я первый.

А вот второе моё «я» притихло тем временем где-то в дальнем уголке подсознания и оценивало, наблюдало, анализировало и запоминало всё про-

исходящее как бы со стороны, мотало на длинный ус и записывало всё увиденное в долговременный блокнот памяти, – потом, мол, разберёмся.

А вот я уже сижу на перевёрнутом ведре, сознания опять воссоединились в одно привычное целое, и первое, что пришло в голову, была всё та же мысль: «Что же тут, в конце концов, происходит?», которую я и озвучил глубокомысленным, как мне показалось, «Ну?».

Андреич сосредоточенно пересчитывал яйца. Перчатки уже скинул и тыкал в корзину указательным пальцем, жёлтым от никотина.

– Во даёт! Ровно двадцать пять штук, как в аптеке! – моё «Ну?» он проигнорировал, смотря на новоиспечённую несущку с обожанием и восторгом. – И опять у меня получилось, Тузька! Какой я, однако, молодец, и какая ты... э-э... терпеливая и целеустремлённая. Евгений, ты не представляешь, что она творит!

Я уже как-то обвыкся и, как следствие, смирился с той чертовщиной, что здесь творится, а поэтому решил повторить попытку произнести столь волнующий меня вопрос.

– Короче! Завязывай ты со своей философией, Андреич, и ответь конкретно – это кто и откуда?

Я, в отсутствии остальных братьев не наших меньших, кивнул на Джулию, которая смотрела в ту сторону, куда унесли её яйца. Профиль являл умопомрачительное зрелище – хобот и рог в одном флаконе. Да плюс полукружье громадного уха, да розовая бархатистая шерстка. Словом, живая мягкая игрушка, блин! Только вот изготовленная не у нас на Земле.

– Короче? Гм, боюсь, короче не получится, друг Евгений. Надо сперва разобраться в первопричинах, а потом уж в следствиях... Тут, знаешь ли, имеем мы крохотную толику от небывалых щедрот эволюции, – он на секунду-другую задумался, потом продолжил, понизив голос. – Конечно, это плод моих размышлений, во многом дилетантских, но в целом, думаю, я всё же рассуждаю верно. Вот послушай! Не может того быть, чтобы во Вселенной, таком громадном и во многом непостижимом образовании, не возникли очаги жизни, способные достигнуть сопоставимого с нами уровня, но нам, к сожалению, пока что известна лишь одна форма жизни. Угадай, какая?

Совсем за идиота меня держит? Я показал на себя.

– Правильно! Та, что зародилась и по сей день существует здесь, на Земле. Но зато уж тут-то она проявляется в богатейшем многообразии самых различных видов, то есть общие основы построения жизни будут проявляться в неисчислимом многообразии её форм. Но означает ли это, что невозможна иная организация живой материи, без единой основы и единого генетического кода? Раньше я считал, что да, невозможна, земная природа выработала свой ресурс и предложить ей более нечего. Но теперь!.. Тузька доказала, что возможно, что Природа может допустить полный произвол в создании новой

жизни и новых видов. Даже не произвол, беспредел! – он указал на Джулию. Я посмотрел. М-да уж, точно, природа тут постаралась на совесть, и на тех двух типчиках тоже. Розовое чудо встретило мой взгляд огромными карими глазами. Кажется, чудо так же слушало и в отличие от меня что-то, возможно, и понимало.

– Но вот ведь какое дело, – продолжил Андреич после небольшой паузы, пока мы рассматривали это в высшей степени загадочное и уникальное существо. Чувствовалось, что он действительно о многом передумал и теперь буквально жаждал поделиться своими выводами относительно всего увиденного и пережитого. – Основы построения жизни там, где она возможна, должны быть едины, а иначе смысл эволюции просто бы терялся. Но здесь... У Тузьки сочетаются и единство, и многообразие, и это притом, что она тоже кислородышащая, а значит, и молекулярная основа похожа и химические формы. Случай уникальный! Я до сих пор в шоке... Хотя уникальность-то для нас, а для Вселенной, скорей всего, вещь обыкновенная, рутина, – добавил он чуть грустно.

– Понятно, что она не с Земли, инопланетянка, так сказать, – будничным тоном констатировал я. Хм, а кто же ещё? И те две особи, что топтались сейчас за дверью – тоже попали сюда не из ближайшего зоопарка.

– Ты знаешь, что такое панспермия? – неожиданно спросил Андреич. Словечко что-то такое навевало, но настолько отдалённое и расплывчатое, что пришлось пожать плечами. Да и думал я о другом – шутка ли, рядом, в двух шагах, вземное существо, да которое ещё рождает, а тут какие-то дурацкие вопросы о какой-то дурацкой панспермии. Но как выяснилось, совсем даже не дурацкой.

– Темнота... Так вот, панспермия – это, буквально, перенос жизни, а если конкретно, то так: жизнь могла быть привнесена на Землю, да и не только на Землю, не в виде спор и бактерий, а ещё и в форме «биологических» энергоинформационных полей, под воздействием которых и образуются макромолекулы и состоящие из них живые системы. Понял? Живые Системы, да плюс с симбиозом всевозможных форм. Больше скажу, тут отчасти замешана и синергетика, это когда проверяют взаимодействие нескольких составляющих во всех возможных сочетаниях. По моему, похоже. Да, Тузька?

И ласково посмотрел на неё.

А у меня окончательно всё перемешалось в голове. Живые системы, биологические макромолекулы, симбиоз форм, синергетика – я потерял нить его рассуждений. И откуда только он всего этого набрался?

– Как же её занесло в твой огород, солнечным ветром, что ли?

– Да какая разница? Главное – к о г о!

– Панс... Панспермия, говоришь? Проще, семена жизни, значит.

– Во-во! – обрадовался Андреич. – Никак я,

понимаешь, не мог сформулировать, а ты одним словосочетанием... Семена Жизни! И верно, и в самую суть! — он с благодарностью посмотрел на меня (кушайте на здоровье!) и продолжил. — Вот смотри: Дайсон, физик-теоретик и философ, говорил, что жизнь — это сплошное нарушение симметрии, что приводит, соответственно, к многообразию её форм. Да и во вселенском естественном отборе могли выжить только те, кто имел хоть какое-то единение формы с содержанием, потому что выживают лишь сильнейшие и приспособленные. Аксиома, как известно.

Последнее он произнёс, задумчиво оглаживая бороду, и вообще как-то посерьёзней. Возможно, экскурс в научные дебри тому способствовал или что ещё, но сейчас он стал похож на профессора, растолковывающего азы биологии зелёному первокурснику. Зеленью, естественно, был я. Да бог с этим, главное я уяснил — сии персонажи были занесены сюда неведомо каким ветром, невесть с какой целью и чёрте откуда.

— Именно Семена жизни! — промолвил Андрей. — Как верно! Образно, конечно, но недалеко от истины. Мне всегда казалось, что во Вселенной для одного человека уж слишком много места, и наивно полагать, что вид homo sapiens является в ней доминантным. И вот, пожалуйста, такие доказательства. Какое счастье, что я увидел и обнаружил их первым!

— Кстати, а как это произошло? — тут же встрял я, ибо меня, как всегда, интересовала практическая сторона вопроса, о теории я предпочитал задумы-

ваться как-нибудь потом, на досуге, когда с этой практикой становилось более-менее понятно.

Тут мой сосед заметно поскущел, огляделся в поисках подходящего для седилица предмета, вытащил откуда-то расшатанный винный ящик, острожно уселся и заметил:

— Ты только не смейся над стариком, история их появления тоже необычна. Для меня до сих пор всё как в тумане, толком в себя не приду... Три дня назад это случилось.

Он нахмурился, припоминая, очевидно, детали.

— Уж вечер был, я в беседке, присел немного отдохнуть. А запахи из сада!.. Ух, так душу и бередают. Кругом тихо, постепенно смеркается, благодать, да и только. Ничего удивительного, что задремал чуток, но так, пару раз носом клюнул. И вдруг сердце тревожно сжалось, я сразу очнулся, не понимая, где я и что со мной. Тяжесть какая-то навалилась, а с ней усталость, будто вагоны разгружал, как в молодости когда-то. Ты не смотри, я ведь крепким мужиком был и сейчас могу день-деньской в саду ковыряться, здесь ведь работы, знаешь, не переделать — а тут слабость, даже апатия. Пойду в дом, думаю, хватит на сегодня, замаялся что-то, и вдруг вижу — прямо с неба это валится... Ты только не смейся, то ж не мои придумки... Короче, гляжу — мать моя! С неба опускается какая-то штукавина, схожая со стратостатом, натуральная гигантская сарделька. И не успел глазом моргнуть, а она уже тут, возле беседки лежит. Представляешь моё состояние? Я кое-как, на полусогнутых, из беседки и что вижу? Глаза у этой сардельки вижу, и каждый размером с колесо от «Жигулей» да с ресницами в полметра. Помнишь мультик «Паровозик из Ромашкино»? Так вот там локомотив такой же глазастый был, один в один. Ну, я и обалдел...

Я невольно улыбнулся, представив сардельку с паровоз, моргающую глазами-колёсами. Но Андрей расценил мою улыбку как насмешку над рассказом и неверие в его правдивость.

— Я же просил!

— Да я по другому поводу, не обращай внимания.

— Ладно уж... Это сейчас веселья прибавилось, а тогда мне совсем не до смеха было. Я за войну стратостатов насмотрелся, а тут, представь, с глазницами, да ещё сопит, моргает и, но это я уже потом разглядел, когда Тузька его в беседку загоняла, с маленькими ножками, как у гусеницы. Но сначала из него выдавились, другого слова и не подберу, Тузька со своим эскортом.

— А как ты узнал, что её зовут Тузька, а не скажем, э-э, Джулия? — не удержался я от давно мучавшего меня вопроса. Стратостат с глазами заинтересовал не особо, транспорт он и есть транспорт, мало ли на чём ТАМ передвигаются (у Макса Фрая, к примеру, в его «Лабиринтах Ехо», главный герой вообще рассекал между мирами на обыкновенном трамвае, и ничего, не кашлял). Да и мы, в космос уже летаем, а от гужевого транспорта до сих пор не отказались. Так что ж теперь, руками разводить да глаза закатывать? Вот именно.

– Через пару минут я о них много чего знал. Только не спрашивай, каким образом, знал, и всё. Может, посредством телепатии, может, ещё как, не силён я в таких материях. А почему Тузька? На самом деле Туссия, это уж потом я её так по-русски окрестил, для удобства. Она у них там что-то вроде королевы, а те два архаровца при ней как сопровождение, охрана, ну а «стратостат» на самом деле что-то типа перевозчика с неограниченными возможностями. У меня в мозгу просто возник цельный, объёмный блок информации со всеми необходимыми данными, хоть стой, хоть падай, картинки, как в кино, и всё чётко, образно и ёмко. Когда пришло время сеять (по-нашему рожать), передала она образами, на их пути случайно оказалась наша Земля, и они вынырнули как раз возле Петровки, и меня случайно вычислили, ибо как раз и искали кого-то, кто смог бы помочь королеве, потому что Тузька совсем ослабела, а всё из-за того, что она чуть ли не последняя из Сеятелей осталась, но зато самая-самая, можно сказать, живой инкубатор, одно слово – королева! А вообще повезло ей, что я тут проживаю, – и быстро глянул, не лыблюсь ли? От всего услышанного? И его роли во всей этой, без преувеличения, поразительной истории?

Я не лыбился. Я молча смотрел на Джулию, то есть Туссию, она же Тузька, и был, что называется, в ауте. М-да. В фантастике, чьим поклонником я являюсь, считая её, в отличие от многих, серьёзной, пусть и развлекательной, литературой, есть масса примеров того, как инопланетная живность может появиться у нас на Земле, и что потом она тут будет делать. Но вот, прямо скажем, о том, что живность эта зайвится к нам рожать, или, как уверяет Андреич, сеять, я что-то не слышал, новость из разряда «обухом по голове». И ещё, – что же конкретно подразумевается под «королевой», какой более глубокий смысл вкладывается в это понятие? Вот об этом и спросил.

– Пси-образ был такой: особа, имеющая право, возможность и способность генерировать жизнь во всём её многообразии и многогранности, – ответил Андреич, – чем тебе не королева? А вот о самом механизме генерирования я, к сожалению, так ни черта и не понял. Какие-то обрывки, обобщения и смысловая неразбериха. А жаль! Ведь речь идёт вовсе не о потомстве, тут что-то другое, не побоюсь сказать -запредельное, инородное в самом истинном значении этого слова. Но ничего, я об этом непременно узнаю. Вот Тузька отдохнёт немного, и я кое о чём спрошу это милое, симпатичное и трогательное существо. Ведь поделишься со стариком? -старый ветеринар, чуть наклонившись, ласково прикоснулся к нежной розовой шёрстке, и та прикрыла свои изумительные глаза. Неужели в знак согласия? Откровенно говоря, я бынисколько не удивился, окажись сие правдой.

– Странно как-то себя чувствуешь, Жень, – поделился Андреич, всё смотря на Тузьку и поглаживая её кончиками пальцев (та, по-моему, начинала потихоньку дремать) Я же, удивившись самому себе, ревниво следил за его движениями. – Рядом такое,

дыхание и музыка иных сфер, зов далёких пространств, глубина и непостижимость сопредельного мира, ты уже опустошён и выжат до последней, кажется, капли, а всё продолжаешь удивляться, восторгаться и поражаться, – как такое может быть, как такое вообще возможно?! А всё потому, что случай уникальный, та самая панспермия в чистейшем виде, наглядный пример неисчерпаемых возможностей природы. Так благословила же её, господа!..

– Но, чёрт побери, отчего они такие уродливые? – я всецело разделял чувства Андреича но не удержался от своей интерпретации увиденного, всё пребывая под впечатлением от клетки с кошмарным зверинцем. Панспермия, говорите? От каждого понемногу, а потом это немного в невообразимую кучу? Нет уж, ну её к лешему, эту панспермию, лучше уж по старинке, по-дедовски, так хоть что-то путное получается, а не эта... кунсткамера.

Но Андреич был иного мнения.

– То не уродство, а как раз многообразие форм, настоящий биосимбиоз, и кто знает, как они потом разделяются на составляющие их особи и начинают развиваться дальше, жить самостоятельно? Возможно, избрав такой вот путь, природа как бы страхует, оберегая от гибели отдельные виды? Трудно сказать. Надеюсь, завтра узнаю побольше...

Мы помолчали. Я лично переваривал всё услышанное и увиденное. Другой на моём месте, скорее всего, закатил бы истерику или что похлеще, но я относился ко всему на полном серьёзе и с полным пониманием. Наверное, тут не последнюю роль сыграло и то энное количество фантастики, прочитанное мной, скажем, за последние лет двадцать, – закалка та ещё! И для меня то, что мы не одни во Вселенной, не просто аксиома, а и непреложный факт (в свете прочитанного, разумеется), а увидев наяву представителя иной, пусть и негуманоидной жизни, я лишь перевёл дух и раскрыл глаза пошире – чтобы вбирать и вбирать. Вот Андреичу в этом плане было куда сложнее. Но в нём, к счастью, не иссякло желание и вкус к жизни вообще, и философско-исследовательская жилка, в частности. Да и этика врача, когда помощь оказывать надо, а не вопросы задавать, «что да как?», тоже способствовала тому, чтобы не свихнуться на фиг от всего свалившегося прямо ему на голову как в прямом, так и переносном смысле. Ничего, кроме уважения, он в данной ситуации, конечно же, не заслуживал.

– Телепатия, говоришь? – я, как всегда, старался вычленив самое главное, копаться в причинах и следствиях не мой любимый «конёк», в отличие от Андреича. – А почему тогда я ничего не слышу? Не чувствую их посылов?

Он улыбнулся в смоляные усы.

– Не забывай, что они обратились за помощью всё же ко мне, ты в их планы как-то не входил. Да и не входил.

Прозвучало это несколько безаппеляционно, но по существу верно. – Как же они тебя вычислили, такого специалиста по этой самой панспермии?

– уколел и я. Рядом такое творится, а меня и в расчёт не берут. Обидно!

– Кто знает? Да мне плевать как, если честно! Завтра узнаю. Но судьбе я уже благодарен за одно то, что мне дали шанс лицезреть это чудо. Посмотри!.. Вот они, Семена жизни... Кто бы мог подумать, что природа всё-таки сумеет воплотить в реальность свой замысел? И какой замысел! Воистину, неисчерпаемы её возможности, безграничны устремления и благородны цели, и я безмерно счастлив, что убедился в этом воочию!..

Утром, едва продрал глаза (снилось чёрт те что, и не удивительно, ведь не каждый день, вернее, ночь сталкиваешься лицом к лицу с таким), я поспешил к Андреичу и нашёл того в саду, в беседке, грустного и какого-то потерянного.

– Присаживайся, Евгений.

Я сел, покосившись на влажное обширное пятно в центре. Здесь, очевидно, и лежал тот самый таинственный перевозчик, которого ночью я сначала принял за лошадь, а потом за бегемота.

– А где?.. – я посмотрел на сарай с прикрытой дверью.

– Улетели, – вздохнул Андреич и полез за «Примой», закурил, на миг окутавшись прозрачно-синим облаком, и подпер кулаком бороду. Солнце просвечивало сквозь листву; у кого-то из ближних соседей играл магнитофон – Пугачёва вовсю распекала мадам Брошкину. Всё было как обычно, но сердце отчего-то произвольно сжалось.

– Улетели? Как? Когда? – не то, чтоб я не поверил, а только пришло то дурацкое чувство собственника: как же, мол, без меня? Почему не уведили? Кому теперь жаловаться?

– На своём перевозчике и улетели, примерно через два часа после того, как мы разошлись, – обстоятельно, по порядку доложил Андреич, и я понял, что думает он совершенно о другом. – Клетку с детшками забрали, флягу загрузили, за помощь поблагодарили, в перевозчик просочились и... улетели. Рано утром, солнце ещё не взшло.

– Флягу? – переспросил я растерянно и тут же припомнил, как он её разделявал, матерясь. – А что в ней?

– Рыбки там были, – грустно ответил ветеринар. – Я им воду колодезную подогрел и туда, ещё в первый день, когда Тузька только рожать начала. То есть, сеять.

Ещё и рыбы?! Ох, мама!

– В общем, всё, Жека, нету их больше, дальше они полетели. Вселенная-то безгранична, а королева... – он вздохнул. – А королева одна.

Андреич подавленно замолчал, забыв про сигарету. Дым ленивой струйкой кучерявился вверх, растворяясь в утренней свежести.

Погрустнел и я. Тузька с огромными карими глазами, живая мягкая игрушка, никого бы не оставила равнодушной, что уж говорить обо мне, а тем более об Андреиче, который к тому же и в роли акушера

выступал? Да и охранники её казались мне сейчас вполне милыми, симпатичными ребятами. И я остро пожалел, что как последний кретин отправился домой спать, решив, что ничего особенного более не произойдёт, а утром продолжим. Вот и продолжил... Но кто же знал, что эти Сеятели улетят так внезапно.

– Но они мне кое-что оставили, – вдруг сказал Андреич, оживился, выбросил угасшую сигарету и поднялся. – Пошли, посмотрим!

И направился к сараю. Я, предчувствуя необычное, следом за ним. Сарай со вчерашней ночи стал для меня олицетворением ящика Пандоры.

Там ничего не изменилось, только лист гластика убран да исчез тазик с отходами. Андреич включил свет, подошёл к тому месту, где стояла клетка с «детшками», нагнувшись, что-то взял и повернулся ко мне. И я ахнул. Он держал ту самую корзинку, куда сложил яйца. А потом убрал ватник, и я ахнул ещё раз.

В корзинке лежали яйца. Некоторые светились изнутри, некоторые поблёскивали и искрились, как ёлочные украшения на свету – ничего подобного вчера не наблюдалось, а сверху лежало...

– Тузька мысленно, образами, передала, что это подарок нам, в смысле, людям. Здорово, правда?.. Знаешь, в последние часы я стал понимать её как-то... по-домашнему, так у меня с покойной женой было – с полувзгляда, с полувздоха.

Он замолчал и как-то неловко, неуклюже приобнял корзинку, затуманенным взором оглядывая её содержимое. Молчал и я. Просто вдруг подумал, что же из этих яиц вылупится, когда придёт время?

Особенно из того, что лежало сверху. Огромного и чёрного.

КТО?

Просто Турченко

Электричка съедала километры. За окном сумерки. С Владимиром Ивановичем Турченко мы возвращались из нижнетагильской командировки. Автор этих строк работал тогда главным специалистом областного центра народного творчества и привлекал музыкантов-профессионалов для прослушивания и аттестации коллективов художественной самодеятельности. Разговор невольно зашел о молодежном эстрадно-симфоническом оркестре, которым Турченко бесценно руководил более 30 лет.

Как все начиналось

– Я был студентом консерватории, – вспоминал Владимир Иванович. – К нам обратился Ленинский райком ВЛКСМ Свердловска с просьбой выступить перед комсомольским активом. Мы собрали эстрадную группу: вокалистов и инструментальщи-

ков. Концерт прошел успешно. Я понял, что смогу реализовать себя в этом жанре. Базировались мы во Дворце культуры железнодорожников, одном из старейших на Урале. Что бы мы делали без Николая Лапикова, тогдашнего председателя дорпрофсожа?! Хороший был человек, помогал нам всячески, светлая ему память.

Школа джаза

– У меня в оркестре делали первые шаги на профессиональной сцене знаменитые теперь джазмены Пресняков и Чекасин. Я не оговорился, именно на профессиональной, потому что оркестр являлся самодеятельным лишь по форме, по уровню мастерства это был вполне профессиональный коллектив. Почва для того, чтобы вырасти в крепкого музыканта была благодатной. Мы очень много репетировали, пополняли репертуар, активно концертиро-

вали. Оркестровая школа была для всех нас прекрасной. И я рос вместе с ребятами. Ну, а Володя Пресняков, став музыкальным руководителем «Самоцветов», не забывал родной коллектив. Приезжал на юбилейный концерт в честь тридцатилетия оркестра, который проходил в филармонии, солировал в одной из пьес...

Екатеринбургские джазисты, воспитанные в оркестре Турченко, ярко заявляли о себе и сегодня стараются держать марку. Город стал джазовым центром Урала. Здесь проходят ставшие уже традиционными фестивали «Джаз-транзит». Джаз от традиционного до современного, от джаз-рока до авангарда и спонтанной импровизации в исполнении екатеринбургских мастеров восторженно принимается повсюду.

«Звезды, звезды, как без вас идти?..»

Юрий Гуляев, Эдуард Хиль, Лев Лещенко, Валентина Толкунова, Эдита Пьеха... Признаться, многие произносят эти фамилии с трепетом. А Владимир Иванович был знаком с ними, ибо все эти звезды эстрады в разное время выступали с его коллективом.

– Как же мне было не любить свою работу, если оркестр давал возможность встречаться с такими интересными людьми! – улыбается Турченко. – Общение с композиторами, классиками отечественной песни Василием Соловьевым-Седым, Александрой Пахмутовой, эстрадными дирижерами, корифеями жанра – Борисом Карамышевым, Юрием Силантьевым оставило неизгладимое впечатление. Было это на

Дирижирует В.И.Турченко

фестивалях советской песни, которые проходили и в Свердловске, и в Москве на самых престижных концертных площадках. С руководителем эстрадно-симфонического оркестра Гостелерадио, народным артистом СССР Юрием Васильевичем Силантьевым ездили в Софию на 9-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов, стали его дипломантами. С прославленным дирижером сделали несколько фондовых записей на болгарском радио. Отрадно, что коллектив, которым Силантьев руководил четверть века, теперь носит его имя. В Болгарии, где нам довелось побывать не раз, музыканты оркестра познакомились с еще одним звездным человеком – летчиком-космонавтом Алексеем Леоновым, который находился там в составе нашей делегации.

По улице с... Ельциным

Однажды первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Николаевич Ельцин поехал на совещание в Тавду и взял с собой оркестр ДКЖ. И вот идет по главной улице Ельцин со свитой, а за ним, чуть поодаль, музыканты. Ельцин заходит в магазины, интересуется, что да как. Ребята решили заглянуть в одну из торговых точек после того, как Борис Николаевич ее покинет. Картина превзошла все ожидания: выбор обуви – как в лучшем столичном

С народным артистом России Борисом Бруновым

универмаге. Оркестранты хотели примерить ботинки, но не тут-то было! Продавщица немедленно спрятала их под прилавок, цинично заявив: «Это не для вас!»

А что же в таком случае было для них?! Гастрольные поездки по стране (одна из самых памятных – на строительство дороги Абакан – Тайшет) и за рубеж – в Польшу, Чехословакию, Болгарию. Согласитесь, впечатления, полученные от этого, стоили не меньше, чем элитные вещи. Во время турне по Югославии, например, в 60-х годах артисты эстрадного оркестра ДКЖ во многих городах узнавали, что они здесь первые посланцы из СССР. Прием везде был отличный. За рубежом искренне любили советские песни.

Оркестр молодости нашей

«Меня судьба с Турченко свела очень давно, – рассказывает пианист оркестра Владимир Полужков. – Наши семьи общались тогда, когда мне было 6 лет. Его жена Зоя Бойко 23 года проработала директором на Свердловском радио. Зою Семеновну знали и любили многие радиослушатели. Не думал, что буду учиться в музыкальном училище имени Чайковского, работать около 15 лет у него в оркестре. Все это происходило постепенно. И когда я узнал близко Владимира Ивановича, понял, что он незаурядная личность. Человек, который нас учил не только жить, но показывал мир. С его оркестром я объездил практически всю Европу. Мне повезло, что я застал лучшие гастрольные поездки. Одна из них – Болгария, 1978-й год. Проехали через всю братскую страну, до Бургаса, до побережья. Там отдохнули в молодежном лагере. Был очень хороший, мощный состав. Играли концерты. Знакомились со всеми достижениями современной музыки. И как педагог он многое показал и рассказал в жизни. Вместе мы часто вспоминаем то время.

«Для меня это очень авторитетный человек, – вспоминает о своем наставнике лауреат телевизионных конкурсов, заслуженный артист России Валерий Топор-

Оркестр Дворца Культуры Железнодорожников

ков. – В богему я пришел из другой социальной среды. Рабочий паренек – и вдруг эстрадный оркестр. Музыканты – нередко люди экзальтированные, со сложными характерами. Поэтому поначалу мне пришлось трудновато в плане взаимоотношений. Турченко показал пример, как можно уравновесить настроения в коллективе, мобилизовать всех в рабочую атмосферу.»

«Но всех милее нам родимый дом...»

Это строки из необычайно популярной в свое время песни «Старинная мелодия», которую исполнял солист оркестра Константин Кудря. Зная организаторский талант Владимира Ивановича, его неиссякаемую энергию (а он к тому же три десятка лет возглавлял Свердловское музыкальное училище имени Чайковского, одно из лучших в стране, вел класс тромбона), Турченко не раз приглашали на работу в Москву. Но он предпочел ничего не менять в жизни, поэтому всегда возвращался из дальних и ближних городов и весей в родные пенаты.

Мы еще долго могли бы разговаривать с Владимиром Ивановичем и про знаменитые в 70-е годы «Поезда искусств», и про

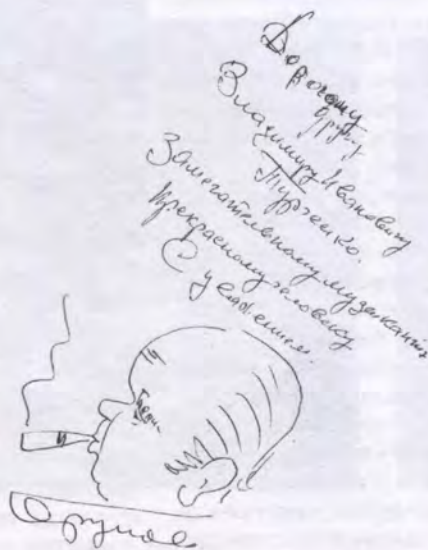
конкурс бального танца «Уральские узоры» (позже стал называться «Интерданс»), в котором эстрадный оркестр ДКЖ принимал самое деятельное участие, но... электричка подошла к перрону екатеринбургского вокзала.

На другой день, как обычно, Владимир Турченко пойдет на работу в музыкальное училище имени Чайковского, где он сейчас является деканом исполнительных отделений. Он воспитал достойного преемника. Сегодня эстрадным отделением музыкального училища руководит его талантливый ученик, лауреат джазовых

фестивалей Виталий Владимиров. Биг-бенд под управлением Владимирова – один из ведущих творческих коллективов столицы Среднего Урала.

Однажды Владимира Ивановича спросили: «Как величать вас: заслуженным работником культуры России, почетным железнодорожником, директором музыкального училища или руководителем эстрадного оркестра?» «Зовите меня просто – Турченко!» – был ответ. И в этом тоже весь Владимир Иванович.

Недавно ему исполнилось 80 лет.

Автограф Б.Брунова

ПЯТЕРО ИЗ ОДНОГО СТРУЧКА

Вот уже несколько дней в «Уральском следопыте» живут самые настоящие ассоциации. Они – нематериальны, их невозможно потрогать руками, и далеко не всякому пытливому уму-разуму они охотно подчиняются. Ассоциации рождаются в воображении зрителей, рассматривающих картины молодых художников, которые украсили в этом зимнем месяце стены нашего старинного, старого, но все же уютного дома.

Зажглась керосиновая лампа, запахло печеными бубликами и расплавленным свечным воском. А это значит, что в редакции – очередной праздник искусства! И пусть масштаб его невелик и нет привычных атрибутов праздника, однако в теплой, домашней атмосфере вернисажа у многих «расправилась» озябшая душа. В этом, чуточку стесняясь, признались те, кто пришел декабрьским вечером, как раз в канун Нового года, в нашу гостиную. И были среди них, в основном, молодые люди – выпускники Екатеринбургского художественного училища имени И.Д. Шадра, Уральской государственной архитектурно-художественной академии. Ребята еще не повзрослели, а значит, не научились от мира отгораживаться. И мы искреннее признательны им за такую реакцию.

Вот уже не первый год в нашем доме, бросившем якоря (самые настоящие!) в землю на улице Декабристов, 67, устраиваются вернисажи. В ноябре зрители и читатели журнала познакомились с творчеством художника и путешественника, давнего друга «Уральского следопыта» Альберта Туманова. А на этот раз пятеро талантливых художников объединили свои работы одной концепцией. Название выставки немного загадочно – «Чердак». Человека скучного оно, вероятно, отпугнет. Но на самом деле чердак – это не простоместилище хлама, каких-то вещей, отживших свой век и заброшенных в дальний угол. Чердак – это, прежде всего, простор для фантазии. Камерное пространство

А.Кленов. Кайви

А.Кленов. Черный цветок. (Вверху).

– «от потолка, или наката, до кровли», где живут всевозможные загадки. Владимир Даль, хранитель живого великорусского языка, припомнил немало ласковых толкований народному слову – «жилой покойчик», «светелка под кровлю», «чердачок», «вышка», «теремок». А кто в теремке живет? Те, у кого когда-то не было своего дома.

Честно говоря, в таком незавидном – бес-

приютном – положении может оказаться любой человек. Нелегко «входить» во взрослую жизнь, в профессию, а тем более, в искусство. Мир творца – особенно хрупок. Его надо оберегать и лелеять. А в действительности творцу приходится преодолевать всяческие испытания. Мало кто из «начинающих» может позволить себе оборудовать собственную мастерскую. Не всегда удается собрать информацию о выставках, которые проходят в городе. Дорого обходятся и сами материалы – краски, кисти, холсты. Вот и попробуй в такой ситуации сохранить главное – свободу творчества.

Чтобы хоть как-то облегчить жизнь ребят, начинающих свой путь в искусстве, и был образован Фонд поддержки молодых художников в Екатеринбурге. В феврале 2006 года этой организации исполняется уже два года. Но до сегодняшнего дня нет у нее ни официального адреса, ни выставочных площадей. Есть только азарт и искреннее желание оказывать молодым посильную поддержку. В этом фонду и его директору – искусствоведу Марине Прозоровой, во многом помог «Уральский следопыт» (он стоял у истоков создания организации).

В мире «простых» вещей случается иногда делать открытия! Помните сказки Андерсена? Тот же... Сидели в одном стручке пять горошин. Сами они были зеленые, стручок тоже зеленый, ну, они и думали, что весь мир зеленый, так и должно быть! Солнышко освещало и пригревало стручок, дождик поливал его, он делался все чище, прозрачнее, а горошины все росли да думали, сидя в стручке, – что-нибудь да надо же делать! И однажды стручок все-таки лопнул...

Пятеро питомцев фонда тоже однажды повзрослели и теперь ищут свое место под солнцем. У Антона Батанова – не просто графика, цветная и черно-белая. «Нескучный сад», в котором живут «морячище», пираты и «ученая обезьяна». Автор – похоже, фантазер. Закончил теа-

А.Савина. Автопортрет

А.Савина. Без названия

А.Савина. Голос

А.Савина. Стена

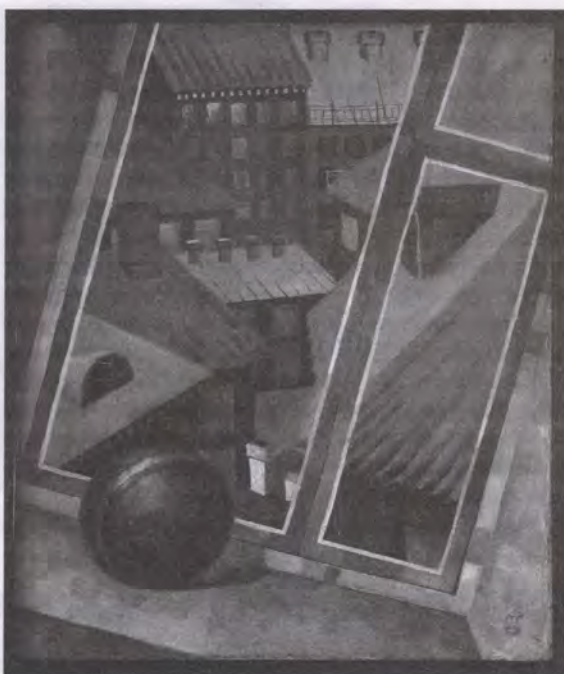
А.Савина. Грифон

А.Савина. Без названия

трально-декорационное отделение художественного училища имени И.Д. Шадра, а сейчас работает в ТЮЗе «пока плотником» – помогает строить спектакли. У Аркадия Клёнова тоже – свой мир. Но он настолько оригинален, что многие окружающие поспешили записать Аркадия инопланетяне. Он и сам о себе говорит несколько отстраненно: «Я – инопланетянин». В гостиную журнала пожаловал в образе шамана, устроил настоящее шоу с камланием. Он, действительно, внутренне раскрепощен: нарисовал акриловыми красками ворону на голове и утверждает, что это – «черный цветок». Для него Марина Прозорова не пожалела самых живописных характеристик: «Аркадий – абсолютный самородок. Он учится на третьем курсе факультета искусствоведения и культурологии УрГУ. Легко импровизирует в творчестве и в музыке. Кажется, из воздуха, из космоса черпает свои идеи». Две Александры – Микляева и Савина, заканчивает Уральскую государственную архитектурно-художественную академию. Но какие разные они в творчестве! Одна Александра – это «легкое дыхание», движение. Художница, похоже, легко владеет разными техниками – живописью, пастелью, углем. Вдох – и в оранжевых кустах скрывается дама в синей шляпе, угадывается только ее летящий силуэт. А другая Александра – это голос. На выставке художница представила работы, выполненные цветным карандашом, акварелью, маслом, гелевой ручкой, чернилами и пером. Дополнило все это лирикой И. Бунина, перенесенной на обрывок обгорелого листа.

Ну а три реалистичных пейзажа Марины Хавовой передают... ее личное настроение. Нет какого-то определенного адреса, географической привязки – ночное небо, к примеру, написано под впечатлением поездки в поезд. Но это даже здорово. Внутренний мир Марины – ее главное богатство. И каждый новый сюжет она воспринимает как «момент», не-

М.Хавова. Геометрия

М.Хавова. Ночное небо

А.Микляева. Поиграй со мной

А.Микляева. Иронично

видимости, жила-не тужила обеспеченная купеческая семья. Во времена, охваченные огнем гражданской войны, по неподтвержденным данным, в особняке размещался штаб генерала Гайды. В советские годы сюда пришли воспитанники детского сада. А с середины 1980-х в здание переехал журнал «Уральский следопыт».

Ну а нынче здесь обживают еще и картины, и деревянная лестница, на которой стоят или висят забавные вещицы. Каждый участник вернисажа извлек из своего «чердака» какую-то безделицу, согревающую душу, – получился забавный ассоциативный ряд.

Я спрашиваю у Марины Хавовой: «А ты что оставила?»

Отвечает с улыбкой: «Наверное, следы ног. Наверх...»

А. Батанов. Ты и я

А. Батанов. Будни ученой обезьяны

ожиданное озарение. Как его повторить? Какой денежный эквивалент ему можно назначить?

Интересно с Мариной разговаривать. Не так давно она закончила театральное-декорационное отделение Екатеринбургского художественного училища, а сейчас учится заочно в государственном педагогическом институте имени Герцена в Петербурге, работает художником-декоратором в театре мюзикомедии и воспитывает двухлетнюю дочку Сашу. Сказываются школа и жизненный... «Когда голова пустая, – рассказывает Марина, – пишу с натуры. Все-таки натура – лучший учитель». «Конечно, – соглашается, – художником быть нелегко. Но мне не страшно... Руки меня всегда прокормят».

Стены нашего дома видели на своем веку немало. До революции здесь, по всей

Высоцкиана Демина

В ноябре 1999 г. мы с оператором Андреем Бархатовым задумали телепередачу под названием «Высоцкий и провинция». Ее героем стал собиратель высокоцкианы из города Дегтярска Свердловской области Сергей Афанасьевич Демин.

Буквально накануне передачи студию УРТ (Уральское региональное телевидение) обокрали: взломали железные двери, унесли аппаратуру, три десятка видеокассет, в том числе и нашу, с уже смонтированной передачей «Неизвестный Высоцкий. Российская провинция». В пожарном порядке дырку в эфире заткнули зарубежным документальным фильмом о Высоцком.

Предлагаем вашему вниманию статью, сделанную по материалам черновой записи не состоявшейся телепередачи «Высоцкий и провинция».

Сергей Афанасьевич Демин, живет в городе Дегтярске, инженер-строитель, работает начальником участка в одном из Свердловских строительных управлений. Впервые имя Владимира Высоцкого услышал в фильме «Вертикаль». Стал собирать материалы о нем, работать с ними. Вначале это было увлечение для души, для себя. Потом появились друзья по увлечению в Советском Союзе, в других странах: Чехословакии, Польше, Болгарии, Германии, Израиле, Канаде, США... Особенно хорошие отношения сложились с болгарарами.

На сегодняшний день им собраны практически все книги Высоцкого и о Высоцком, какие можно было найти в нашей стране, которые выходили в бывшем СССР, в России, странах СНГ и дальнего зарубежья. Есть американский трехтомник и пластинки Высоцкого, выпущенные в США Михаилом Шемякиным тиражом

999 экземпляров – каждый комплект пронумерован! У Сергея Афанасьевича – комплект № 245 с собственноручной росписью художника. Это издание в нашей стране уникальное – у нас в продаже его не было.

На столе собирателя – украинские, польские, болгарские словари, с помощью которых он читает и переводит присланные письма и материалы на этих языках.

– Налажены контакты со многими любителями-«высоцкистами», в том числе и с москвичами. А вот с Государственным культурным центром-музеем В.С. Высоцкого в Москве контакта нет, – говорит Сергей Афанасьевич, – хотя были попытки с ними связаться. Я предлагал передать в Музей часть своей коллекции, обращался к ним с письмами, но они остались без ответа.

На основе своих материалов Демин подготовил книгу «Владимир Высоцкий в печати Урала». Она содержит более 600 публикаций о Высоцком. Причем в сборнике представлены только оригинальные статьи, посвященные поэту и барду, работы уральских исследователей, а не перепечатки чужих материалов. Они печатались в областных, районных газетах Уральского региона. К сожалению, сборник не вышел. Имеется только его компьютерная версия и оригинал-макет.

Стоит, пожалуй, рассказать о некоторых раритетах из коллекции С.А. Демина.

Вот книга художника из Санкт-Петербурга Виктора Меркушева. Это целногравированная книга по семи произведениям Владимира Высоцкого под названием «Странная сказка». Художник сам от руки награвировал на линолеуме текст от первой до последней буквы. Иллюстрации раскрашены

С.А.Демин

Авт. А.Худяков

Авт. Н.Бондаренко

Авт. В.Хворост

акварельными красками. Это пока единственная книга, сделанная таким способом и в таком объеме и существует всего в 40 экземплярах. На последней странице указаны все владельцы этой книги.

Но, пожалуй, один из главных интересов Сергея Афанасьевича — экслибрисы. На сегодняшний день в его коллекции насчитывается около 750 работ художников-графиков, в которых отражены жизнь и творчество Высоцкого. Специально для Демина художники Украины и России выполнили почти 90 книжных знаков.

Особые отношения сложились с художником из Екатеринбурга Рудольфом Копыловым, который делает цветные экслибрисы в технике многоцветной ксилографии. Этим мастером-художником выполнено для любителей творчества Высоцкого более 20 работ, и все они цветные. Это один из немногих художников, который работает только в цвете. Один из экслибрисов сделан по мотивам памятной доски на доме Высоцкого: сломанная гитара, купола церкви, колокол... Много символики в этом экслибрисе.

Тиражом всего 100 экземпляров, за свой счет, была издана книга «Владимир Высоцкий в экслибрисах для Сергея Демина». А вот передо мной журнал «Библиография», № 4 за 1994 год. Здесь напечатана статья С.Демина «Владимир Высоцкий в Болгарии. Из записной книжки библиографа».

А вот еще одно довольно редкое издание: крохотная книжечка «Владимир Высоцкий в экслибрисе». Автор-составитель москвич А.Сазонов (М., 1994). Здесь воспроизведено 20 работ. Книга сделана на высоком полиграфическом уровне. В ней представлены три работы, выполненные для Сергея Афанасьевича.

Смотрю альбом с экслибрисами, с разными вариантами, сделанными на имя С.Демина. Художник из Санкт-Петербурга Евгений Блюмкин выполнил для него шесть работ. Здесь же экслибрисы — Василя Хвороста из Днепрпетровска. Есть работы художника В.Леоненко из Чернигова,

Авт. А.Хворост

Авт. В.Хворост

Авт. В.Хворост

Авт. Р. Копылов

Авт. А. Сивак

Авт. А. Худяков

Анатолия Сивака из Мариуполя, который выполнил для коллекции онера шесть экслибрисов.

Кроме экслибрисов, в коллекции есть редкие фотографии Высоцкого, пластинки, издававшиеся во Франции, Германии, Болгарии, США...

Скопилась огромная переписка: папки с письмами везде – на полу, на стульях. На полках уже не умещаются! Письма со всех регионов России, а также с Украины, Белоруссии, Польши, Израиля...

– Например, Марк Цыбульский, с которым мы сотрудничаем лет пятнадцать, – рассказывает Демин, – бывший москвич, давно уже живет в США, тоже активно занимается исследованием жизни и творчества Высоцкого. Он присылает мне все материалы, какие публикуются в прессе Канады, США, журналы, книги, кассеты. В Канаде они выходят на русском, французском и на английском, но большинство – русскоязычные издания. Многие знают Высоцкого именно по таким изданиям, потому что язык Высоцкого не воспринимается без знания образного русского языка. Для того надо родиться и жить в России...

На стенах комнаты, на полках – медали, картины, гравюры, барельефы, маска Высоцкого, его бюсты, фотографии... Хозяин квартиры собирает и живопись, графику, малую скульптуру, медальерное искусство. Есть около двух десятков гравюр в самой разнообразной технике исполнения – ксилография, литография, линогравюра, офорт, акватинта.

В собрании Демина одиннадцать картин (масло, пастель), выполненных разными художниками в одном – авторском – экземпляре. Вот художник Айна Карлсоне из города Екабпилс в Латвии – выполнила работу в подарок Сергею Афанасьевичу. Автор маски Высоцкого – Анатолий Худяков из Днепрпетровска. А вот работы художника Евгения Владимировича из Ташкента: три рисунка тушью на бумаге, в единственном экземпляре – Шукшин и Высоцкий.

– Откуда, скажем, вот эта медаль в футляре, кто ее автор? – задаю вопрос хозяину.

– Специально для нумизматов эта медаль была выполнена в трех видах – из серебра, позолоченная и золотая. Мне посчастливилось купить серебряную. Автор медали художник М. Мартиросян, фирма

Авт. А. Сивак

Авт. А. Сивак

Авт. Е. Владимиров

Авт. Е. Владимиров

«Almar», Лос-Анджелес (США), 1993 год, тираж 500 экземпляров. А вот медаль, выполненная на Ленинградском монетном дворе из сплава алюминия.

– А как попала к вам посмертная маска Высоцкого?

– Она гипсовая, покрашена под бронзу. По легенде, было сделано около 20 копий с одного – пропавшего! – из трех оригиналов. Вот бюст поэта, высотой 20 см, отлит из латуни в Ленинграде в 1988 году. А этот барельеф выполнен в городе Хмельницком, на Украине, в количестве 30 штук, один из них – у меня. Прислали в подарок. Есть еще барельеф Высоцкого с надписью: «Забвенью не подлежит». Подарок автора. Выполнен Геннадием Внуковым из Самары, который несколько раз встречался с Высоцким. Сейчас опубликованы его воспоминания.

– А еще с моей подачи начали печатать конверты с изображением Владимира Высоцкого. Я это делаю так, – рассказывает дальше Сергей Афанасьевич. – Покупаю чистые немаркированные конверты, с помощью ксерокса подбираю размер портрета Высоцкого, или экслибриса и надпечатываю на конверты. По всем городам и весям уже разошлись около 50 видов таких конвертов.

Листаю книгу, названную: «Иллюстрации к песням Высоцкого, Галича и других авторов», город Ленинград, Валерий Таиров. Издано на средства автора. 1990 год». Это петербуржец, художник, тоже увлечен творчеством Высоцкого, разыскивает, собирает различные материалы о нем. Он попытался в этой книге дать свое восприятие песен Высоцкого, а также Галича и других авторов через иллюстрации к их произведениям. Тираж всего 30 экземпляров. В ней гравюры на дереве, пластике, линолеуме, оргстекле.

Вот самодельные книги «Владимир Семенович Высоцкий. Жизнь и творчество». Здесь также материалы, документы о нем. Например, тексты выступлений на семинарах, на которых в 1990–91 годы обсуждали: каким быть Дому Высоцкого? каким быть Музею? Есть ксерокопии его рукописей, переписка с людьми, знавшими поэта, встречавшимися с ним. Все эти материалы собирались в 1974–75 годы и по мере накопления переплетались в тома по разделам.

Коллекция, прямо скажем, фантастическая! И материалы Демина не лежат втуне, а работают. Так его коллекция экслибрисов выставлялась в 1995, 1998–2000 годах в Центре-музее изобразительных искусств г. Ревды Свердловской области. В 2001 году – в Норильске. Естественно, – в Дегтярске. Выставка мини-книг из собрания С.А. Демина состоялась в центральной библиотеке города Ревды.

– К сожалению, доступ к оригиналам Высоцкого закрыт в ЦГАЛИ – держат под надежным замком, и приходится работать с копиями, которые удается достать. Много рукописей Высоцкого хранится в частных архивах и доступа к ним практически нет, если что-то и удается достать, то только ксерокопии с этих рукописей. Работаю пока, в основном, для души и «в стол» (к сожалению, не находится партнера), готов к любой форме сотрудничества. На любом уровне. На равных. Поэтому предлагаю читателям свой адрес: Демину Сергею Афанасьевичу, 623271, г. Дегтярск, аб. ящик № 516.

БАЖОВА Валентина Александровна (урожд. Иваницкая; 1892 – 1971), авт. воспоминаний.

Жена писателя П.П.Бажова. Оставила воспоминания «О муже», напечатанные в кн. «Мастер, мудрец, сказочник». М., 1978. С. 3–25; то же // П.П.Бажов в воспоминаниях. Св., 1953. С. 140–161; Павел Бажов. М., 1961. С. 217–234 (Знакомство с Бажовым, преподавателем Екатеринбург. епархиального училища. Женьитба. Свадебное путешествие в Крым (1911)).

ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 2640.

БАЗАНКУР Ольга Георгиевна.

(См. Штейнфельд О.Г.)

БАЗАРОВА Августа Адольфовна

Сост. руководств для кройки и шитья (СПб., 1891). Венгеров. Источ.

БАЗИЛЕВИЧ Мария, переводчица.

Пер. с нем. «Новые басни и повести, с присовокуплением нравочительных примечаний, служащих приятным и полезным препровождением времени. Подарок благородно воспитывающемуся юношеству. Перевела с немецкого языка девица Марья Базилевичева. Иждивением м[осковского] к[упца] Ивана Готье». Ч. 1–2. М., Губ. тип. у А. Решетникова, 1799. О ней: Макаров в «Дам. журн.», 1830. Ч. 30. С. 81.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Сл.; Сводный каталог.

БАЗИЛЕВСКАЯ В., переводчица.

Пер. с англ. кн. Мориса Беринга «Веги русской литературы», с предисл. Н.А.Хомякова. М., 1913. – Рец. в «Гол. минувшего» 1914. № 7. С. 296. Уч. в «Женск. сб. в пользу Ялтинск. попечительства» (1915).

БАЗИЛЕВСКАЯ Екатерина Васильевна (1892 – 1942), литературовед.

О ней: Петряев Евг. Люди, рукописи, книги. Киров, 1970.

БАЗИЛЕЯ

(См. Урсова М.П.)

БАЗЛОВА Доминика Михайловна (1881 – 1942), авт. воспоминаний.

Фельдшер, член РСДРП с 1904 г. Ее восп. «Это было в декабре» напеч. в кн. «Товарищ Артем: Воспоминания о Федоре Андреевиче Сергееве (Артеме)». Харьков, 1975. С. 45–49; «Это было в Харькове в 1905 году» // Сквозь бурю времени: Воспоминания участниц рев. движения и соц. строительства на Украине и в Молдавии. Кишинев, 1979. С. 39–45.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 2599; Т. 5. Ч. 2. Ук. им.

БАЗЫРИНА Н.Н.

Сотр. «Красной Летописи» (1923. № 5). Масанов.

БАЙДАКОВСКАЯ, переводчица.

Пер. роман Швейцера «Эмма» (1871). Венгеров. Источ.

БАЙГИЗОВА Р., авт. воспом.

Ее восп. «Любимец аула» напеч. в кн. «Национально-освободит. восп. казахских трудящихся против царизма в 1916 г.»: Сб. воспом. и материалов». Алма-Ата, 1937. С. 110.

(Продолжение в следующем номере.)

Геннадий ЧЕУРИН,
научный руководитель Центра экологического выживания и безопасности,
почётный полярник
Художник – Альберт ТУМАНОВ

ОБУСТРОЙСТВО УКРЫТИЯ В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Мы уже рассказывали о методике разведения костра в сверхсложных условиях¹. Способ этот есть синтез приёмов коренных северных народов, древнерусских методик и личных практических разработок автора. Читатели могли убедиться, что именно культура позволяет человеку мобилизовать свой творческий потенциал и самому найти выход из любой ситуации.

Сегодня мы продолжаем публикацию рекомендаций по поведению в природных экстремальных ситуациях.

Итак, зимний лес, ветреный вечер. Уже стемнело. Костер вы успешно развели. Но близится ночь, а такая «родная» палатка осталась дома. Не отчаивайтесь и приступайте к делу по нашей методике выживания не в экстремальных условиях (с предварительной подготовкой), а в экстремальных ситуациях, то есть когда всё произошло неожиданно-негаданно! К примеру, ваш автомобиль застрял

на зимней беспутнице, – стандартное происшествие. На европейской дороге, скорее всего, в двух-трех километрах от вас окажется какой-либо населенный пункт. А вот с нашими российскими расстояниями, состоянием дорог и уровнем связи та же ситуация становится проблематичной. И, даже если удастся вызвать помощь по сотовому телефону, не факт, что во время позёмки спасательный вертолет вас найдет! (Рис. 1, стр. 53)

Итак, приступаем. Первым делом спасаем себя от возможного переохлаждения. Надо дополнительно утеплить тело, прежде всего голову, запястья рук и ноги. Чем угодно, как угодно закутайте голову, – именно через нее организм теряет до 70% тепла. Также обязательно утеплите запястья рук, которые обнажаются и мерзнут при любой работе, особенно со снегом. Рекомендуем просто просунуть большой палец в отверстие под манжетой рубашки и тем самым прикрыть запястье. Или, на худой конец, прогрызть край свитера.

И, наконец, ноги. Если вы ходите по снегу, обувь промокает, теплопроводность её повышается, и ноги замерзают катастрофически быстро. Выход прост: поверх обуви надо надеть бахилы (грубо говоря, мешки на завязках), которые можно приготовить заранее, пошив из брезентовой ткани, или изготовить на месте из любого подручного материала. Сообразительный человек сможет сделать это без проблем! В такой обуви можно спокойно ходить даже по глубокому снегу, – она останется сухой и ноги будут в тепле. Слой воздуха между ботинками и бахилами станет главным хранителем тепла.

Ни в коем случае не делайте бахилы из полиэтиленовых мешков. Через 30-40 минут ноги промокнут, и не от снега: двигаясь, человек, как известно, интенсивно излучает тепло, выделяет пот... Далее – всё ясно.

По этой же причине желательно сразу же критически просмотреть всю одежду и избавиться от синтетики, особенно, что касается ниж-

¹ - См. «УС» №7, 2005

него белья. Всё это может сгодиться на чехлы, но не более того.

Наконец, приступаем к оборудованию места для ночлега. Где его устроить? Конечно, в лесу! Там нет ветра, главного неприятеля. Конечно, можно и без укрытия "проплясать" возле костра всю ночь. Но готовы ли вы будете утром принять ответственное решение? Просидеть под ёлкой у огня, конечно, тоже не возбраняется. Но не исключено, что подтаявший на ветках снег среди ночи может обрушиться вам на голову. Итак, начнем с использования имеющихся подручных средств. Если Вы особенно предусмотрительны, воспользуйтесь советом Б. Г. Кудряшова: из брезентового тента или куска ткани и верёвки изготовьте укрытие. Такое, как на рисунке. Рис. 2

Обладая достаточными знаниями и сноровкой, можно построить снежный дом-иглу. Но актуально это в основном для условий тундры или же в горах, где есть толстый наст, пригодный для изготовления снежных кирпичей-блоков. В большинстве лесных районов России достаточных масс снега может и не оказаться. Тем более что постройка иглу – сложная архитектурно-инженерная задача, требующая значительной подготовки.

Для еще более экстремальных ситуаций подходит совет Б. Дэвиса, специалиста из знаменитых

английских войск SAS: "если есть хотя бы кусок ткани (парашют!) либо полиэтилена, особенно там, где снежный покров слишком тонок, чтобы строить иглу, можно соорудить снежный улей. Набросайте снег на купол из ветвей, покрытых полотнищем. После того, как толщина снега достигнет примерно 30 сантиметров, аккуратно извлеките из-под свода ветки и полотнище. Забравшись внутрь, закройте вход рюкзаком или чем-нибудь еще, достаточно объемистым. Не забудьте оставить небольшую щель для вентиляции. Это ночное укрытие удивительно прочно. Я дважды строил такие, и оказалось, что они способны простоять неделю. Имеет смысл потрудиться и сделать его достаточно большим". От автора: при отсутствии парашюта и какой-либо материи, их можно заменить плотно уложенным еловым лапником.

Если же снежный покров невелик, деревьев и кустов нет (степь или тундра), но вы желаете все-таки построить снежный дом, воспользуйтесь советом И. К. Топорова:

"В сильный мороз можно построить простейшую снежную хижину в рыхлом снегу. Для этого снег сгребают в кучу, поверхность его уплотняют, поливают водой и дают замерзнуть. Затем снег из кучи выгребают, а в оставшемся куполе проделывают маленькое отверстие для дымохода".

Подобные же рекомендации мы находим и у А. А. Ильичева. Да и сами мы (вспомним детство) разве мало соорудили снежных пещер в свое время?

Все вышеупомянутые укрытия, так или иначе, представляют собой эквивалент дома. А любой дом требует, как известно, отопления. При определенных условиях дыхания человека для этого достаточно. Но лучше всего построить так называемый односторонний шалаш поблизости от костра. Главное достоинство такого убежища – «живой» огонь рядом плюс тепло, отраженное от крыши на спину человека.

Главное, подумаем, что делать

в экстремальной ситуации, то есть в отсутствие снаряжения?

Ночёвка на влажной и мерзлой земле или на сырой древесине – это сверхиспытание, чреватое тяжкими последствиями для здоровья. Поэтому избежать контакта с почвой и камнями – основная задача.

Идеальный вариант – 2-3 сухих ствола, положенных рядом. Если такой настил расположен параллельно костру (нодьё², рис. 6, стр. 53), то в комплекте с навесом ничего больше вам не потребуется.

Стандартная ошибка – сначала разводят костер в любом подходящем для этого месте, а потом пытаются соорудить рядом навес. После этого приходится транспортировать тяжёлые бревна для нодьи и настила. Вывод: навес, а тем более костёр гораздо легче перенести к поваленному сухому стволу.

При отсутствии большого дерева для сидения сооружается "насед". Можно выспаться даже на двух-трех жердинах, почти в "висячем" положении. Рис. 3

Первым делом для устройства стоянки надо изолироваться от земли. Пригнув книзу несколько тонких деревьев и привязав их к соседним, можно сделать своеобразный насед, на котором все смогут разместиться. Даже при наличии воды и снега под ногами. Охалка сухой травы сверху – женщины и дети уже могут отдохнуть.

Теперь самое главное – принятие решения о возведении укрытия. Стоит ли тратить на это драгоценные силы и время? Ответ однозначен: это необходимо,

² – долговременный, на всю ночь, костер.

особенно если с вами женщины и дети. Даже шесть-восемь часов ночной работы с тридцатиминутным отдыхом под утро оправдывают себя! Отдых – дело святое! А при наличии осадков без укрытия вы обречены.

К тому же, кто сказал, что завтра будет легче? Завтра будут новые испытания! Хватит ли сил на новые идеи? Вот и тренируйте своё творческое мышление на простой работе по устройству укрытия. Кроме того, осмысленные коллективные действия согревают и придают силы сами по себе.

Основой для постройки односкатного шалаша может служить надломленное на высоте 1 – 2 метра дерево, сохранившее прочную связь с пнем. В лесах на территории Урала и Сибири такие деревья встречаются через каждые 200 - 300 метров. Можно и просто уложить валежину на высокий пенёк. На это дерево, как на основу, укладываются шесты в один либо два наката. При отсутствии топора укрытие предпочтительно устраивать в сосновом или березовом

лесу, где имеется много сухого подлеска с диаметром ствола менее 10 сантиметров, который под силу свалить и переломить одному человеку. К тому же эти стволы практически не имеют веток, что позволяет плотно уложить их друг к другу. Настил изготавливается из тех же жердей. Такое укрытие легче (и даже удобнее) делать в горелом лесу, где нет недостатка в подобном материале. Не забудьте, кстати, перед постройкой определиться с направлением ветра и закрыться от него наклонной стенкой. Рис. 4

Если есть березовые, очень непрочные жерди, их следует использовать на первом накате.

Основная же прочность обеспечивается вторым, сосновым. В итоге получим совершенно удивительный эффект, – тепловое излучение от костра, отраженное от белой бересты, будет греть вам спину.

Пол в укрытии следует делать наклонным, с подъемом от огня, чтобы тепло костра согревало лежащих под навесом более равномерно. Если ночью сменится направление ветра, следует сделать боковые заслоны. Многоснежной зимой убежище сверху и с боков засыпается снегом. Такие укрытия ветром не продуваются.

При отсутствии деревьев подобное укрытие можно изготовить из снежных кирпичей – плит. Конечно, если снега достаточно. Три-четыре жерди (либо имеющиеся лыжи) послужат основой. Однако, следует учесть, что при наличии костра возможна “капель”, поэтому не следует устанавливать жерди горизонтально. По гладкой внутренней поверхности вода будет свободно стекать, не доставляя неудобств отдыхающим путешественникам. Снежные плиты

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 6

перекрытия разумнее всего делать с косым срезом для устойчивости при постройке. Наличие второго наката только увеличит прочность сооружения. Рис. 5

Ощущение «крыши над головой» и отражённое от огня тепло с лихвой компенсируют мелкие недостатки такого укрытия.

Как ни парадоксально, отсутствие топора и пилы может даже увеличить вашу надёжность. Дело в том, что неопытные путешественники в сумерках нередко рубят на дрова лиственницу, стоящую зимой без хвои, искренне принимая ее за сухую сосну. Но она и в костре не горит и просто присесть отдохнуть на нее невозможно – холодная.

Поверьте, эту ошибку в суматохе, в экстремальных ситуациях допускают даже «прожженные» туристы и таёжники, не говоря уже о новичках. Не имеющий же топора и пилы вынужден потратить лишние 5-10 минут на поиски сухого стоящего ствола. И бывает вознаграждён надёжным костром и отдыхом на всю ночь.

Основное правило: для доброго человека лес приготовил абсолютно всё! «Деревья умирают стоя» и ещё долго ждут человека, которому готовы отдать накопленные за свою жизнь тепло и энергию! Однако не следует превращать этот принцип в догму. Если есть реальная угроза жизни – берите от леса всё, что нужно. Лапник, в достаточном количестве, ломайте и даже зелёное дерево, если необходимо, рубите! Но помните: всё это вы берете «в долг», ровно столько, сколько необходимо. И ни грамма больше! А потом, после выхода из экстремальной ситуации, найдите, пожалуйста, способ «долг» вернуть!

О чем хотелось бы ещё сказать? Стройте укрытие и создавайте комфорт в первую очередь не для себя, а для своих спутников. От соблюдения этих тончайших отношений с окружающим миром и зависит наличие либо отсутствие той самой способности к творческому мышлению. И вам желаем в первую очередь именно этого творческого состояния!

СОСНОВКА

«Мой север во мне как вдохновенье...»

Диана Арбенина

Если от Екатеринбурга дня три ехать на поезде до Архангельска и около суток на теплоходе пересекать горло Белого моря, и, если повезёт, добраться до берега на совхозном катере, вы попадёте в деревню Сосновка. Разноликие тётки пусть галдят о сходстве имён! У нашей героини своё лицо. Северное, с крепким, не смывающимся июльским загаром, покрытым слоем морской соли и, закалённым зимними морозами, сердцем.

Итак, Сосновка. Многочисленные предположения сельчан о том, как сюда попали их предки, сводятся почти к одному и тому же – «пришли с архангельского берега». Тому подтверждение – на весь Кольский берег всего несколько фамилий (Сурядовы, Каневы). Женятся туда-сюда. Сейчас, конечно, фамилий больше – одно время приезжих было много. Направляли городских молоденьких девушек работать на маяки и метеостанции. Так они там и оставались...

Когда-то здесь хотели строить железную дорогу, которая соединила бы берег полуострова с большими городами. Но кто знает, какие силы помогли не осуществиться этому проекту. Так и сейчас можно увидеть песчаную насыпь, тянущуюся почти

от самой воды вглубь полуострова километра на три. И это не единственная попытка большой руки цивилизации дотянуться до малоизведанной земли. Но матушка – природа до сих пор не протянула в ответ свою руку, ведь за её спиной...люди. Они помнят свою родню, начиная с множественного «пра». Их воспитал северный ветер, который до сих пор гуляет в их голове...

Я люблю север. Вынашиваю свою любовь в голове. Как кенгуру своих детей в сумке. Скачу по жизни. По всей России. А север мой всегда рядом. Он у меня внутри.

Мой север – это не направление компаса. Это не белые медведи. Это не вечные льды.

Это не подводный мир холодных морей. Это не редкая природа тайги.

Север – это строгость. Это – серьёзность. Чтобы рассказать о нём не нужно вычурных выражений и красивых слов. Он, как Снежная королева, холоден и суров, но навсегда забирает сердца побывавших там.

Когда я стою, облокотившись о перила на задней палубе медленно удаляющегося от берега теплохо-

да, в голове у меня крутится одна простая мысль: «А ведь ему плевать вернусь ли. А я на колени готова упасть и молить бога позволить хоть на минуту вступить когда-нибудь на эту землю».

Проезжаю на поезде по мосту, пересекающему Северную Двину, и вижу стоящие в порту судна и моё, белое, ухмыляется. Я плачу.

Меня ещё нет. Многие десятки лет здесь живут мои предки: прабабушки, прадедушки, бабушки, дедушки... Родители рождаются в разных сёлах, расположенных недалеко друг от друга по берегу. Потом знакомятся в школе-интернате, где учатся все сельские дети с пятого класса; в самих деревнях, хорошо, если есть младшие классы. Потом женятся. В Сосновке. И уезжают. В город. А их родители остаются в селе. Куда их дети ездят уже со своими детьми каждый отпуск. В любой удобный момент. Летом – на теплоходе, который останавливается неподалёку от места нахождения деревни только в хорошую погоду пару раз в месяц. Зимой – на АН-2, прилетающем раз в две недели с продуктами, которые в местном магазине делят поровну между жителями.

Мне года три. Мама привезла меня зимой к бабушке – нянчиться. Сама уехала. Я по уши влюбляюсь в местного фельдшера и в Новый год, за отказ потанцевать, стучаю его по лбу дедморозовским посохом...

Мне года четыре. С родителями и бабушкой – все они коренные поморы – идём из одного села в другое, километров девяносто. Сначала по песчаному берегу, километров десять, потом по болотам всё остальное. Я тащу болотники (высокие сапоги) сорокового размера в руках, мама несёт стальной умывальник из нержавеющей-

ки, папа вроде бы картошку, бабушка – не помню... Главное, помню, как взрослые постоянно уговаривали меня отдать сапоги. Было ужасно тяжело, но я не отдавала.

Мне десять. Обед. У бабушки он в 12 часов. Она приходит с работы из сельсовета не позже не раньше. В какой-то из таких обедов на руках моей мамы умерла в деревне одна женщина, такая же коренная поморка, носившая самую распространённую на весь берег фамилию. Врача в деревне летом нет. Сначала искали ключ от медпункта, потом искали, что есть в медпункте, кроме бинтов и валерьянки, потом упрашивали прилететь санрейс из района...

Мне одиннадцать. Летняя привычка: часам к семи бегу с красным в белый горох бидончиком

на ферму. На крышку бидона бабушка наклеила кусочек лейкопластыря с фамилией. Тётя Таня, доярка, знает, что у моей бабушки внуков много понаехало, точно нальёт. А наливает не всем. Корова одна. Сижу в пропахшем навозом предбаннике на старых клубных креслах, болтаю ногами. Тётя Таня открывает окошко, вздыхает, увидев, что банок много нанесли, улыбается мне, берёт мой бидон, наливает. Я мчусь, довольная, с литром молока в трёхлитровом бидончике и уже предчувствую утреннюю рисовую кашу из русской печки.

Мне двенадцать. Вертолёты садятся на деревенское поле раза по четыре на неделю. Завозят

импортные стройматериалы. Собираются строить ветряки. От дизельной станции электричество подают только с шести вечера до двенадцати. А ветра с моря частые, сильные. Ветряки – хорошее решение. Вроде норвежцы придумали...

Мне четырнадцать. Вся деревня несколько дней в поле. Убирали сено. Нам, детям, следовало залезть на высоченную телегу и утаптывать сено. А взрослые его вилами забрасывали. Телега была прицеплена к трактору. Потом мы ехали на сене на ферму. Нас человек десять, а то и больше, лежало на этой горе сухой травы. Мы ничего друг другу не говорили, просто смеялись, закапывались поглуб-

же и чувствовали себя самыми счастливыми на свете... Как-то в самый разгар уборки град пошёл! Всего минуты три. Потом он сменился таким сильным ливнем! И все бежали по домам с граблями и вилами. А наш дом был ближе всего к полю. Но мы не торопились, носились с братьями-сёстрами под дождём...

Мне пятнадцать. Конец августа. Вставали в шесть утра. Мне не хотелось. Мамка наливала горячего чаю с плюшками и звала к столу. Я вставала, умывалась холодной водой из умывальника. Мы шли собирать морошку. Далеко шли. Мама хорошо знала и показывала мне хорошие места. Собирали весь день. Я успевала и

понять, и попеть песен, и помечтать о вечерних танцах в клубе. Приходили под вечер, я успевала только перекусить и – в клуб. Вечерами там собиралась вся деревенская молодёжь. Танцевали, а позднее бегали по деревне, «картошку вешали». То есть брали картофелину и подвешивали к окну какого-нибудь дома, потом верёвку оттягивали подальше, прятались и стучали. Привычные к нашим шуткам жители просто выскакивали на крыльцо, ругались. А нам нравилось. Мы разбегались в разные стороны с хохотом. Приезжим жуткий страх нагоняло. А нам и это – веселье.

Мне шестнадцать. С сестрой гуляли в резиновых сапогах по

отливу. Вода из реки вся вышла. Совсем дно обсохло. Мы с детства любим по отливу бродить. Утро было. Солнечное, тёплое, но ветреное. Сестра сидела поодаль, копалась среди камней. А я прыгала с одного обсохшего островка на другой. Вижу: в маленьком ручейке будто пряжка от ремня блестит. Поднимаю, тут же отмываю водой от водорослей. Оказывается, никакая не пряжка – иконка. Чуть водой попорченная медная икона. «Раньше здесь на месте клуба церковка стояла, в своё время разрушили. Димка вон наш в позапрошлом году осколок купола церковного нашёл. Поди спроси. Вам, молодым, последнее передаётся. Берегите, что вам даётся-то. Не просто так...» – слова бабушки.

Мне восемнадцать. Вот уже два дня как гощу в Сосновке. Вот вчера, по приезду была баня. «Всю городскую грязь смыла», как бабушка говорит. На утро встала рано. Сходила за водой до колодца. Теперь к ручью – бельё полоскать. Уже собираюсь уходить с ручья, вижу, бабушка Ия с маленькими ведёрками за водой спускается. А она низенькая совсем стала, стопталась, горбатенькая. Я сразу к ней: «Доброе утро. Давайте-ка, я Вам помогу!» Набираю воду. До дома доношу. Потом к ручью за бельём спускаюсь и домой иду. А бабушка Ия у своего крыльца стоит и вдруг тихо говорит мне: «Леночка, ты что ль? Не признала. Совсем все повзростели...Невесты!». Не помню, что и ответила...

Родилась я на Вятке. Но уже в детстве мы разошлись восвояси, пожав на прощание друг другу руки. Именно север взял меня на воспитание. И сделал из меня человека. Человека, в голове которого вот уже восемнадцать лет бродит северный ветер. Человека, для которого гнилой запах морских водорослей стал признаком жизни. Человека, для которого свет маяка на острове Сосновец говорит не только: «Всё. Приехали», но и то, что пока он горит, мои корабли найдут дорогу к моему берегу.

Неизвестный Кондратий Худяков

Имя курганского поэта Кондратия Кузьмича Худякова было широко распространено в дореволюционных Сибири и Урале. Благодаря усилиям Всеволода Иванова стихи народного поэта публиковались в центральных газетах и журналах, был издан сборник его произведений. В советское время о К. Худякове писали в «Сибирских огнях» (1967, № 12 и 1970 № 10) и «Урале» (1974, № 6). В Челябинске стараниями М. Янко была издана книга стихов поэта «Родные просторы». Но самой значительной публикацией о К. Худякове был очерк Всеволода Иванова, опубликованный в журнале «Огонек». Вот эта публикация и стала отправной точкой для написания данной статьи.

Всеволод Иванов с некоторой осторожностью и с недомолвками пишет о событии, происшедшем в жизни Кондратия Кузьмича: «В конце 1919 года после разгрома колчаковщины, Худяков был на некоторое время, недели на две-три, кажется, арестован органами курганского Чека. Во время колчаковщины он печатал свои стихи в кооперативных журналах и газетах. Стихи эти были лирические. Конечно, арест был простым недоразумением, о чем он мне, прилагая новые стихи, и сообщил не без юмора». («Огонек», 1964. № 7. С. 18-21).

Сейчас всем понятно, что органы Чека в то бурное вздыбленное время могли арестовать любого без каких-либо объяснений, но арест популярного в городе поэта не прошел незамеченным.

Кондратий Худяков был известен жителям Кургана как владелец мастерской вывесок и как поэт. Свой поэтический талант К. Худяков раскрыл землякам еще в 1913 году в местной «Народной газете», основанной таким же талантливым организатором из народа А.Н. Балакшиным.

Редакция «Народной газеты» охотно предоставляла свои страницы землякам, поэтам-самоучкам,

таким как В.М. Мангулов, Н.Д. Кузнецов (псевд. Микула-Пахарь), так и Худяков пополнил ряды местных поэтов. Но он ушел дальше всех по силе своего таланта. Он один из первых урало-сибирских поэтов XX века начал писать сонеты

Однако спокойную размеренную жизнь сибирского города Кургана нарушила сначала Первая мировая война, затем две революции 1917 года и Гражданская война. Поэт не мог остаться в стороне от этих событий, и в его мирную поэзию вклиниваются политические нотки, а затем и политические оценки происходящих событий тех лет.

В ноябре 1917 года к власти в Кургане пришли большевики и сразу же запретили почти все местные газеты, хотя при Временном правительстве в марте 1917 года в городе выходила большевистская газета «Известия Курганского Совета Рабочих и Солдатских депутатов». В Государственном архиве Курганской области сохранились три номера этой газеты. В одном из номеров газеты от 24 марта есть стихотворение К. Худякова «Первое мая»:

Праздником первое мая
– праздник железа и крови –
каждый батрак и рабочий
разных народов зовет.
С верой в борьбу устремляя
в зарево радужной нови
зорко пытливые очи
Гордо и смело вперед...

Сразу бросается в глаза, что это не слог Худякова и не его тема, но под стихотворением стоит его фамилия. Стихотворение творчески вымучено, в нем нет легкости стиха предыдущих произведений автора, здесь набор каких-то отдельных лозунгов. После

этой публикации до конца 1919 года в большевистской прессе имя поэта больше не появлялось.

Где же печатался поэт К.Худяков в 1917-1919 годах?

1 июня 1918 года власть в Кургане перешла в руки чехословаков, и сразу же в городе начинают появляться одна за другой газеты разной политической ориентации: «Крестьянский союз» – газета политическая и литературная, преследующая цель объединения крестьянства в политическую партию; «Народная газета» – кооперативная, «Курганская свободная мысль» – общественно-политическая, «Доброе слово» – независимый внепартийный орган народной церковно-общественной мысли и другие.

К. Худяков в эти годы сотрудничает в трех газетах: «Земля и труд» (1917, 1919) – орган объединенной независимой социалистической мысли; по традиции в «Народной газете», которая возобновила свое издание; и в газете «Земля и воля» – органе Курганской группы партий социалистов-революционеров (выходила только в 1917 году, сохранилось 13 номеров).

Здесь К.Худяков выступил со стихотворением «Земля и воля»:

Как снег растаял трон в живых лучах свободы.

И смешан блеск порфир с кровавою землей...

Державная заря свободного народа,

Пылая залилась над родиной моей...

Видно, что поэт приветствует свершившуюся февральскую революцию, его убеждения ближе к социалистам-революционерам. Этот вывод подтверждается и тем, что в это же время он дал свое согласие баллотироваться кандидатом в уездные земские гласные от социалистов-революционеров. Об этом сообщала газета «Земля и воля», публикуя списки своих кандидатов и представляя К.Худякова, как «известного поэта и общественного деятеля». Неизвестно прошел ли Худяков в гласные, но попытка была. Этот факт из биографии поэта исследователи его жизни и творчества замалчивают, из этого же факта можно сделать предположение, почему К. Худяков дал в газету большевиков такое маловразумительное стихотворение.

После октябрьского переворота (1917 г.) газета «Земля и воля» была закрыта, но появилась газета «Земля и труд», в которой Кондратий Кузьмич сотрудничал до возвращения к власти большевиков. В этой газете поэт публикует не только стихи, но и делает обзоры журналов, стремится осознать, что же все-таки происходит вокруг.

Поэт начинает философски обдумывать окружающую жизнь и публикует очерк «Жизнь – звенящий сон». Вот как он воспринимает жизнь:

«Это – прекрасное творение гениального неведомого художника!.. Но почему мы так грубы? Так черствы наши полуживотные души. Жизнь, это, чудо из чудес, какое могла подарить нам природа. И это прекрасное по замыслу и величественное по

структуре Создание искусства, мы превращаем в оплеванного и безобразного идола.

С нашей борьбой за привилегированное положение, с нашими интригами, из-за мелких будничных интересов, мы тупоумные и ослепленные дешевой мишурой дурацкого колпака, и замороженные гнусными выкриками балаганного паяца, – мы не видим, мы не можем видеть чарующих прелестей проходящей мимо нас жизни... Мы не можем отличить прекрасного и нежного – «Боже, как хороша жизнь!» – от грубого и пошлого, – «Ах, мне бы!..».

«Жизнь темна и безобразна» «Жизнь – ад!», «Жизнь – это яма навозная!» – слышится со всех сторон.

Но разве, друг мой, все темное и безобразное не для того только и существует, чтоб мы могли понимать и ценить прекрасное? Все безобразное лишь только подчеркивает собой неувядающую красоту и прелесть жизни, и она становится красочной и рельефной.

И тот человек, что прожил всю жизнь и только перед смертью почувствовал на себе толику ласкающей улыбки жизни – не напрасно прожил на свете» («Земля и труд», 1918, 15 декабря).

Очерк был написан, казалось бы, в спокойной обстановке, но ситуация резко меняется, и чуткая душа поэта ощущает приближение беды. Он выразил это чувство в стихотворении «Тяжесть креста»:

О, господи, я изнемог,-

Не поднявши креста!..

Дрожу, как озябший щенок

У ног

Под ударами хлыста.

О, Боже мой, милостив будь,

Даруй мне силы!..

Пройти бы как-нибудь

Путь

До могилы...

1919, 14(27) апреля

Арест поэта Кондратия Худякова произошел сразу после ухода войск Колчака из Кургана. Сотрудничество в газете эсеров, его согласие баллотироваться в гласные от этой же партии – это, отнюдь не кооперативная пресса, о которой писал Всеволод Иванов. Подобные поступки не могли пройти незамеченными представителями советской власти. Не вышла в свет вторая книга стихов, которая уже была готова. К. Худякова выпустили из-под ареста, но это не значило его полной реабилитации.

Поэт перестраивается, публикует стихи на заданную тему: «Красный Урал» (1919), «Красный стяг» (1920, 29 февраля). Но поздно – его настигает болезнь, порожденная голодом, разрухой Гражданской войны. О его кончине появилось сообщение в газете «Красный Курган». Почти одна строка: «7 апреля 1920 г. в 1-й советской больнице умер от сыпного тифа курганский поэт и общественный деятель К.К. Худяков».

Потом имя популярного на Урале и Сибири поэта замалчивалось десятками лет.

В трех шагах от сказки

Глава I

Катя проснулась оттого, что солнечный лучик щекотал ее ресницы, выглядывая из-за шторы. Кровать сестры была заправлена.

«Значит, ушла в школу, – подумала она и зевнула. – Иначе она еще спала, ведь если ее никто не будит, то Аня может проспять до самого вечера».

Сестра ходила в шестой класс и очень важничала.

«А чего воображать-то, на следующий год я пойду в школу, и буду решать домашние задания, и получать пятерки. Подумаешь, сложность, раз – раз и пятерка готова,» – думала Катя, лёжа в постели.

– Опоздала, я опоздала, даже садик, – закричала она и бросилась в спальню родителей, но и там никого не было. И только сейчас она вспомнила, что ей куда-то надо идти. Вчера она кашляла, и мама сказала, что пару дней ей придется посидеть дома.

«А Соня, где же Соня?» – Катя стала бегать по квартире и звать кошку. Она проверила все её любимые места: на диване, за креслом, заглянула под кровать. Сонька любила там прятаться от пылесоса или просто когда хотела спокойно поспать, чтобы ей никто не мешал. Но и там её не было. Кате так стало жалко себя, все её бросили, даже кошка-подружка куда-то запропастилась. Она села на пол и горько заплакала.

Катя была обижена на всех за их предательство: на родителей, за то, что не разбудили перед уходом; на сестру, за то, что ничего не оставила, хоть какой-нибудь пустяк, но чтобы было ясно, что её любят и помнят. Но пуще всего была зла на Соньку, ведь её оставили заботиться о ней, о Кате, чтобы она играла и наряжала ее, но эта противная кошка куда-то спряталась.

Так она сидела и думала о несчастной своей судьбе, и слёзы текли, словно горные ручейки, из её глаз. Катя уже была готова разрыдаться, как почувствовала что-то шершавое, коснувшееся её лица. Она вздрогнула.

– Соня, перестань меня лизать. И вообще я с тобой не играю. Ты где была? Я весь дом обыскала, а тебя нигде нет. Мне стало страшно, и я заплакала, – вспомнив о своих переживаниях, она снова заплакала.

Соня была большой серой персидской кошкой, пушистой и очень ленивой. Правда, если бы она умела говорить, то убедила вас в обратном. Она поведала б вам, что в её жилах течет королевская кровь, и бегать, как уличные коты, ей не позволяет

воспитание. А вести себя достойно – разве это не отличие от других. Конечно, она бегает и играет иногда, но это так, для поддержания фигуры. Кошка подошла к Кате и стала слизывать слезинки с её мокрых щёк.

– Ну ладно, ладно, больше не буду. Пойдем лучше посмотрим, может что-нибудь вкусенькое есть, – и Катя, вытерев ладошкой щёки, отправилась на кухню.

Услышав это, Сонька муркнула, подняла хвост трубой и не спеша последовала за ней. Пока девочка выбирала в холодильнике, что сегодня ей может понравиться, кошка уселась на середину комнаты и стала ждать.

Честно сказать, она никогда не просила еду, как коты, которые, учуяв кусок мяса, начинают сходить с ума и голосить во все горло. Нет, она сидит и гипнотизирует тебя своими большими круглыми глазами. И только когда ты отведешь от неё взгляд, чтобы нацепить кусок мяса на вилку, она тихонько и кратко произнесёт: «Мя», и этот кусок в тебя уже не ползет, как ни старайся. Тогда ты встаёшь и кладёшь его ей в тарелку. А она, посмотрев на твои действия, остается на месте. Кто знает, может и вправду в ней течет королевская кровь, и она просто соблюдает правила этикета, ожидая приглашения к трапезе.

Достав кастрюлю с пловом, Катя наложила тарелку и поставила в микроволновку.

– А ты что смотришь? Сначала доешь своё, а потом я тебе ещё что-нибудь дам.

Соня посмотрела на девочку и, подумав, что с этой гипноз не получится, пошла к своей тарелке. Когда с едой было покончено, они стали играть в мяч. Катя, взяв маленький шарик на резинке, изо всех сил кидала его по квартире. Соня, стараясь догнать его, скользая на поворотах и пробуксовывая на линолеуме, устремлялась вперед. И словно хоккеист перебрасывает шайбу справа налево, она лапами загоняла шарик в угол. Потом брала в зубы и несла его на середину комнаты. Там она садилась рядом с ним и ждала, когда Катя возьмет и кинет его снова.

Но вот однажды, когда Катя в очередной раз бросила шарик, он покатился по коридору, прямо под родительскую кровать. Это была большая старая кровать, покрытая красивым, узорчатым покрывалом, свисавшим до самого пола.

– Соня, чего же ты ждешь, иди и принеси шарик.

Но кошка сидела на месте. Она вообще отвернулась, показывая всем своим видом, что ей уже надоела эта игра, и что она ещё посидит тут чуть-чуть и пойдет спать.

– Ну не хочешь, тогда я сама достану, – и с этими словами Катя полезла за шариком.

Под кроватью лежала громадная гладильная доска, и две пустых коробки. И зачем она здесь? Хотя Катя просила её у папы, но он так и не дал её. Вот они с Сонькой, нашли бы ей применение, а так лежат тут без дела. Был тут и кинжал, конечно, не настоящий, а игрушечный. Это Андрюшкин – соседского мальчишки. Катя реквизировала его, как трофей, за какой-то промах этого самого Андрюхи. Забрала кинжал, да и закинула под кровать, а потом забыла. Катя сунула кинжал за пояс. Но где же шарик?

– А там что такое? Ну-ка, ну-ка.

Вдалеке, за коробками, светился теплый неяркий свет. Она подползла ближе, раздвинула коробки и увидела свой шарик. Он странно висел в центре яркого круга, от которого у него появилось свечение. Странно, но Катя совсем не испугалась, а лишь протянула к нему руку. Шарик отодвинулся назад и остановился, словно заигрывая с ней. Вдруг девочка почувствовала, как ей в ногу воткнулись острые иголки, и легкий ток пробежал по ее телу. Она даже вскрикнула.

– Соня, перестань, сейчас я достану шарик и поиграю с тобой, – Катя продолжала ползти к завораживающему своей красотой шару.

– Тебе туда нельзя, – услышала она незнакомый голос сзади. Испугавшись, девочка дернулась вперед и, не удержавшись, кубарем покатила куда-то вниз.

* * *

Когда Катя открыла глаза, то увидела перед собой лес и синее небо. Хотя солнца нигде не было видно, свет струился отовсюду, проникая в самые дальние уголки леса. Везде росли толстые, с большой кроной деревья. Они были такими могучими, что даже трое человек, взявшись за руки, не смогли бы охватить их. Некоторые ветки, свисая до самой земли и переплетаясь меж собой, образовывали арки, под которыми летали бабочки, величиной с ладонь.

Рядом журчал ручеек. С такой прозрачной водой, что, даже с этого места Катя могла рассмотреть рыбок, плавающих в ней. Они весело плескались в воде, выпрыгивали и с легким шлепком ныряли обратно. Со стороны можно было подумать, что они играют в догонялки.

На полянке, за ручьем паслись козы. Только они были совсем не такие, каких она видела у бабушки в деревне – все в репьях и колючках, а чистенькие и гладкие, как с картинки. Невдалеке от них заяц стоял на задних лапах и грыз морковку, изредка осматриваясь по сторонам.

Странно, но чем больше она смотрела, тем больше замечала вокруг. И во всем этом диковинном лесу было что-то завораживающее. Катя чувствовала здесь себя в полной безопасности, хотя никогда не бывала здесь. Эти могучие деревья были такими сильными и надежными, что казалось, никакая злая сила не сокрушит их и все то, что находится под их сенью.

– Вот непослушная девчонка. Тебе же говорили, что сюда нельзя, – Катя вздрогнула. Опять тот же голос. Она обернулась, но кроме дерева ничего не увидела.

– Кто здесь? А ну, выходи, я тебя не боюсь. Выходи, не прячься.

– А я и не прячусь, – сказала дерево. И тут Катя обратила внимание на большое черное дупло. И в нем что-то шевелилось.

– Ты кто?

– Я?– из дупла показались серые ушки, большие круглые глаза и пушистые усы.

– Соня, это ты?– Катя подошла к дереву.

– А, что не похожа?– и кошка уселась на краю дупла.

– Но ты же разговариваешь, или я сошла с ума. Нет, я, наверное, заболела. Скорее всего, у меня поднялась температура, я сплю, и мне снится всякая чушь.

– Кто чушь? Это я-то чушь? Подумайте только, люди добрые. Я с ней каждый день возжусь, играю, чтобы ей скучно не было и за это она меня чушь называет. – завопила кошка как бобка на базаре, которую только что обокрали.

– Подожди, подожди. Ты кошка, а кошки не умеют разговаривать.

– Это у вас там не умеют, а здесь все умеют.

– Где это здесь?

– Где, где? – переразнила Соня. – В волшебной стране, вот где.

– Врешь!

– Врут только маленькие, упрямые девчонки, а мы, кошки, всегда говорим правду, – тут Соня вспомнив о чем-то, смугилась и добавила, – или почти всегда. Ну ладно, погуляла, а теперь пора домой.

– Вот ещё. Тут так красиво, и я не знаю ещё, что там за этими деревьями. И вообще, если будешь мне мешать, я дерну тебя за хвост.

– А ну, попробуй, – и Соня выставила вперед свои когти.

Катя невольно отшатнулась. Из кошачьих лап торчали настоящие ножи, острые, тонкие, сверкающие от яркого света. Соня, полюбовавшись ими, беззвучно спрятала их обратно. И только оставалось удивляться, как такое грозное оружие умещалось в маленькой лапке.

– Ой, откуда у тебя такие когти?

– заикаясь от удивления, спросила Катя.

– Я тебе уже говорила, – Соня, наклонившись к уху девочки, вдруг заорала, – мы в волшебной стране, – но потом спокойно добавила, – посмотри лучше на себя.

Катя опустила глаза, и... Она ничего не могла сказать, только хватала ртом воздух.

На ногах у неё были мягкие черные сапожки, доходившие до самых колен. Они были такими легкими и удобными, что совсем не чувствовались на ногах. Одето на ней было короткое кожаное платье, как на картинках в стиле «фэнтези», на золотом поясе висел кинжал. Тот самый, который она нашла под кроватью. Нет, тот был игрушечным, а этот... Она взмахнула им перед собой и резко опустила вниз. Острая сталь, рассекая воздух, издала приятный свист.

Катя вертелась и кружилась, то, прыгая высоко вверх, то, припадая к земле, словно охотясь за невидимым противником. Соня, с любопытством наблюдавшая за ней, решила преподнести ей ещё один сюрприз.

– Взгляни, – она подала Кате большой листок, в котором скопилась утренняя роса.

Катя увидела свое отражение и онемела. На голове у неё красовались две толстые косы, закрученные в замысловатую прическу. «Неужели это мои?» – стрелой пронеслось в голове. Ведь иметь длинные настоящие волосы было её мечтой.

– Соня, а можно их распустить? – прошептала Катя, все ещё не веря происходящему.

– М-м-р, – муркнула кошка и кивнула головой.

Катя быстренько выдернула шпильки, удерживающие ее косы, и волосы рассыпались по спине. Они доходили ей почти до пояса.

– Класс, – только и смогла вымолвить Катя.

– Так, все, хватит. Я хочу кушать, да и вздремнуть не мешало бы, – потягиваясь, сказала кошка. – Пошли домой.

– Все бы тебе есть да спать. Тебе и имя-то такое дали, потому что ты за-со-ня.

– Ну-ну, – протянула Сонька, – если бы людям давали имена по их делам, то твое было – «болтушка». Все, пойдем.

– Ты что? Вот теперь я ни за что не пойду, – и Катя стала размахивать кинжалом. – А где наш шарик? – Катя огляделась вокруг, но его нигде не было. – А

это что такое? Смотри, какой красивый камушек, а цепочка, какая необыкновенная!

Катя подняла с земли большой красный кристалл. На ярком дневном свете он переливался всеми оттенками пламени. Цепочка, на которой висел кристалл, была золотая и очень тонкая. Но если приглядеться, то можно было увидеть животных, идущих друг за другом. Были там медведи, кабаны, лошади и другие звери, которых Катя никогда не видела. Они мирно шагали по цепочке, и никто ни на кого не нападал. Была там и кошка, очень похожая на Соньку, которая шла следом за собакой. Катя наклонилась цепочку, и звери сделали шаг, потом ещё и ещё. И вот они уже бегут по кругу. Все это было похоже на переливающуюся открытку, когда наклоняешь её, и рисунок меняет свои очертания.

– Здорово! Я его первая нашла, здесь никого нет, значит, он мой! – скороговоркой выпалила Катя, огляделась по сторонам и надела кристалл на шею. Тем самым, давая понять, что никаких возражений она не примет. Кошка же на её слова только загадочно улыбнулась.

– Слушай, Сонь, а как эта страна называется?

– Просто волшебная, – ответила кошка, пожав плечами.

– Это ты просто кошка, а я просто девочка. И всё же у нас есть имена, даже прозвища, – поддела Катя Соньку. – А у такого замечательного места не может не быть названия. Давай назовем эту страну Лесопотамия, а?

– Почему Лесопотамия? – удивилась Соня.

– Не знаю. Просто слово такое загадочное и сильное. Ты когда-нибудь видела бегемота? – Сонька замотала головой. – Это такое большое, могучее животное с толстыми ногами, как ствол у дерева. Он может находиться под водой и на суше, а питается он травой. Местные жители его называют – гип-по-пота-мом, что означает водяная корова. Я увидела эти деревья с их мощными стволами и почему-то сразу вспомнила бегемота. Так, будем звать эту страну – Лесопотамией! – решительно закончила Катя.

Где-то сверху зашумело. Они посмотрели вверх и увидели нескольких сорок, взлетающих с веток. Трещи между собой, они поднимались над лесом. Странно, но Катя понимала, о чем они говорили.

– Сестры полетели скорей, расскажем всем, что у нашей страны есть имя! – трещали те, – Слушайте все: Лесопотамия, Лесопотамия!

– Кого-то они мне напоминают, – задумчиво сказала кошка, покосившись на Катю. Та погрозила ей кинжалом, в ответ Соня вытащила свои когти. И они дружно рассмеялись.

– Ладно, пойдем домой.

– Не-е, – заупрямилась Катя

– Мама домой будет звонить, и если ей никто не ответит, она будет волноваться.

– Да, волноваться будет, – повторила Катя – а, может быть, ещё и ругаться, – она повертела головой, словно пытаясь запомнить все детали, ей так не хотелось уходить.

– Ну, хорошо, пойдем. Но после маминого звонка мы сюда вернемся, – говоря это, Катя махала пальцем перед носом кошки, словно учитель, отчитывающий непослушного ученика.

– Идем же, – только и сказала в ответ Соня, исчезая в дупле.

Катя стала забираться следом, бормоча про себя: что в такой прекрасный день, где растёт так много цветов, летают птички, порхают бабочки, ей приходится возвращаться домой. Несправедливо!

– Ой, Соня, а что делает в дупле эти коробки? Какие-то они очень знакомые, – девочка проползла вперед. Прямо перед собой она нащупала ткань и, отодвинув её, увидела свет.

– Соня! Так это же покрывало! Вот это да! Ещё немного и я заблудилась бы под кроватью, – усмехнулась она. – А это что за шум? Телефон!

– Алло?

– Катя, где ты была? Я, наверное, минут пять названиваю, и никто трубку не берет.

– Мама, представляешь, мы с Сонькой играли, мячик закатился под кровать, я полезла за ним и ...

– Катя, доченька, мне сейчас некогда, я приду с работы, и ты мне все расскажешь. А сейчас ответь – ты таблетки пила?

– Да, – соврала Катя.

– Покушала?

– Да, покушала. Правда, правда, – обрадовалась Катя тому, что мама не стала спрашивать про таблетки.

– Ну и молодец. Сейчас Аня должна прийти. Будь умницей. Пока.

– Пока, – ответила Катя и положила трубку, немного огорченная тем, что мама не захотела послушать о её приключениях. – Ничего, сейчас приму лекарство и полезу обратно.

Из коридора раздался звук открываемой двери.

– Аня, – прошептала Катя и вдруг закричала во все горло, – Аня!!!

– Что ты орешь? – закрывая дверь, сказала озабоченная чем-то сестра. – Посмотри на себя – волосы растрепаны, до сих пор в пижаме ходишь, ножик какой-то в штаны засунула. И вообще отстань от меня. Мне столько уроков задали, что голова кругом идет, – с этими словами Аня бросила портфель в коридоре и пошла на кухню. – Да, и сними с шеи Сонькин шарик, – закрывая за собой дверь, добавила она.

– Шарик? – пробормотала Катя и подбежала к зеркалу.

Ужас сковал все её тело. На неё смотрела очень бледная девочка лет пяти с короткими белыми волосами. В тапочках и пижаме. На шее у нее болтался шарик.

– Где, где мои косы, платье, сапоги? Где мой кристалл? – шептала она не в силах пошевелиться. Вдруг ноги у неё подкосились, и Катя бессильно осела на пол.

– А-а-а-а! – услышала Аня и выбежала в коридор.

дор. На полу сидела сестра и рыдала, непонятно по какому поводу.

– Катя, что случилось? Ты ушиблась? – испуганно спросила Аня.

– Отстань, – всхлинула Катя и оттолкнула сестру. Закрыв голову руками, она снова завывала.

Аня, конечно, любила сестренку и заботилась о ней, но в такие минуты готова была убить её.

– Ну и реви на здоровье, а когда мама придет, я ей все расскажу, – и Аня в сердцах хлопнула кухонной дверью.

Всхлипы становились все тише и тише, пока совсем не смолкли.

– Все, хватит, – Катя резко встала. – Соня, ты где? Пойдем за кристаллом. Я его, наверное, уронила там, у дупла, когда залезала обратно.

Катя широкими шагами направилась в спальню к родителям.

– Так коробку в сторону, ещё одну, – но тут Катя уперлась головой в стену. – Где же вход?

– М-р. Ты что-то ищешь?

– Соня, ты разговариваешь?! – вытаращила глаза Катя.

– Опять двадцать пять, я же тебе говорила, что в волшебной стране все понимают друг друга, хотя каждый говорит на своем языке, – по слогам выговаривала каждое слово кошка.

– А мы что уже там?

– Нет ещё. Но перед воротами это уже действует.

– А где они? Я хочу вернуть свой кристалл, – Катя никак не могла успокоиться.

– Ну, во-первых, никакого кристалла нет, а есть его...

– Как это нет? – перебила её Катя. – Я сама его держала вот этими руками, – и она протянула вперед руки.

– У каждой вещи или живого существа в этом и любом другом мире есть свое тайное желание, и оно, когда вещь или существо попадает в волшебную страну, исполняется. Маленький мечтает стать большим, большой – красивым, красивый – умным... Вот и у твоего шарика мечта сбылась. Но, вернувшись обратно в этот мир, всё становится прежним.

Катя посмотрела на шарик и о чем-то задумалась.

– Сонь, а, Сонь, – оторвавшись от своих размышлений, сказала Катя.

– Ну что ещё? – недовольно пробурчала кошка, отрываясь от чистки своей шерстки. Ведь для кошек самое главное – это внешний вид, а Соня за ним очень тщательно следила.

– Во-вторых?

– Что, во-вторых?

– Ну, ты сказала, во-первых, исполняются тайные желания...

– Нет, не желания, а только одно и самое заветное, – перебила на этот раз кошка.

– Хорошо, желание, а, во-вторых?

– Во-вторых, когда дома находится кто-то по-

сторонний, ворота наглухо закрыты, и пройти в волшебный мир нельзя, – говоря это, Соня встала и начала вылезать из-под кровати. – Я сама до сих пор удивляюсь, каким образом они перед тобой открылись? Ведь мяу-мр-мр...

Так размышляла кошка, и чем дальше она отходила от входа, тем меньше Катя понимала её речь.

– Соня, Сонь, подожди, – Катя быстро вылезла из-под кровати, но кошки уже не было.

Девочка побежала в другую комнату. Кошка спала, свернувшись клубком на диване.

– Соня, – прошептала, оглядываясь по сторонам, Катя, – а завтра они откроются? Ведь завтра я буду дома одна.

Кошка приоткрыла один глаз, и, что-то промурлыкав, закрыла его.

– Есть! – Катя подняла руку вверх и резко согнула в локте. – Но до завтра так долго ждать. Надо быстро покушать и пораньше лечь спать, а когда проснусь, будет уже завтра. Точно, так и сделаю.

Восхищенная тем, что она такая умная, Катя отправилась на кухню. Позже, когда она легла спать, оказалось, что это не так-то просто – уснуть. «Хорошо Соньке, только легла и уже спит», – ворочаясь в постели, думала Катя. Как она ни старалась, сон не приходил. В голову лезли воспоминания о волшебной стране: большие деревья, ветки; образующие зеленые арки, серебристый ручеек, веселящиеся в воде рыбки и кошка, которая говорит что-то о волшебном лесе, но что – никак не разобрать...

Глава I I

Катя проснулась от шума. Постель Ани была направлена. Катя быстро встала и поспешила на кухню. Мама сидела за столом и пила чай.

– Ну почему меня не разбудили?

– Я хотела, чтобы ты подольше поспала, – мама поцеловала Катю. – Умойся, выпей таблетки, они на столе, и обязательно покушай. Скоро придет Аня, будь умницей. Я пошла на работу. Пока.

– Так надо делать все быстро, чтобы подольше погулять. Соня, пойдем умываться.

Когда все дела были сделаны: зубы блестели, и завтрак был съеден, Катя подошла к кровати родителей.

– Ну, что, пошли, – Катя посмотрела на кошку, но та уже улеглась на ковер и приготовилась вздремнуть.

– Эй, потом выплывишь, идем же, – и полезла под кровать.

Проводив Катю взглядом, Соня потянулась, став похожей на большую пушистую гусеницу, встала и лениво последовала за девочкой.

– Вот черт!

– Тебе никогда не говорили, что ругаться неприлично? Мр-р?

– Извини, но я совсем забыла, что вход в твою волшебную страну находится на дереве, и нужно хорошенько подготовиться, прежде чем пересекать эту необычную границу, – сказала Катя, распластавшись

на земле и потирая ушибленный лоб. – Вот, теперь шишка будет.

– Катя, давай погуляем и пойдем домой, – сказала Сонька, выглядывая из дупла и выгибаясь словно коромысло.

А та, забыв о своей болячке, уже неслась по волшебному лесу.

– Эй! Я с кем говорю? – прокричала кошка, прыгивая на землю.

А Катя счастливо смеялась и кружилась на лесной полянке, запрокинув голову и раскинув в стороны руки. Настроение девочки передалось и надменной кошке. И вот они уже играли в догонялки, прятались за большими деревьями, в высокой траве, и, когда кто-то из них находил другую – прыгали от неожиданности и визжа убегали, громко хохоча.

– Всё, всё. Я больше не могу. Я устала и хочу отдохнуть, – повалившись в траву, прошептала Соня. – Пойдем домой.

– Кнопа!

Кошка вскочила, как ужаленная, оглядываясь по сторонам:

– Где? Кто? Что? – но увидев, кто это и где, успокоилась. – А, это кони. Они часто приходят сюда. Говорят, что здесь трава сочнее.

Она посмотрела на Катю, но, не увидев её, завертела головой по сторонам, пытаясь определить, куда девалась эта беспокойная девчонка.

А девчонка, как на крыльях, летела по направлению к табуну лошадей. Для неё не существовало красивей и прекрасней животного, чем ЛОШАДЬ.

Когда она была совсем маленькой, вся семья поехала в городской парк. Сколько там было аттракционов! Если на каждом прокатиться хотя бы по одному разу, то целого дня точно не хватило бы. И все они были такие интересные! Но Катя заметила лошадку, грустно стоявшую под деревом, и потянула отца к ней.

– Сколько стоит? – поинтересовался он у девочки, державшей уздечку.

– 5 рублей круг, – ответила та.

– Ну, что, поедешь? – посмотрев на дочку, спросил папа.

Катя, не отводя взгляда от лошадки, только утвердительно мотнула головой.

Это была маленькая белая пони с умными глазами. У неё всё было как у большой настоящей лошади: уздечка, седло, стремяна. Ростом она была чуть повыше Кати. Она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу, словно хотела сказать: «Ну что вы так долго, я уже устала стоять на одном месте». Её звали Кнопа. Остаток дня Катя и Кнопа провели вместе. После этой встречи все белые лошади для Кати были Кнопами...

Лошади паслись возле ручья. Могучие, сильные и очень красивые. Среди них выделялась одна – снежно-белая, моложе остальных и чуть поменьше ростом. Она не щипала траву, как все остальные, а бегала по поляне, пытаясь догнать большую бабочку,

которая то садилась ей на нос, то перелетала на какой-нибудь цветок.

Катя подбежала к лошадям и замерла. Те посмотрели на неё и убедившись в том, что опасности она не представляет, снова принялись за еду. Белая лошадь подошла и наклонила свою голову, на которую в очередной раз уселась бабочка, понюхала девочку.

– Здравствуй, – прошептала Катя.

Лошадь в ответ кивнула головой.

– Можно я тебя поглажу? – девочка подняла руку и опустила на шею лошади. Та снова кивнула.

– Как тебя зовут? – спросила девочка.

– Лошадь, – ответила лошадь.

– А можно я буду называть тебя Кнопа? – снова задала вопрос Катя.

Лошадь задумалась, немного удивившись, и сказала:

– Хорошо, зови меня Кнопой.

Тут подбежала запыхавшаяся Сонька:

– Привет, Лошадь.

– Привет, Пушистая. Что-то тебя долго не было видно.

– Да так, дела, – ответила кошка и разлеглась на траве.

– Давайте покатаемся, – как-то нерешительно предложила Катя, все еще глядя лошадь по гриве. Она уже давно мысленно скакала на этой чудесной, белой лошади по волшебному лесу в своем заме-

чательном костюме. И теперь она, затаив дыхание, ждала, что ей ответят.

– Давайте покатаемся, – ответила Кнопка все также спокойно и согнула передние ноги, подставив девочке свою спину. Та, пытая и карабкаясь с большим трудом, наконец-то залезла на лошадь. Сонька, вскочив с земли, вся взъерошилась.

– Ты что это надумала? Нам домой пора, а ты тут кататься вздумала.

– Я немножечко, ты, если хочешь, оставайся, а я быстренько прокачусь и приеду назад.

– Ага. Свалишься где-нибудь по дороге, сломаешь что-нибудь, а я потом перед кем-то отвечай за тебя, – размышляя про себя и делая круги по траве, ворчала Сонька. Но, потом, решив она одним прыжком очутилась на спине у лошади.

– Ну, чего ждем? Поехали, – сказала она, растопырив передние лапы.

Сонька любила кататься. К этому ее приучила девочка, еще когда та была котенком. Катя укладывала ее в кукольную коляску спать, возила по всей квартире, качая и приговаривая: «У, ты, моя миленькая девочка, сейчас я тебе песенку спою». А та, словно маленький, но почему-то усатый ребенок взирала на всех из-под одеяла. Но иногда Кате казалось, что она слишком медленно качает свою ляльку и поэтому её киска не может уснуть. Тогда девочка прибавляла шаг и начинала резко раскачивать коляску. Со стороны казалось, что ещё совсем чуть-чуть и кошка вылетит из коляски. Но та, из-за своей кошачьей упертости, ни в какую не хотела покидать это средство передвижения. Вцепившись когтями в обивку, она то подымалась вверх, имея все шансы оказаться за бортом, то опускалась вниз с риском вытряхнуть все внутренности.

Так и сейчас она устроилась поудобней, вцепившись в Катину платье. Лошадь медленно встала и сделала круг, оценивая свою ношу. Она их совсем не чувствовала, настолько она была сильной и молодой. Лошадь прибавила шаг, потом еще и еще. А Катя, сделав из своего пояса уздечку, дергала за нее и кричала.

– Быстреей, быстреей, – Кнопка перешла на галоп. – Быстреей, – кричала Катя на весь лес. Они неслись так быстро, что птицы, летевшие рядом, не успевали за ними и, отставая, садились на ветки деревьев. Кнопка скакала, обгоняя ветер и птиц, пока лес во круг не стал меняться. Уже не было видно могучих дубов и прозрачной реки. Все чаще стали попадаться колючие кусты и репейники. Сосны и ели постепенно вытесняли остальные деревья.

– Все, здесь граница леса, – сказала лошадь и остановилась – Давайте передохнем и отправимся назад.

– Вы заметили, что стало намного темнее, – озираясь по сторонам, встревожилась Сонька.

– А что там, дальше? – спросила Катя.

– Там вечная ночь, владение злой колдуньи Карголги.

– Кар чего? – переспросила Катя.

– Карголги. Я про нее мало знаю, только, что она плохая и её замок находится в самом центре болота, в стране вечной тьмы. И нам вряд ли стоит забираться дальше.

Сонька спрыгнула и осмотрелась. Ей еще никогда не приходилось заходить так далеко. Катя последовала её примеру. Но спрыгнув с лошади, она так и осталась стоять в позе наездника.

– Боже мой, что со мной? Как будто меня весь день били резиновой дубинкой по попе.

– Мр – р, – это пройдет. У тебя в детстве, наверное, была плохая няня, – сказала Сонька, вспомнив свои злоключения в кукольной коляске. – Ничего, недельку покатаешься, и будешь выглядеть как я, – и она прошла мимо нее, подняв вверх распушившийся хвост, словно огромный веер, какие бывают во дворцах восточных правителей. Весь кошачий вид показывал, что эти скачки совсем не принесли ей вреда.

Катя уставилась на Соньку:

– Как ты? С усами и хвостом! Нет уж! Спасибо! Я лучше останусь собой, и пусть у меня все болит, – улыбнулась Катя.

– Глупая девочка, я совсем не то имела в виду. – фыркнула Сонька.

– Это все потому, что на Кнопке нет седла. В следующий раз, когда поедем кататься, надо что-то постелить. Хорошо бы посидеть на чем-нибудь. – Катя огляделась по сторонам. Невдалеке росло большое дерево, а рядом из земли торчал пенёк, из которого росли молодые зелёные веточки. – Вот здесь я и отдохну. – она направилась к пеньку переваливаясь, как моряк после долгого плавания. Но только Катя уселась на него, как ветки зашевелились и обхватили ее со всех сторон. А пенёк постепенно стал расти и превращаться в человека, или на что-то похожее. Так как вместо носа у него торчал сук, кожа была из коры, вместо пальцев торчали сучки. Ступни его ног походили на толстые корни деревьев и, казалось, глубоко уходили в землю. Он схватил девочку, поднялся и потащил ее к дереву.

– На помощь! – закричала она, пытаясь освободиться от этого чудовища. Но оно, добравшись до дерева, свободной рукой прикоснулся к стволу, и в этот миг кора раздвинулась и появился вход с лестницей, ведущей глубоко под землю.

– Стой, отпусти! – крикнула Кнопка и ухватилась зубами за Катину платье. В это время Соня наносила удары по Чудовищу своими острыми когтями-кинжалами. Она так разошлась, что щепки полетели от него во все стороны. Чудовище взвыло от боли и выпустило девочку и схватив обидчицу за шиворот. Хотя кошка извивалась, как могла, но освободиться от этого ходячего пня не могла. Катя выхватила свой меч и замахнулась, но чудовище закрылось рукой от удара. Раздался треск дерева, и рука незнакомца упала на землю. Катя опешила, она ожидала увидеть море крови, вытекающий из отрубленной руки, как в ужасниках, но перед ней лежала обычная сухая ветка. Катя кинулась за чудовищем, но было уже позд-

но. Вход, так неожиданно открывшийся в дереве, так же неожиданно исчез, и перед девочкой стояло обычное дерево, ничем не отличающееся от сотен других.

– Соня, Сонечка, – сдавленным голосом шептала Катя, цепляясь пальцами за кору дерева.

– Это был Леший, слуга Карголки, – печально сказала Кнопа. – Жалко Пушистую, она была такой славной.

– Но зачем он напал на нас? – сквозь слезы спросила Катя.

– Не знаю. Мне в детстве рассказывали о злой колдунье и о её слугах, похищающих путников для своей хозяйки. В замок колдуньи её слуги попадают по подземным туннелям. Лешего я несколько раз видела, а один даже разговаривала. Но он никогда не нападал на меня. Наверное, я для него слишком велика. – Кнопа опустила голову и замолчала.

Вдруг Катя заметила кольцо с большим черным кристаллом, надетое на отрубленную ветку.

«Это, наверно, его кольцо, Лешего», – подумала Катя и сняла кольцо с ветки.

– А где найти эту Карголку?

– Не знаю, но кого уносили больше никогда не видел.

Катя в сердцах швырнула кольцо. Оно ударилось в дерево и отлетело в траву.

Кора на дереве медленно зашевелилась, открывая вход в подземелье. Катя с Кнопой приготовились к драке. Девочка выхватила меч, а лошадь стала бить копытом о землю, пытаясь придать себе более грозный вид. Но ничего не произошло. Из подземелья никто не появлялся, и Катя осторожно заглянула туда. Но кроме лестницы, уходящей вглубь, и темноты она ничего не увидела. В растерянности девочка отошла от дерева.

– Там никого нет.

– Совсем никого? – переспросила Кнопа.

– Совсем, – подтвердила девочка, о чем-то на мгновение задумавшись. Догадка озарила её огорченное личико.

– Я поняла! – она опустилась на землю и стала шарить руками по траве. – Вот оно! – Катя поднялась, держа в руке кольцо.

В это время кора на дереве зашевелилась, словно живая, и стала затягиваться, закрывая вход в подземелье. Катя приложила кольцо и вход вновь начал открываться.

– Я пойду туда и спасу свою Соню.

– Подожди, как ты пойдешь? Ты не знаешь куда идти, у тебя даже нечем осветить дорогу, а ведь там вечная ночь. Даже солнце не желает появляться в тех местах.

– Ты совершенно права, Кнопа, я вернусь домой и наберу разных вещей. Кто знает, какие у них тайные желания, и как они поведут себя в этом мире? Мало ли что может пригодиться мне.

Катя села на лошадь, и они помчались обратно. Кнопа неслась, как ветер. Она понимала, что каждая минута, проведенная Соней в темном царстве, может стоить той жизни...

Глава III

Аня лежала на родительской кровати и мечтала. У неё сегодня было отличное настроение. Другого быть просто не могло. Подумать только: целую неделю никаких уроков и домашних заданий, а главное, она хоть выспится. Аня потянулась и, улыбаясь, прошептала: «Каникулы». Она долго бы еще лежала, мечтая обо всех прелестях свободной жизни, не отвлеки ее шум, раздавшийся под кроватью. «Соня», – подумала она и свесила голову с кровати, готовая схватить кошку, как только та покажется наружу. Но к ее удивлению появилась совсем не Соня, а ее младшая сестра. Вся чумазая и всклокоченная.

– Катя, ты, что там делала? Я думала ты с мамой в больнице.

– Я? – Катя запнулась. – Играла, – она не хотела рассказывать сестре про волшебную страну. Все равно не поверит.

– А Соня тоже там? Вы вместе там были? – и Аня заглянула под кровать. – Кис, кис, кис.

Тут Катя не выдержала и заплакала. Она начала рассказывать сестре о том, что случилось с ней за последнее время. О волшебной стране, о Кнопе, о вещах, которые, попадая в эту страну, меняли свой характер и внешность и, конечно, о страшном Лешем, утащившем Соньку.

Аня смотрела на сестру и, улыбаясь, думала: «Вот врет, ей бы книжки писать». Но вслух свои мысли не произнесла. Ей было интересно, как же закончит свою немыслимую историю сестра, которая в это время с бешеной скоростью носилась по квартире, скидывая в старую сумку разные вещи.

Катя достала коробочки, которых у неё было очень много и побежала на кухню. Там она насыпала гречку, кукурузу, муку и горох. Аня, еле сдерживая смех, спросила:

- И как же это может тебе помочь?
- Потом увидишь, лучше возьми что-нибудь.
- Что?
- Да что хочешь.

На глаза Ане попался плащ-дождевик.

– Накидка от дождя подойдет?

Катя задумалась.

– Думаю, да. Там видно будет, что пригодится, а что нет. – Она озабоченно перебирала свои игрушки, что-то закидывая в сумку, а что-то складывая обратно.

- «Там царь Кощей над златом чахнет...»
- Что? – очнулась от своих мыслей Катя.
- Пушкин. «Руслан и Людмила». Стихи.

Катя внимательно посмотрела на сестру.

– Пойдем, – и она направилась в спальню. – О, какая я бестолковая! Они же не откроются. И во всем виновата ты, – Катя зло взглянула на Аню, которая изумленно смотрела на сестру. Немой вопрос, который был просто написан на лице сестры, требовал немедленного ответа. Катя удрученно выдохнула:

– Ворота открываются только тогда, когда в доме нет посторонних, а ты посторонняя, – печально произнесла Катя. – Кольцо! – она достала его из кармана. – Я совсем про него забыла. Может поможет? Странно, оно совсем не изменилось.

Кольцо по-прежнему излучало черный свет, и окружающие предметы не отражались в нем, а как бы тонули в его черном зеркале.

Аня, увидев кольцо, нахмурилась и строго спросила:

– Ты где его взяла?

– У Лешего, – буркнула Катя, заползая под кровать. – Есть! Лезь сюда!

Постояв в нерешительности, она встала на четвереньки и полезла следом за сестрой, смущенно хихикая:

– Не верю тому, что происходит. Что же я делаю? Да ничего особенного. Просто иду под кроватью родителей какую-то волшебную страну, потому что фантазерка-сестра сказала, что именно там она и находится. Как же я дала уговорить себя? Хорошо хоть никто не видит. В школе узнают – засмеют.

– Будешь спускаться – осторожней, не свались! – услышала. Что-то светлое было впереди. Она поползла туда, только и успев подумать: «Не свались. Куда не свались?», как полетела вниз, пока не уткнулась головой в колени сестры.

* * *

– Я предупреждала, – раздался Катин голос.

Аня подняла глаза и остолбенела. Она не могла поверить тому, что видела.

– Катя, какая ты красивая!

– Ну, ты тоже ничего выглядишь.

Аня посмотрела на себя. На ней были высокие сапоги, плотно прилегающие к ногам. Белая обтягивающая блузка и короткая юбка, собирающаяся в складки. На поясе красовалась пряжка в виде сердечка, а синий воротник заканчивался большим красным бантом. На руках, почти до локтя, были надеты белые перчатки.

– Сейлормун! – хихикнула Катя.

– Да причем здесь Сейлормун? – смутилась Аня. – Просто мне нравятся этот наряд. Наверное..

– Вы так и будете любоваться собой или все же мы поедем? – выходя из-за дерева, спросила Кнопа.

Аня испуганно отпрыгнула в сторону.

– Ты кто?

– А ты сама-то как думаешь? – Кнопа наклонила голову набок, с интересом разглядывая девочку, которая никак не могла прийти в себя.

– А ты, наверное, Кнопа? – пробормотала Аня, все еще пытаясь найти разумное объяснение происходящему. – Нет! Нет! Это невозможно! Сказки бывают только в книжках, – понемногу начиная сомневаться, разговаривала сама с собой Аня. – И сказки пишут для маленьких детей, – добавила она. – Я туда попасть никак не могу, и никакая лошадь со мной говорить тоже не может. Значит, я сплю. Сейчас проснусь дома, в своей кровати, за окном поздняя осень, а совсем не лето, и у меня каникулы, целую неделю я буду отдыхать. Вот так! – успокоилась, наконец, Аня и, раскинув руки, закрыла глаза. – Ай! – Катя уцепилась сестру за руку.

– Просыпайся уже. Соня в опасности.

Поняв, что все, что сейчас творится с ней, все-таки не сон, Аня решила подчиниться сестре, хоть та и младше. Как бы там ни было, а Катя здесь уже побывала и знает об этом месте больше нее.

Они сели на лошадь, соорудив подобие седла из плаща, который взяла Аня, и Кнопа понесла их к границам волшебного леса.

Глава IV

– Никогда бы не подумала, что старая хозяйственная сумка мечтает быть спортивным кожаным рюкзачком, – сказала Катя, остановившись возле знакомого дерева и снимая с плеча сумку. Усевшись на траву, она расстелила плащ и стала аккуратно раскладывать на нем вещи, доставая их из сумки. Но это занятие ей быстро наскучило, и она резким

движением вытряхнула все содержимое рюкзака. Образовавшаяся кучка была раза в три больше рюкзака. Аня удивленно прошептала:

– Интересно, а я туда поместилась бы?

Катя взглянула на Аню.

– Ага. И не только ты, еще и мы с Кнопой, – то ли шутя, то ли всерьез ответила она, перебирая свои вещи.

– Смотри, – открыв коробочку с мукой, Катя достала оттуда щепотку и бросила на землю. В том месте, где мука коснулась земли, стал подниматься густой белый туман. Девочка протянула руку вперед, в туман, и не увидев своих пальцев, настолько тот был плотным., разогнала го рукой – Та-ак, понятно, пригодится.

Достав кукурузу, она взяла одно зернышко и бросила в кусты. Через мгновение раздался взрыв, и большое дерево, стоявшее рядом, опасно наклонилось.

– Ничего себе попкорн! – пробормотала Катя. – Это лучше ты понесешь, я тебе больше доверяю, – и она с опаской передала коробку сестре. – А здесь у нас что? – открывая коробку с горохом.

– Фу-у, только не это, – закрыла нос рукой Аня.

– Понятно, это тоже тебе доверю, а то уроню ненароком, я ведь маленькая ещё. А, вот что нам сейчас нужно! – и Катя извлекла из кучи игрушечную лампу, которую на Новый Год она нашла в киндер-призе.

Собрав обратно все вещи, девочка достала кольцо.

– Ну, готовы? – она прикоснулась кольцом к дереву. Кора разошлась, образовался проход, и показалась лестница, уходящая в темноту.

Девочки шагнули в подземелье.

– Как тут сыро и темно, – поежилась Аня.

– Сейчас, – Катя включила лампу.

Подземелье сразу осветилось голубоватым светом.

– Я надену плащ, что-то мне зябко здесь. – Аня накинула себе на плечи дождевик.

– Аня, что с тобой? – с ужасом вскрикнула Катя.

На неё смотрела голова сестры, удивленно моргающая глазами. Ужас заключался в том, что кроме головы больше ничего не было! Голова наклонилась, посмотрела на то место, где должны были быть ее ноги, хихикала и спросила:

– А теперь как я выгляжу? – и голова тоже исчезла. – Ну, что молчишь?

Катя была в состоянии, близком к панике. Но через мгновение появилась Аня, вся целиком, держа в руках плащ. Она потрогала сестру, ущипнула её, чтобы удостовериться, что та настоящая:

– Живая. А плащ-то, похоже, невидимка.

– Это я его решила взять, – похвасталась Аня.

– Да ладно тебе, пойдем дальше, – Катя пошла дальше по коридору. – Как маленькая, – фыркнув напоследок.

Подземелье было очень старым, выложенное аркой из серых камней. Сверху, пробив себе дорогу сквозь каменный потолок, свисали корни деревьев. Стены были покрыты мхом и какой-то плесенью, кое-где просачивалась вода, но не скапливалась на полу, а исчезала непонятно куда.

Девчонки шли и шли по этому старому туннелю, пока не наткнулись на лестницу, ведущую вверх. Они начали подъем, но, оказавшись наверху, утонули в совершенно гладкую каменную стену, без малейших признаков какой-либо двери.

– Что теперь? – Аня посмотрела на сестру.

Катя молча достала кольцо и прикоснулась им к стене. В стене образовался проем, через который они увидели ночное небо и огромную яркую луну.

* * *

Сестры вышли из подземелья и оглянулись во круг. Кругом стояли высохшие деревья, искореженные странным образом. На фоне луны их можно было принять за чудищ, застывших в своих нелепых позах в ожидании путников, забывших об осторожности и бдительности. В некоторых местах, между деревьями, росли камыши, откуда доносилось кваканье лягушек. Под ногами что-то булькало.

– Болото, – пробормотала Катя и попятилась назад. – Как бы не увязнуть.

– Смотри, – прошептала Аня.

В ярком свете луны черным зловещим силуэтом вырисовывался замок. Аня, отломив от дерева ветку, принялась нащупывать ею дорогу.

– Кать, посвети сюда, тут что-то твердое. Это тропинка и по-моему, она ведет к замку.

...Тропинка становилась все шире и шире. И вскоре она превратилась в широкую дорогу, выложенную черным булыжником. Заканчивалась она у самых ворот замка.

– Погаси свет, а то нас увидят из замка, – прошептала Аня.

Катя выключила лампу, и все вокруг погрузилось в темноту. Только луна, освещавшая замок, указывала направление. Подойдя поближе, они смогли рассмотреть замок. Казалось, он стоял на болоте, лишь узкая полоска чистой воды отделяла крепостные стены от подернутого тиной болота. Высокие крепостные стены с их грозными зубцами загораживали от взгляда все внутренние постройки, и только смотровая башня, как одинокий вечный часовой, охраняющий

свои владения, возвышалась надо всей крепостью. Вход в замок был один. Во всяком случае, так казалось. И дорога, которая вела к воротам, была прямо перед ними.

– Надо сойти с дороги, – сказала Аня и сделала несколько шагов в сторону. Земля под ногами заколыхалась, и ноги оказались в воде. – Дальше нельзя, болото затянется, – прошептала она.

Осторожно, стараясь производить как можно меньше шума, сестры двинулись вдоль дороги к замку. Подойдя совсем близко, они выглянули из-за большого валуна. Два стражника охраняли вход в крепость. Это была необычная охрана. Нельзя сказать, что они были страшными, просто девочки никогда таких не видели. Фигурой они походили на людей, но во всем остальном...

...Одежда, надетая на них, больше напоминала лохмотья, перехваченные веревкой на талии. Материал, из которого была сделан их наряд, был очень грубым и распускался, поэтому одежда стражников мало была похожа на одежду воинов. Потом, когда девочки уже пробрались в замок, они узнали, что

эти платья были связаны или сплетены из высушенной тины и водорослей. Их ноги покрывала чешуя, а пальцы между собой были соединены перепонками. Волосы, или что-то похожее на них, торчали во все стороны и от грязи походили на проволоку. В ушах, которые были большие, остроконечные, высывались из волос, висело по серьге.

Наверное, они устали ходить туда-сюда и сели прямо на дорогу. Хотя эти два существа и были похожи друг на друга, но при ближайшем рассмотрении все же сильно различались. Та, что сидела поближе к девочкам, была худощавой с толстой цепью на шее и медальоном в виде рыбы. Её горбатый нос, свисавший почти до подбородка, был «украшен» черной большущей бородавкой, из которой росли волосы. Вторая «дамочка», наоборот, была очень толстой, с лягушкой на шее и большим носом, сильно смахивал на картошку, прилепленным в самом центре лица. У этой особы тоже была бородавка, но росла она на щеке, видимо здесь тоже была своя мода. К тому же, у одной из них в волосах торчала водяная лилия, а другую украшали купавки. Их мечи лежали рядом с ними, на дороге, а сами они играли в карты.

– Ты, бестолочь болотная, кто бьет козырного короля бубновой десяткой?

– Речная, – поправила её подружка. – Это у тебя память отшибло, козыри-то буби.

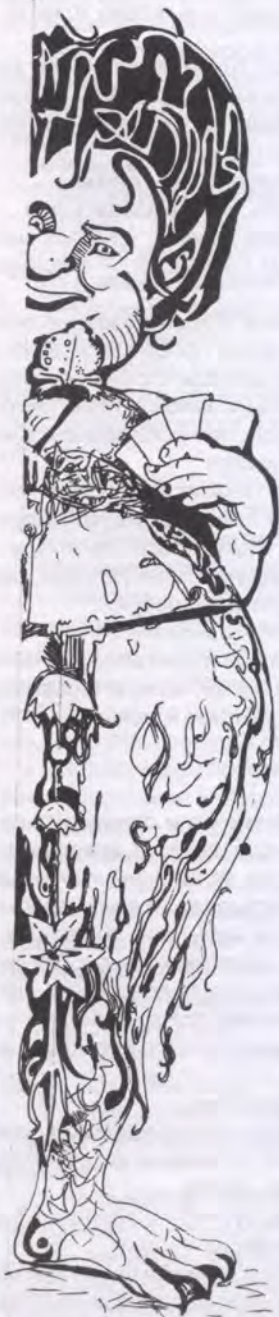
– Нет, крести.

– Нет, буби.

И, разозлившись, они бросили карты, схватив друг друга за волосы, покатались по мостовой.

– Ну, все, хватит. Мне надоело, – сказала болотная, отпихнув от себя речную. – Ты всегда меня обманываешь.

– Да, а кто вчера мою рыбку сожрал? А? – прогнусавила речная кикимора.

– Разве это была рыбка? Тыфу, одно название, тем более она меня так жалобно упрасивала.

– Как это? – удивилась речная кикимора.

– Съешь, говорит, ты меня, уважаемая болотная кикимора, а то подруга твоя совсем жевать не умеет, плавай потом непрожеванной в её желудке.

– Это кто не умеет? Это я не умеет? – возмутилась речная.

И они опять, сцепившись, начали тузить друг друга. Аня взяла сестру за руку и прошептала:

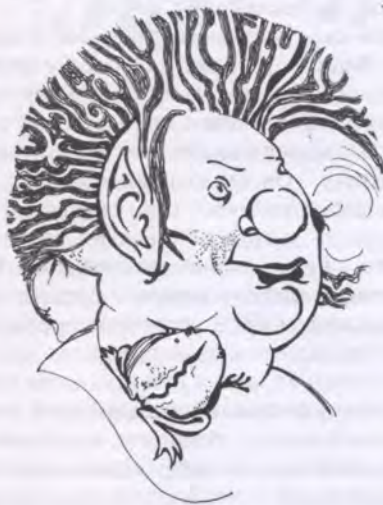
– Я что-то придумала? – и, надев плащ, исчезла.

Кикиморы, немного успокоившись, стояли друг против друга, вспоминая старые обиды. Они были так увлечены перебранкой, что не заметили, как возле их ног, подпрыгивая, покатились пара горошин. Первая кикимора заводила носом.

– Слушай, я знаю, что болотные кикиморы отличаются не очень приятным запахом, но не до такой же степени. Ты что сегодня ела на обед? – последнюю фразу она прокричала с зажатым носом.

Болотная кикимора, раздув ноздри и набрав полные легкие воздуха, завопила:

– Это не мое, это не я, – и тоже прикрыла нос ладошкой.

– Я здесь больше находиться не могу. Сейчас же все расскажу хозяйке.

– Я не поняла, сама напакостила, а на меня спи-раешь, – заорала вторая, уткнув руки в бока, но, задохнувшись, сразу зажала нос рукой. – Я первая расскажу про тебя, – и они наперегонки бросились к калитке. Но так как каждая стремилась быть первой, а двери были узкие, естественно, что они в них застряли.

– Отстань от меня, вонючка.

– У – у, скунс проклятый.

Шипели они, отворачиваясь, друг от друга. Наконец-то протолкнувшись, они повалились на землю, вскочив, задыхаясь от отвратительного запаха, бросились в замок.

– Пошли, – перед глазами Кати возникла Анина голова. Та, отшатнувшись, чуть не закричав.

– Ты больше меня так не пугай. Или снимай накидку полностью, или не показывайся вовсе, – прошипела она.

– Я им горох за шиворот насыпала, – снимая плащ, засмеялась Аня.

Выбравшись на дорогу, девочки направились к воротам.

– Да, хорошее оружие, – сказала Катя, закрывая нос ладошкой. – Даже так не спасает.

– А главное безотказное. Надо бежать за кикиморами, они приведут нас к колдунье, – потащила за собой сестру Аня.

Пройдя сквозь ворота, никем не замеченные, сестры очутились на дороге, ведущей вдоль стен и охватывающей замок со всех сторон. Недалеко от главного входа кикиморы барахтались в пыли, награждая друг друга тумаками.

– Все равно я доберусь быстрее.

– Зато я первой доложу.

Девочки огляделись, чтобы их никто не заметил, бросились за ними. Осторожно следуя за кикиморами, сестры то поднимались по каменным лестницам, то пересекали огромные залы, освещенные факелами. На их счастье в это время был обед или отдых, и все обитатели замка разошлись по своим комнатам. Когда же они теряли кикимор из виду, то запах точно указывал им путь. Наконец, девочки очутились в большом тронном зале, таком же мрачном, как и весь замок. Свет от факелов, висевших на стенах, освещал трон, стоящий в центре зала и украшенный черепами невиданных зверей. Тень, отбрасываемая тронном, предавала ему еще более зловещий вид. Голоса и запах подсказали им, что надо обойти трон. За ним виднелась потайная дверь, из-за которой доносился чей-то голос.

– Ах вы, мерзкие твари. Бросили охрану замка, и пришли сюда вонять? Вон отсюда! Или я из вас сделаю рыбные палочки себе на ужин.

Перепуганные насмерть кикиморы выскочили с такой скоростью, что проскочили мимо девочек, даже не заметив их.

– Нет, я этого так не оставлю. Я накажу этих тварей, чтоб другим неповадно было. – И в дверном проеме показалась Карголга. Девочки сразу узнали ее, хотя раньше никогда ее не видели. Это была высокая, стройная женщина лет сорока. Одета она была в черное длинное платье с большим, торчащим вверх воротником и широкими складками внизу. Лицо у нее было привлекательное, даже красивое, если бы не ее взгляд. Колючий, жесткий, от которого мурашки начинают бегать по спине, и хочется спрятаться в самом дальнем углу зала. Она держалась с таким достоинством, что, увидев ее, на ум приходило только одно слово «хозяйка». В руках у нее был деревянный посох с головой змеи. Девочки стояли, укрывшись плащом, онемевшие от страха и не смеющие пошевелиться. Колдунья, пройдя половину зала, остановилась, обвела вокруг взглядом и, поморщившись, что-то пробормотала, ударив жезлом об пол. Легкий ветерок, взявшийся ниоткуда, облетел зал, раздувая шторы и, качнув пламя факелов, устремился в открытое окно, унося за собой противный запах. Колдунья развернулась и пошла к выходу. Когда она скрылась, девочки сбросили с себя накидку.

– Какая страшная, мне казалось, что она вот-вот

нас заметит, и от этого захотелось превратиться в пылинку на этом каменном полу, – сказала Катя, вся дрожа.

– Пойдем, посмотрим. – Аня потянула сестру к открытой двери.

Это была комната, вся уставленная шкафами вдоль стен. На каждой полке стояли стеклянные банки, заполненные корешками, травами, разной жидкостью. В самом центре комнаты висел на толстой цепи большой котел, под которым горел огонь.

– Ну, где вы были? Сколько вас можно ждать? – девочки оглянулись. В углу на железной цепи сидела Сонька, а на ошейнике у нее висел замок. – Мне тут не нравится. Они совсем не умеют обращаться с леги, – и она, вытянув шею, задней лапой почесала ее. – Из-за этого отвратительного ошейника я даже умыться нормально не могу. Сижу, как собака, на цепи, – ворчала она, и добавила шепотом, – а еще меня грозилась сварить, какой ужас. Вы только представьте: я и в супе. – Девочки бросились к кошке. Катя полезла в сумку, пытаясь найти, чем можно открыть замок. – Ну-у, быстрее, – протянула Сонька, – у меня такое чувство, что я уже варюсь в этом котле.

– Может это подойдет? – Аня достала ключ от квартиры, висевший у нее на шее.

– Дай-ка. – Катя взяла ключ. – Не. У него форма другая. Видишь, он даже в скважину не лезет, – и она поднесла ключ к замку, показывая сестре. Но ключ вдруг стал мягким и, приняв форму отверстия, с легкостью вошел в замок. Катя, перепугавшись, отдернула руку. – Он, как желатиновый, стал, – сказала она, пытаясь стряхнуть с руки ощущение липкости ключа.

– Это у него желания исполняются. Теперь он любой замок открыть может, – прошептала Аня и повернула ключ. Тот, с легкостью провернувшись, открыл замок.

– Наконец-то, а то я думала с этим ожерельем не расстанусь до самых последних дней, – разминая шею сказала кошка, – пойдете, чего стоять, больше спасать некого, – и Сонька, подняв хвост, направилась к выходу.

Девочки стояли и растерянно смотрели друг на друга.

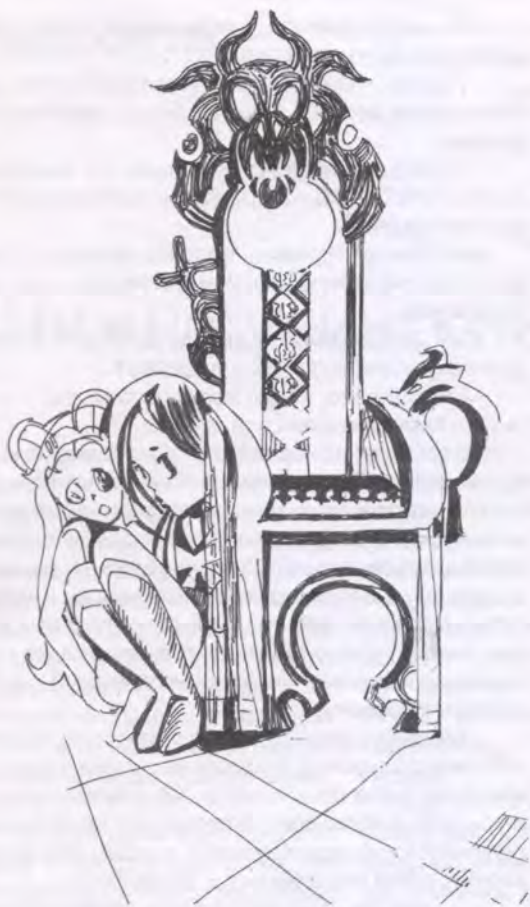
– Хоть бы спасибо сказала.

– Ага, – и Катя пнула воздух, представляя, с каким наслаждением она наподдала бы этой неблагодарной заднице.

Они вышли из комнаты, еще не зная, как доберутся обратно. Сонька первая услышала шум и с криком: «бежим», шмыгнула за трон. Девочки, не поняв, что случилось, бросились за ней. И только они спрятались, как появилась Карголга. Пройдя мимо них, она остановилась, еще раз огляделась и так же решительно пошла дальше в комнату. Когда дверь закрылась, девочки со всех ног устремились к выходу. Уже на пороге до них донесся крик:

– Стража! Ко мне! Немедленно найти эту блохастую кошку.

Услышав это, Сонька припустила еще быстрее,

обгоняя девочек, забормотала под нос: «Если у меня и есть блохи, только от тебя».

И сразу из всех дверей стали появляться лешие, кикиморы и прочая нечисть. В руках они держали ножи, топоры, секиры. Увидев беглецов, бросились за ними.

– Мы не успеем, они нас догонят, – на ходу крикнула Аня.

Катя, пошарив за поясом, вытащила коробку с мукой и бросила ее позади себя. С земли поднялся плотный туман, окутавший преследователей.

– Успеем, – задыхаясь, выдавила из себя Катя. Сзади послышались крики и лязг оружия.

– Они дерутся! В этом тумане они дерутся друг с другом! – радостно прокричала Аня.

Когда до крепостных стен оставалось совсем немного, Катя схватила сестру за руку.

– Ворота! Они закрываются.

– Ложись. – Аня взмахнула рукой и тут же потянула сестру к земле.

Раздался взрыв, и облако пыли и мелких камней засыпали всю площадь. Ворота с грохотом рухнули на землю.

– Ш-ш-ш! – зашипела Соня и изогнулась.

– Не бойся, это попкорн, – сказала Аня, стряхивая с себя пыль.

Как только беглецы перешагнули через крепостную стену, сверху раздался крик.

– Эй, сюда, они здесь!

Девочки посмотрели наверх. Там, на двух шестах, раздуваясь от ветра, словно флаги, висели две кикиморы. Сонька, понюхав воздух, поморщившись, уткнула нос в свою пушистую шубу.

– Да-а, – протянула Аня, – еще не проветрились. Переборщила немножко, – и, улыбнувшись, она положила посреди дороги коробочку с кукурузными зернами. – Сюрприз-из! – и они дружно помчались по дороге.

Не успели беглецы добежать до дерева, когда сзади прогремел взрыв, и взрывная волна, подняв их в воздух, бросила их прямо в болото.

– Противная девчонка! Ты посмотри, что сделала с моей шубой, – вылезая из болота, простонала Сонька. Девочки обернулись и дружно засмеялись. Сонька походила на жалкую, облешую кошку, с которой свисали куски тины. – Нашли над кем смеяться, на себя посмотрите, – сестры обернулись и захохотали еще громче, рассматривая друг друга. Вся одежда, волосы, лицо было вымазано темно-серой грязью, вперемешку с тинной.

– А что это было? – едва успокоившись, спросила Катя.

– Кто-то из этой толпы, что бежала за нами, запнулся о коробочку, зерна высыпались, и произошел взрыв, – вытирая грязь со лба, ответила Аня. Они посмотрели на замок, и в том месте, где когда-то были ворота, в ярком пламени виднелась гряда кирпичей. – Пойдемте быстрее! Пока они опомнятся, мы уже в волшебном лесу будем.

– Как? Как я появлюсь среди знакомых в таком виде? – ворчала Сонька, шлепая по болоту. Она помнила, что совсем недавно Карголга хотела ее сварить, жарить, но она хотя бы не валяла её в грязи. И поэтому Аня теперь стала врагом номер один. – Ну, что ты, не могла положить чуточку меньше зерен? Одну или две, на худой конец три, – не унималась та. – Ну, не всю же коробку! – вдруг закричала кошка. – Нет, это просто ужас на кого я похожа. И все из-за тебя. У-у-у! – прошипела она, пытаясь погрозить Ане лапой, но чуть снова не упала в болото.

Девочки, не обращая внимания на кошку, продолжали двигаться вперед. Они хотели побыстрее добраться до безопасного места. На сегодня приключений было вполне достаточно. Добравшись до дерева, они спустились в подземелье. И тут Сонька взбунтовалась. Она села на каменный пол и заорала.

– Нет, ни за что. Лучше убейте меня сейчас. Разорвите попкорном на мелкие кусочки, но такой грязной я никому не покажусь, – потом она, подняв голову, уже спокойно добавила. – Вы что хотите, чтобы мною пугали детей? Я никуда в таком виде не пойду, лучше умереть! – сказав это, Сонька завалилась на спину, сложила на груди лапы и приготовилась к смерти.

Девочки устали на кошку, они не знали: плакать им или смеяться. Сегодня был трудный день, и они очень устали и хотели домой. Но и кошку им

тоже было жалко. Катя, пошарив в рюкзаке, достала шприц.

– Сейчас, – как заправская медсестра, подняла шприц вверх и тихонько нажала на него. Из шприца вырвалась струйка воды. Ударившись о потолок, потоком окатила девочек с головы до ног, смыв остатки грязи.

– Да, немножко получше стало, – рассмеялась Сонька и серьезно добавила. – Но все равно не пойду.

Катя молча подняла шприц, как снайпер прицелилась, пальцем указывая сначала на стену, потом плавно переводя на кошку, рассчитывая траекторию рикошета.

– Нет. Только не это! – попятилась кошка назад, но было уже поздно. Катя изо всех сил надавила на шприц. Она, как пожарный, поливала кошку, будто старалась смыть с той всю вредность. А Сонька, распластавшись, словно шкура медведя, прибитая к стене, не могла пошевелиться от напора воды.

– Ну вот, дело сделано, теперь можешь показать знакомым. Ты побегай немножко и высохнешь, – сказала Катя, кладя шприц на место.

– Тем более, что повод есть, – Аня показала рукой на верх.

Корни, до сих пор мирно свисавшие с потолка подземелья, ожили и словно змеи начали подбираться к ним со всех сторон, все ближе и ближе.

– Бежим! – крикнула Катя, и они пустились по туннелю. Сонька, перепугавшись, бежала впереди девочек. А корни уже цеплялись за волосы, руки, стараясь удержать беглецов своими щупальцами. Они были повсюду, пробивались сквозь каменную кладку и вырастая с каждой секундой, тянулись к беглецам. Девочкам приходилось пробираться посреди туннеля склонившись, чтоб корни не достали их.

– Мы не прорвемся, – остановилась Аня. – Они заполнили почти весь проход.

– Ладно, – сказала Катя, усевшись на пол, доставая самое дорогое, что у нее было – жевательную резинку.

– Ну вот, нашла время жеваться, – с ехидством проворчала Сонька. – Это чтобы не расплакаться? Ну дай мне кусочек.

Катя, быстро пожевав, бросила резинку к стене. Но ничего не произошло. Резинка лежала там, куда ее бросили.

– Так. Лишь бы мне не давать, да? А если я сейчас расплачусь, что тогда будешь делать?

– Не сработало, только жвачку испортила, – огорчилась Катя, доставая свой кинжал.

Но тут один из корней случайно задел резинку, и, пытаясь выбраться, попятился назад. Вслед за ним, словно паутина, потянулись резиновые жилы, не отпуская его. Он дернулся в сторону, стараясь освободиться, задевая другие корни. А резинка, словно паук, цеплялась за новые жертвы и уже не отпускала их. И чем сильнее сопротивлялись те, тем больше корней попадало в резиновые сети. Уже через несколько минут весь подземный ход был обвязан кружевами.

– Работает, – радостно танцует, закричала Сонька. – Я сразу догадалась, когда ты вытащила жвачку. Ко мне одна такая прилепилась, так я целый день ее отгрызала. А когда еще нагреется, вот такая же чума получается, – и, повернувшись к стене, она начала корчить рожи и дразниться, – Бе-бе-бе-е.

– У меня такая же фигня была, когда я села на нее в школе, – любуясь этой картиной, сказала Катя. – Ну что, пойдём, а то Кнопка зажалась.

Корни, потеряв всю свою силу, больше не шевелились, они замерли в кружевном рисунке.

– Девчонки, а все-таки здорово мы их сделали, – сказала Аня, обхватив подруг руками и озираясь по сторонам.

* * *

Когда вход в волшебный лес открылся, сразу показалась голова лошади.

– Почему так долго? Я уже стала волноваться.

Здесь по-прежнему был день. Как они соскучились по зеленой траве и синему небу! Девчонки повалились на землю, раскинув в стороны руки.

– А вы что купались? – удивилась Кнопка.

– Душ принимали, – улыбнулась Аня.

– А Соне даже «душ Шарко» перепал, – вставила Катя, поглядывая на кошку.

Та, почувствовав себя в безопасности, уже принялась за свой туалет.

– Ключ! – спохватилась Аня и прижала руку к груди, где еще совсем недавно болтался ключ от квартиры. – Я забыла ключ в замке.

– Ничего, мр-р, достанем, – сказала Сонька, не отрываясь от своего туалета. Девочки переглянулись. А кошка, вспомнив о прошедшем дне, добавила, – потом как-нибудь. И все они дружно рассмеялись.

Нижнетуринский след Петра Якира

Нижняя Тура сравнительно редко привлекает внимание историков. Вроде бы все известно: основана в 1754 году; революция, Гражданская война, репрессии, и т.д. и т.п., – как и везде. Но, оказывается, не так все просто. За 250 лет своего существования Нижняя Тура оставила не один десяток следов в большой истории. Правда, искать эти следы – дело непростое.

Тот, о котором идет речь сегодня – найден случайно, но случай этот – словно гром среди ясного неба.

Началось с того, что на одной из международных конференций мне удалось познакомиться с английским историком-любителем Томасом Уайтом. Узнав, что я занимаюсь историей Нижней Туры, он сказал, что вышлет мне книгу, которая несомненно будет для меня интересна.

Эта книга – «A Childhood in Prison» («Детство в тюрьме») – вышла в Лондоне в 1972 г. Ее автор – Петр Ионович Якир. Одна из глав книги так и называется – «Нижняя Тура». Ценность «локального» исторического открытия заключается в том, что о нашем городе, а тем более о нижнетуринской тюрьме, оставлено не так уж много свидетельств. Ранее были известны только воспоминания И.А. Камшилова «Николаевская (Нижнетуринская) тюрьма: ее режим и эпизоды» (изданы в Н. Тагиле в 1925 году).

Итак, я начал поиск сведений о Петре Якире. Он привел меня

к знакомству с его зятем – Юлием Кимом, известным поэтом и бардом. Между нами состоялся телефонный разговор, в результате которого Юлий Черсанович, как наследник Якира, позволил опубликовать в «Уральском Следопыте» предлагаемый материал – фрагменты из книги Петра Якира, которые я перемежаю сведениями о самом Петре Ионовиче.

«До места назначения пришлось добираться километров семь; вещи наши несли конвоиры. Наконец, мы увидели четырехэтажное здание тюрьмы, прилегающую к ней огромную зону, приблизительно, километра два с одной стороны, очень высокий, метров десять, забор, перед забором двенадцатиметровая запретная зона, вспаханная и прибранная граблями. По верху забора – колючая проволока на специальных кронштейнах, направленная в обе стороны. В середине забора – ворота, маленькая вахта. Это была Нижнетуринская колония строжайшего режима, а рядом с ней находился Нижне-Туринский изолятор». (P. Yakir. A Childhood in Prison. London, 1972. С. 109)

Вообще о Петре Якире, авторе этих строк, помнят немногие, но некогда он был чрезвычайно известен в СССР. Вот, например, как его характеризовала секретная сводка КГБ: «ЯКИР П. И., 1923 года рождения, еврей, беспартийный, младший научный сотрудник Института истории АН СССР, является одним из основных организаторов

Петр Якир

Юлий Ким

Командарм Иона Якир

подстрекательских акций, проводимых под флагом «борьбы с последствиями культа личности». Принимал участие в распространении листовок политически вредного содержания под названием «Гражданское обращение», проводил сбор подписей под письмом детей репрессированных».

“Начальник конвоя зашел на вахту, а мы сели около нее на вещах. Приблизительно через час он возвратился с двумя мужчинами в форме. Один из них был дежурный по колонии, другой – высокого роста с интеллигентным лицом – начальник колонии по фамилии Отто. Начальник сказал нам с Мишей: «Все вещи сдать на склад. Если вас будут обижать, обратитесь через надзирателя ко мне». «Хорошо, гражданин начальник», – ответили мы. И, уже решив уходить, он лично мне задал вопрос: «Отца-то своего помнишь?» – «Помню очень хорошо». (С.110).

Петр Якир родился в Киеве в семье знаменитого красного командира Гражданской войны Ионы Якира. В 1937, когда его отца, командующего Киевским военным округом, расстреляли по известному делу командармов Якира и Уборевича, Петр был выслан вместе с матерью

в Астрахань. Вскоре его мать также попала в лагерь. Через несколько месяцев его арестовали (14-летнего!) и по обвинению в «организации конной банды» направили в колонию для малолетних преступников.

«Прямо перед нами стоял громадный барак – это была столовая. Налево, в углу, отгороженным высоким забором с проволокой, карцер; направо, тоже отгороженный, большой барак – БУР. Сразу за БУРом был склад, куда мы по описи сдали свои вещи. После этого нас повели в баню. Банщик открыл двери в баню и стал выгонять моющихся: «Довольно, хватит, размылись». Банщик их прогнал одеваться, мы с Мишей вошли в баню. Баня была громадная, около сотни кранов, хорошая парилка. Мы начали мыться, залезли в парилку. Банщик позвонил дежурному, а затем отвел нас в столовую. Мы поели и пошли в барак. Барак делился на три секции: две располагались друг против друга в торцах барака, третий вход был посередине, на нем было написано наверху «7/2», то есть седьмой барак, вторая секция». (С.111).

В Нижней Туре Якир оказался после неудачного побега из Верхотурской колонии, где он находился как пересыльный. Это был рубеж 1937-1938 гг. После освобождения из лагерей

в 1942 году, Якир был вновь арестован в 1944-м, а в 1945-м осужден по обвинению в «контрреволюционной пропаганде» и «разглашении государственной тайны» к 8 годам лагерей. Отбывал срок в Красноярском крае, после освобождения работал там в леспромхозе. В 1955 его реабилитировали, и Якир переехал в Москву.

«В Нижне-Туринской колонии было 12 больших барakov по три секции в каждом, в средней секции, как у нас, помещалось 50 человек, а в боковых по 100. Всего в зоне находилось около 3000 человек. Было два женских барака. Кроме того, была рабочая зона, в то время не отгороженная от жилой. В рабочей зоне было два производства: ДОК (деревообрабатывающий комбинат), со всеми процессами работ, и фабрика, изготовлявшая кровати для армии и лагерей. На фабрике имелись кузница, сборочный цех, ремонтно-механический цех. Никакой работы за зоной не было. Работали те, кто хотел. Начальство нас не заставляло носить казенное обмундирование и ходить на работу. Все дело было в том, что в Нижней Туре содержались, в основном, рецидивисты – люди, имеющие больше трех судимостей или же судимость за побег». (С.113-114).

Баня в Нижнетуринской тюрьме

После всех перипетий, Якир закончил Московский историко-архивный институт, защитил диссертацию. Участвовал в составлении сборника «Командарм Якир» (1963), опубликовал там свои воспоминания об отце. В 1965-66 гг. Якир стал одной из центральных фигур в кругу диссидентов. Осенью 1966 г. подписал петицию в Верховный Совет РСФСР с протестом против введения в уголовное законодательство статей, ограничивающих свободу слова и собраний, в 1967 г. стал одним из инициаторов письма в ЦК КПСС с протестом против предполагаемой реабилитации Сталина и организовал сбор подписей. В январе 1968 г. вместе со своим зятем Юлием Кимом написал обращение «К деятелям науки, культуры, искусства», посвященное политическим процессам против инакомыслящих. После ареста Ларисы Богораз в августе 1968 г. Якир стал наиболее известной фигурой в московском правозащитном движении, а его квартира – символом диссидентской Москвы.

«Были, правда, люди, которые сидели с 1918–1919 годов по политическим статьям. Один из них – бывший министр финансов Колчака, которому всегда продлевали срок не более, чем на 5 лет, но не выпускали его. Работал он дневальным в сапожной мастерской. Он был человеком необщительным, со странностями. Например, он получал обед в котелке, приносил его к себе (он жил отдельно), надевал фартук, брал полотенце через руку, разливал еду в тарелки, важно, с поклоном ставил это на стол, затем снимал полотенце с руки, снимал фартук и садился за стол. Пообедав, опять преобразился в лакея и убирал со стола... Жулики думали, что раз он был министром финансов, то у него должно быть скоплено много денег, и в его отсутствие прошмонали всю его комнату, но ничего не нашли. Находился здесь Сергей Степанченко, ка-

жется, бывший губернатор города Пскова, воевавший в войсках Юденича. Бежал несколько раз из плена, потом был арестован за участие в антоновском восстании в 1921 году. Получил срок пять лет и попал в один из первых лагерей СССР – Красную Вишеру, недалеко от Соликамска». (С. 114)

20 мая 1969 Якир вместе с Виктором Красиным объявил о создании Инициативной группы по защите прав человека в СССР – первой открыто действующей независимой гражданской ассоциации – и отправил первое обращение в Комиссию по правам человека ООН; в 1970–1972 гг. подписал почти все, выпущенные ассоциацией, письма и заявления. Его неоднократно вызывали на Лубянку и предупреждали. Впоследствии установили за ним непрерывную слежку. Вопрос об аресте Якира неоднократно обсуждался на заседаниях Политбюро, и 21 июня 1972 Петр Ионович был арестован, осужден Московским городским судом к 3 годам лишения свободы и 3 годам ссылки. Через год Верховный Совет освободил Якира от дальнейшего отбывания ссылки, и он вернулся в столицу. К общественной деятельности более не возвращался. Умер 14 ноября 1982 в Москве в результате несчастного случая. Там же и похоронен.

«Один этаж политизолятора был отведен для эзков, нарушивших режим колонии. Попастъ сюда было самым строгим наказанием. Как и везде, в Нижней Туре существовал карцер, куда сажали на срок от 30 суток до 45; БУР, где держали по три месяца; а затем уже корпус, то есть политизолятор. Эзков наказывали за оскорбление начальства, за игру в карты, за убийства, телесные повреждения, за сожительство. За производственные провинности в карцер не сажали. Когда я познакомился со Степанченко, он уже оправился от одиночки

и, шевеля своими усами, опять рассуждал о побеге. «Пока жив, – говорил он, – буду бежать». В Нижней Туре находилось около тысячи «честных» жуликов. Это было большое количество даже для лагеря. Весь лагерь играл в карты. Сохранились все жульнические законы, которые к этому времени начали извращаться в других лагерях. Словом, жулики жили здесь так, как они хотели. Кроме жульи, в Нижней Туре была довольно большая прослойка физически ненормальных и психически больных людей. Так, было, например, человек десять гермафродитов. Один из них ходил в мужском одеянии и назывался Марьей Ивановной, другой – в женском одеянии, и звали его дядя Катя. Было в Нижней Туре около 50 цыган и цыганок – вечные воры и мошенники. Но так как там и без них было много настоящих жуликов, то они считались жульем второй категории, и им приходилось обманывать друг друга. Остальной контингент был представлен беглецами и лагерными убийцами, многие из которых сидели по первому разу». (С. 116-117).

Воспоминания Петра Якира о Нижней Туре – несомненно, важнейший источник истории города и тюрьмы. До недавнего времени о советском периоде существования тюрьмы (она закрылась в начале 1950-х гг.) свидетельствовал только один «артефакт» – замок с рельефной надписью «Н-Тура. Трудколон.», найденный на территории завода «Вента». (См. «УС» 2004, № – «В застенках уральского Шлиссельбурга-2»). Воспоминания Якира перекликаются с другими данными, что свидетельствует о их исторической точности (еще бы, их ведь писал профессиональный историк!)

Так или иначе, завеса тайн над прошлым Нижней Туры приоткрывается, и воспоминания сына командарма Якира займут свое место в пантеоне нижнетуринской истории.

Старая Верхотурская дорога. По обе ее стороны стоят вековые сосны и ели вперемешку с березами. Сколько перевидали они на своем веку! Первозданная красота этих мест одними из первых удивила людей Тащицева, которым велено было искать краткий путь для удобного сообщения между заводами Екатеринбург, Невьянска, Режа и далее.

Проходили по этим местам и паломники к святым мощам Праведного Симеона Верхотурского в древнюю столицу Урала. Путь был нелегок, на отдых останавливались возле воды. Одним из таких мест была река Адуй, пересекающая дорогу. Что означает ее название, ученые пока не установили. Известно только то, что в начале XIX века на этой реке мыли золото. Местами встречалась и платина. А еще окружали ее торфяные болота. На закате солнца вода в реке казалась красной, что в XX веке послужило поводом для названия нового поселка Красный Адуй.

Автор очерка, руководитель исторического музея школы № 4 г. Верхней Пышмы, А.Г. Килина родилась и выросла в этом поселке, знала многих его жителей, их детей и внуков. В документальном очерке «Горькая планида» она рассказала о судьбе, выпавшей на долю первых жителей. Публикуем одну из глав очерка.

Кабаковская дорога

Следы того страшного времени остались до сих пор. Прежде всего это знаменитая Кабаковская дорога, которая долгие годы служила своеобразным ориентиром в лесу. Слова же «у Кабаковской дороги», на «Кабаковской дороге» были на слуху у красноадуйцев старшего поколения. Эта мрачная лесная просека с небольшим родником наводила на размышления. На вопросы: «Кто такой Кабаков?», «Почему это его дорога?» – отвечать не любили. Можно было услышать: «был такой, ездил на свою дачу, потом его не стало». Слово «арестовали» говорить боялись, да и правды особо никто не знал.

Но тем не менее жизнь одной семьи из поселка круто изменилась после ареста Кабакова*. Вспоминает Минхат Тимербулатович Махмутов: «Мой отец хорошо знал лес, мог выследить любого зверя и птицу, был знаком с близким окружением Кабакова, помогал на охоте. После ареста последнего к отцу пришли и попросились навестить жену и дочь Кабакова. Несчастные ютились в одной из комнат полуразрушенного барака на Пионерском по-

селке. То, что там увидел мой отец, глубоко его потрясло. Из-за этого нашей семье пришлось покинуть обжитое место и переселиться на Медный рудник. Вот чем обернулось знакомство с влиятельным человеком. Оттуда же, с Медного рудника, отец и ушел на фронт. В послевоенном 1947 году, когда семья сильно бедствовала, отец посылал нас с братом пасти коров на Красный Адуй. Стадо там было очень большое, так удалось нам выжить».

14 июня 1937 года был арестован директор Пышминского медэлектrolитного завода Иосиф Александрович Ильин – за связь с троцкистами. Осужден на 15 лет исправительно-трудовых лагерей и плюс еще пять лет проживания с лишением политических прав. Срок он отбывал на лесоповале при подготовке площадки для строительства Норильского комбината. Нужно отметить, что Ильин имел большой опыт в организации работ на лесоповале. О чем он и заявлял властям, находясь на поселении в Дудинке Красноярского края в июле 1954 года.

В заявлении он писал, что, работая на Кыштымском заводе, сам лично участвовал в валке леса. Обеспечивал стопроцентный выход рабочих и членов их семей в выходные и праздничные дни зимой 1934-1935 гг., за что нарком тяжелой промышленности Серго

Орджоникидзе лично дал хорошую оценку снабжению завода дефицитными материалами.

Приступив к работе на ПМЭЗ, Ильин также интересовался тем, как идут дела у лесозаготовителей в поселке Красный Адуй. Часто бывал там, хорошо знал о том, как тяжела работа. Но изменить вряд ли что мог: за громадным планом выработки и сжатыми сроками исполнения работ о человеке думали мало, что, в конечном счете, и обернулось против него.

В следственном деле репрессированного директора ПМЭЗ под грифом «секретно» имеется докладная записка в Свердловский обком ВКП(б). Суть ее в следующем: «Пышминский электролитный завод по ряду основных показателей в 1936 году работал хуже, чем в 1935, по причине бездеятельности И.А. Ильина. Недоработка идет по всем основным показателям. Стахановское движение формально. Велика текучесть рабочей силы. Принято 918 чел. Уволено 660 человек. Жилищные условия ужасны, бараки к зиме подготовлены неудовлетворительно. В большинстве случаев их заливают дожди, всюду клопы, грязь. Рабочие возят дрова за 3 километра на тачках». (От себя хочу добавить, что и такого жилья не хватало. Люди не думали об удобствах. Не горячий душ ждал их после работы, а холодные капли дождя с потолка.)

* И.Д. Кабаков, советский государственный и партийный деятель. В 1929-34 гг. – первый секретарь Уральского, а затем Свердловского обкома ВКП(б). Был репрессирован и реабилитирован посмертно.

Далекое-длинное

РЕКА ВРЕМЕНИ

Далее в записке упоминаются Красные уголки, которые были заселены. Нет газет, книг, мебели, отсутствуют портреты Сталина, антирелигиозная работа не ведется.

А тут еще доносы, аресты, слезы... Не обошел этот страшный год и Красный Аду. Горе пришло в семье Третьяковых, Кислицыных, Галкиных.

Особо трагична судьба дважды репрессированного Даниила Никифоровича Галкина. Отбыв свой первый срок на Беломорском канале, он устроился десятником на лесоразработки. Все вроде бы в семье стало налаживаться. Главным было то, что все снова собрались вместе. Но так было недолго.

Поблизости жил и работал под руководством Д.Н. Галкина молодой парень Иван Елькин с очень своеобразным характером. Ожидать от него можно было всего. Мог он заявиться в местный магазин, облюбовать понравившийся товар и сказать: «Мое будет». С товаром же тогда было плохо, распределялся он между жителями поселка особой комиссией, куда входили Галкин с Третьяковым. Часто ставили они Ивана на место. За это и еще многое другое невзлюбил их Иван. Всё и все ему мешали. Всем грозил: «Посажу!»

Писал всюду жалобы и доносы. Нужно отметить, что был грамотен, окончил три школьные ступени, по социальному происхождению был середняком. Упомянул в доносах и прораба К.Г. Разумова, и десятника Н.В. Удачина. Не совсем верно вели обмер и обсчет работ, задерживали зарплату, делали приписки друзьям и родным, выдавали негодный инструмент для работы, не подавали своевременно лошадей для подвозки дров (лошадей было всего семь, а на участке только две). Не забывал упомянуть и то, что Д.Н. Галкин, К.Г. Разумов и Н.В. Удачин были дружны между собой и выпивали вместе. Бывал, якобы, в этой компании и бывший директор завода И.А. Ильин. Выписали Удачину Н.В. премию в размере 100 рублей, брали пожарную лошадь, чтобы ездить на охоту. Все данные взяты

Дом Третьяковых. 1953 г.

Первомай. 1952 г.

Открытие памятника участникам войны. 1975 г.

Жительницы Красного Адуа. 1953 г.

Дети и внуки первооткрывателей. 1953 г.

из протокола от 13.10.1937 г. из следственного дела № 25464 по обвинению Д.Н. Галкина.

«Упало каменное слово» на семью Д.Н. Галкина 28 октября 1937 года. Помнит этот день и

Екатерина Георгиевна. Она рассказывает: «Имущества, как и у всех на лесозаготовке, почти не было никакого, один тулуп». Примерно то же подтверждает и протокол обыска за № 18, подписанный понятым Чистяковым Петром Федоровичем. «Охотничья двустволка № 542, патроны, порох, облигации, три фотокарточки, переписка».

Напуганы были все, но больше других, пожалуй, маленький Ленечка, родившийся уже на Красном Адуе. Он тянул к отцу ручонки и повторял: «Папочка, не уходи». Но папу увели. Больше никогда не увидят его ни жена, ни дети. Детей в семье оставалось трое: дочь Анна, сын Александр и маленький Ленечка, который вскоре умер. Нужно было продолжать жить. А как?

Жену, Александру Егоровну, неграмотные деревенские бабы стали называть женой троцкиста, сами не зная, что это значит. Ей же, довольно грамотной для своего времени (умеющей читать даже по-старославянски), было очень обидно. Пришлось оставить работу кладовщика. Устроилась техничкой при школе. И снова – тяжкие думы о судьбе мужа, поездки в город, письма по инстанциям. 20 лет она ничего не знала о судьбе родного человека, но ждала и верила в то, что он жив, понимала, что дети должны знать правду об отце. 3 марта 1957 года Александра Егоровна Галкина написала заявление на имя военного прокурора Урала с просьбой выяснить судьбу мужа. Сначала говорили, что он жив, отправлен на север, только значительно позже объявили, что его нет в живых. В августе 1957 года были вызваны на допрос Антон Ульянович Красильников и Николай Игнатьевич Олейник. Оба они подтвердили, что Д.Н. Галкин работал на лесозаготовках сначала коновозчиком, а потом нормировщиком. Среди рабочих он пользовался авторитетом, дурных поступков не совершал, а был осужден по оговору хулигана и пьяницы Елькина, который впоследствии сам был осужден.

18 октября 1957 года Д.Н. Галкин был реабилитирован посмертно.

Детонатор

– Ешь – потей, работой – мерзни! – дядя Боря подмигнул Сашке, вытер мятым платком толстый загривок и снова энергично заворочал ложкой.

Большой вентилятор над головой лениво шевелил лопастями, разгоняя душный застоявшийся воздух. Горячий пластик стола, заляпанный отпечатками потных ладоней, неприятно лип к локтям. Сашка поковырялся пластмассовой ложечкой в мороженом и отодвинул креманку: подтаявшее шоколадное – просто гадость. Дядя Боря заволновался:

– Может, ты пирожное хочешь, а?

Сашка помотал головой и соскользнул со стула. Мужчина проводил его настороженным взглядом, но когда мальчик наклонился к аквариуму с гуппи, вернулся к еде. Сашка пошевелил лопатками, стряхивая липкий взгляд. Когда он увидел в проходной лагеря потного толстяка в несвежей рубашке, то философски пожал плечами – бывает и хуже. Мужчина погладил его липкой рукой по голове и велел звать дядя Борей. Сашку передернуло, но он смолчал. Уже вторые сутки – сначала тряслись до станции на старенькой «пятерке», потом ехали в купе фирменного поезда, – мальчик старался обходиться минимумом слов. И даже когда дядя Боря взял в привокзальном ресторанчике нелюбимое шоколадное мороженое, послушно расковырял его ложечкой.

Рыбки вяло плавали у поверхности воды. Сашка постучал пальцем по стеклу, но и тогда они не ожились. Мальчик посмотрел на свое отражение: новенькие, почти не ношенные в лагере джинсы и затасканная зеленая футболка отражались блекло, да и загар плохо виден.

Аквариум Сашке надоел, и мальчик присел на подоконник. Окно выходило на привокзальную площадь, залитую июльской жарой. Дремлют бабки с кошелками за длинным, грубо сколоченным прилавком. Перед ними пучки увядшей зелени, ранние помидоры, бумажные кульки для семечек, копченая рыба. Покупателей не видно: местные жители заняты делом, а поезда на станции останавливаются три раза в сутки, Сашка сам смотрел расписание. Бегают еще старенькая электричка, но она причапает только через пару часов – а иначе до экспедиции не добраться, поезда там не останавливаются.

Мальчик проводил взглядом тощего серого кота, лениво тащившегося через площадь. Так лениво, что даже воробьи не покинули своего пятачка, усы-

панного шелухой от семечек. Делать совершенно нечего. Сашка побрел к противоположной стене, на которой раскинулась схема железнодорожных путей. Проходя мимо столика, поднял глаза: дядя Боря уже опустошил тарелку. Откинувшись на спинку стула, он внимательно слушал сидящего напротив лысого мужчину. Незнакомец кольнул Сашку внимательным взглядом, сбившись на мгновение. Мальчик независимо прошел к карте. Что нужно, он и отсюда услышит.

– Купол уже больше сорока метров в диаметре. Между прочим, растет очень быстро. Быстрее, чем мы шевелимся.

– Скольких уже проверили? – дядя Боря сипел, словно простуженный. Но на самом деле он был просто слишком толстый.

– Восемь. Он – девятый.

– Последний.

– Да, последний, – раздраженно отозвался лысый. Сашка так и представил, как он дальше скажет: «Не нужно напоминать то, что я и так знаю», но мужчина примирительно заметил: – На шестой,

дочке Содольникова, был небольшой разрыв. Но сразу схлопнулся.

Под дядей Борей скрипнул стул:

– Значит, Васька прав.

За столом замолчали. У Сашки мурашки побежали между лопаток – так оба собеседника сверлили взглядами его спину.

– Васька – циник, – наконец сказал лысый. Сашке захотелось почесать спину, но он терпеливо водил пальцем по схеме дороги.

– А мы? – вздохнул дядя Боря.

Полупустая электричка дребезжала и звенела, грозя вот-вот развалиться. Под скамейками из желтых лакированных реек перекатывались пустые бутылки. Гнутая спинка давила на позвоночник, Сашка уже извертелся, пытаясь сесть поудобнее. За окнами однообразно тянулись поля, мелькали столбы электропередач.

Дядя Боря с лысым – он представился как Константин Сергеевич – неудобств не замечали. Пили пиво, закусывали купленной на станции рыбой и старательно говорили о пустяках. Так старательно, что Сашка не выдержал и ушел в тамбур. Там он выбрался в стык между вагонами и долго стоял, качаясь на металлических плитах. От грохота закладывало уши, противно подрагивали коленки, но мальчику нравилось ощущать летящее пространство.

Когда Сашка вернулся в вагон, мужчины замолчали, а потом дядя Боря резко заулыбался и начал рассказывать, какую рыбу он ловил на Идоньке. Сашка знал, что так называется речушка недалеко от места, где стоит экспедиция, и вздохнул. Мальчик всегда мечтал, чтобы родители были археологами и ездили в Египет. В действительности все намного проще: геологи искали в донецкой степи фосфатное сырье. Сашка и туда ездил с удовольствием, но когда на остаток лета его отправили в лагерь, возражать не стал. Тем более мамы в экспедиции нет – лежит в больнице, к осени у Сашки должна родиться сестра. Да и пора сменить обстановку, как говорит папа. А Мишка... Фигня, это была просто игра. Военная хитрость. Вот чем хорош Египет – там бы такой ерунды не вышло.

Мальчик поставил ноги на лавку, обхватил колени руками и задумался: что же случилось, если папа передумал? Да еще и отправил за ним дядю Борю? Сашка ведь и недели в лагере не прожил. Интересно, а компания их разъехалась? Анька Содольникова, кажется, все еще там. Что за дела там творятся, разрыв какой-то...

Сашка привалился к гремящей стенке вагона, прикрыл глаза. Через пару минут задышал ровно и глубоко. Дядя Боря несколько раз окликнул его полупшепотом, потом на лицо упала тень: мужчина встал и закрыл бьющее в окно солнце.

– Костя, если Васька все-таки прав... – вздох вышел глубоким, как у бегемота. Сашка подумал, что будь в вагоне занавески, непременно бы закачались.

– Там пятнадцать человек, – теперь лысый напо-

минал то, что уже известно собеседнику. – И, между прочим, у половины – дети.

– Да может они и не люди уже! – сиплым шепотом закричал дядя Боря. – Может та сиреневая морда – Павлов! Вспомни, на ней были очки! Ну зачем лезли, зачем! Дождались бы специалистов!

– Каких специалистов, ну каких? – зашипел лысый.

Сашка так заинтересовался загадочной сиреневой мордой, что даже перестал глубоко дышать. К счастью, захваченные разговором мужчины этого не замечали. Спор явно старый, но из тех, которые не дают покоя.

– Записка, между прочим, написана рукой Свиридова. Того самого!

Мальчику не нужно было открывать глаза, чтобы понять, что лысый ткнул в него пальцем. Сашка – тоже Свиридов. Грохот колес стал громче, нарастая и сливаясь с шумом сердца.

– Это случилось на второй день после образования купола! – возмущился дядя Боря.

– Я помню, – устало уронил Константин Сергеевич. – Просто ты не видел, что оттуда полезло вчера: муть, слизь, и во всем этом два ботинка. Может, Свиридова ботинки и есть.

Сашка распахнул глаза и резко оттолкнулся от спинки сиденья:

– Что с папой?!

Лысый устало прикрыл глаза:

– Борис, расскажи ты.

Девять дней назад группа геологов ушла по маршруту. В лагере остались трое взрослых: Васька – аспирант-биолог, невесть как затесавшийся в группу, повариха и экспедитор. Кроме них там же болтались Димка Павлов – сын начальника экспедиции, Анька Солодникова, близняшки Ракитины и Стас Карелов – дети сотрудников.

Когда вечером группа не вернулась, Васька с экспедитором отправились на поиски. Нашли быстро: огромный холм, словно сотканый из полупрозрачной зеленой слизи. Вокруг холма потерянно бродил поседевший техник Николай. В Колю влили стакан водки, только тогда он пришел в себя и смог рассказать.

К обеду их группа планировала добраться до небольшого лесочка. Маршрут был знакомый, и место для отдыха присмотрели давно: полянка, родничок, тенечек от деревьев. Но ни родника, ни собственно лесочка на месте не оказалось. Вместо него высился странный холм зеленоватого-бутичного цвета. Сквозь полупрозрачные стенки виднелись запутанные ходы, искрящиеся сталагмиты и сталактиты. Обалдевшие геологи чуть ли не обнюхали холм, но так и не поняли, из чего же он состоит, и как тут вырос. Оставив Николая на всякий случай снаружи, группа через ровную, овальную дыру ушла внутрь. Колька с интересом смотрел, как люди идут прозрачными коридорами, машут руками, оживленно переговариваются. А потом стены вдруг стали мутнеть, подтекать слизью. Парень заволновался,

бросился к входу, но тот стремительно затягивался. Потом словно кто чавкнул, и стекло окончательно расплавилось в упругую слизь. Чавканье раздавалось несколько часов и Колька уверился, что экспедицию сожрали.

Васька кинулся в ближайшую деревню и начал трезвонить начальству. Там сначала решили, что все перепились к чертовой матери, но когда не добились связи с Павловым, начальником экспедиции, выслали людей.

Холм изучали химики, физики, биологи, но так и не поняли главного – живы ли еще люди, и как их оттуда вытащить. Стенки не поддавались ни резаку, ни огню – любой разрез мгновенно затягивался, прихватывая с собой и инструмент.

Надежду вселяло то, что на другой день с купола скатился комок слизи, в котором нашли записку. Бумагу словно кто изжевал, но все-таки удалось прочесть, что люди живы и просят о помощи. Еще через день Васька заметил, что как только к холму подходит Димка, то в куполе приоткрывается окошко. Небольшое, руку засунуть. Правда, у мальчишки тут же начинала болеть голова и падать давление, раз Ваське даже на руках пришлось его оттуда вытаскивать.

Дядя Боря мялся, подбирая слова, но Сашка все-таки понял, что существует версия: можно попытаться открыть проход, подпустив к холму ребенка кого-нибудь из сотрудников. Правда, что будет с ребенком – непонятно. Из восьми детей холм отреагировал на двоих, второй стала Анька. Когда девочка потрогала пальчиком стену, дыра распахнулась на метр в диаметре. Девочка тут же потеряла сознание, и ее вертолетом отправили в областной город. До сих пор лежит в больнице и на вопросы не отвечает.

Степь дыхла в лицо ветром, заставив скрипнуть песком на зубах. Сашка раздраженно повертел головой: жесткий воротник куртки натирал шею. Плотная материя тяжело ложилась на плечи, полы били по ногам. Детского размера у специалистов не нашлось, вот и впихнули мальчишку в эту робу. Приборов навешали – Сашка не знал, куда руки деть, чтобы ненароком их не зацепить. Дядя Боря ободряюще похлопал по плечу, и мальчик еле сдержался, чтобы грубо не скинуть горячую ладонь. Взрослые, стоящие рядом, неловко молчали. Только один негромко говорил в радиотелефон:

– Да, все так же. Уже сорок четыре и шесть в диаметре. Да, высылаем.

Сашка obeжал взглядом лица, нашел Ваську – тот единственный из всех не строил приторную рожу, а ободряюще подмигнул.

– Присядем, что ли, на дорожку, – несколько развязано брякнул аспирант.

– У меня и под задницей приборы, – буркнул Сашка, вывернулся из-под ладони дяди Бори и решительно пошел к куполу. Коленки подрагивали, но спину мальчишка старался держать ровно. Вот будет номер, если ничего не произойдет, подумал Сашка и испугался этого больше, чем купола.

Нельзя так думать. Там отец, балагур дядя Гриша Солодников, суховатый Павлов, шумные родители близнецов Ракитиных, молодой Пашка Ветров – он учил мальчишек водить раздолбанный экспедиционный грузовичок.

Слизисто-зеленоватый холм поблескивал на солнце. Чем ближе подходил мальчик, тем меньше он боялся. Отвращение вытесняло остальные чувства, заставляло сглатывать слюну и морщиться. Слизь чуть подрагивала под ветром, словно животное подергивало шкурой. Сашке не показали выплунутые холмом ботинки, и мальчик никак не мог поверить что папа – там.

Сашка остановился вплотную к куполу. Заходящее солнце грело спину, но казалось, что между лопатками сейчас воспламенится не от лучей, а от взглядов. Слизь дернулась, на этот раз резко, прогнулась внутрь. Сашка коротко выдохнул и положил в выемку обтянутую перчаткой руку.

Мягие, точно сотканые из желе огромные лапы обхватили мальчику, дернули, закрутили. В глазах позеленело. Обождло, как будто к коже приложили лед. Сашка втянул сквозь зубы приторно воняющий воздух, закашлялся. И тут же словно теплой волной омыло.

– Детонатор, – сказал бесплотный голос. Он родился словно бы в голове мальчишки.

– Что? – Сашкины слова завязли в зеленоватом тумане, едва слетев с губ. Он испуганно оглянулся, но вокруг ничего не было, кроме зелени. Плотная, похожая даже не на туман, а на кисель, она совершенно не мешала дышать, смотреть и двигаться. Но вот дальше полуметра ничего не разглядеть. Тревожно пискнул один из датчиков. Коротко хрипнула и замолчала рация.

– Детонатор, – повторил голос.

– Что за фигня?

Сашку как по голове ударило.

...Полуденное солнце накаляло степь, высушивало намокшие от пота гимнастерки, раскаляло каски. Маревом висел тяжелый запах. Но некому было прятаться от солнца и морщиться от стоящего в степи духа – все мертвы. Сашка в ужасе отступил подальше от лежащего навзничь тела – ноги убитого раздавлены в кровавое месиво. Понимание ударило в виски, осело на языке шершавым песком: тут шел бой, в котором не осталось выживших. Захотелось в штабе выслужиться, задницу свою прикрыть – и бросили батальон не обученных толком мальчишек под танки. А что они могли сделать с винтовками против таких машин? Сашка скрипнул зубам от несправедливости: нашелся же гад!

Марево над полем сгушалось, темнело, приобрело трупный оттенок, оседало на землю. Оседало – и просачивалось меж корней травы, растекалось под землей упругой слизью. Той самой, из которой потом вырос холм. Сашку трянуло от омерзения, он яростно рванулся в снова окружившем его зеленом тумане.

– Детонатор, – ласково сказал голос в голове.

...Игра шла по всем правилам. Это вам не с палками наперевес бегать и «пух-пух, ты убит» орать. Нуж-

но раздобыть пакет со схемой укрепления района. Деревенские похвалялись, что экспедиторским «ни в жизнь» до него не добраться. Разведчики облазили уже все укромные места и в раздраженно костерили противников.

– Может, они в навоз зарыли, – сплюнул на землю Димка, – с них станется.

Анька почесала исцарапанные в овраге ноги и ничего не сказала. Сашка подумал, что незачем было в шортики вырядиться, но невольно задержался взглядом на Анькиных загорелых коленках.

– Тише вы, – проворчал он.

Разведчики сидели в тени сарая и наблюдали за окраинной улицей. Дома на ней стояли только по одну сторону, а по другой шел овраг – в нем-то и затаились основные силы деревенских. Подобраться к ним с улицы незаметно не получилось: десятилетний Мишка пристроился неподалеку от спуска на перевернутом ящике и простреливал глазами окрестности.

– Ну чего расселся? – прошипел Димка.

Сашка прищурился, глянул внимательнее на довольное Мишкино лицо – ни тени скуки, ни грамма обиды, что не взяли в действующую армию, а заставили торчать тут на солнцепеке. Перевел взгляд на ящик.

– А я знаю – почему, – выдохнул он. Анька хлопнула огромными серыми глазищами – как только ветер от ресниц не пошел. – У него в ящике – пакет. Зуб даю!

– Чей зуб? – недоверчиво усмехнулась Анька. Но Димка встрепенулся:

– А что, вполне!

– Ну и как мы туда попадем? – Анькины волосы щекотали щеку и сбивали Сашку с мыслей. – Он нас

сразу заметит. И вся армия из оврага примчится. Дохлый номер.

Сашка отполз назад, присел у стенки сарая. Димка разочаровано крутил носом: тоже никаких идей. Ковыляющая со стороны выпаса бабка Агата кольнула их взглядом. Рассиживаться тут нельзя, заметят. Сашка с досадой поковырял дырку на джинсах. Вон еще дядя Гена топают, прицепится – так не отстанет. Генку-алкоголика недолюбливали не за беспробудное пьянство – мало ли в деревне пьющих мужиков, – а за нудность и привязчивость. Работники экспедиции торопливо прятались в кустах, когда видели на горизонте Генку. Пару раз нарубив дров для кухни, мужик счел, что теперь имеет полное право кланяться себе на бутылку. И проще было дать, чем отвязаться. Сашка оглянулся, высматривая пути к отступлению. И только тут вспомнил, что Генка-алкоголик – Мишкин отец. Идея, пришедшая в голову, показалась очень оригинальной.

Сашка встал, поддернул джинсы.

– Применим военную хитрость!

Анька недоверчиво взмахнула ресницами. Димка еле слышно хмыкнул.

Генка уже сворачивал за угол, когда Сашка догнал его. Хорошее место – Мишка их не заметит.

– Дядя Гена, здрасте!

Мужик окинул Сашку мутным взглядом.

– А, привет, экспедиторный.

– Дядь Ген, а вашему Мишке там у нас бутылку водки передали. Отнеси, говорят, отцу. Очень он нам с дровами помог.

В мутных глазах вспыхнула заинтересованность.

– Чесс-слово. Вон ваш Мишка сидит, спросите у него.

Генка торопливо потрусил к оврагу.

– Военная хитрость, значит? – Димка снова сплюнул. В голосе его сквозила задумчивость, словно мальчишка не решил для себя, как отнестись к Сашкиной идее.

– Ну а что еще? – преувеличенно удивилась Анька. – Зато все будет без шума и пыли.

Мишка, увидев отца, заерзал. Стиснул губы, отвернулся в сторону домов и вцепился в доски ящика. Генка ухватил сына за рубаху:

– Ну, где там от геологов?

– Что? – Мишка от удивления разжал пальцы.

– Что-что! Что твоему отцу передали, вот

что! Ишь, расселся тут барином. А у отца желудок болит, норму просит.

– Да ничего мне не передавали.

– Ах ты, сопля зеленая! – широкая ладонь Генки-алкоголика опустилась на Мишкину шею. Мальчишка кувыркнулся в пыль, проехал коленками по земле. – Не передавали! Небось заначил для себя и своих дружков!

– Да честное слово, пап! – в голосе пацана звенели слезы. Мужик сгреб сына с земли, подтянул поближе. – Ничего не передавали!

Генка с силой хлестнул Мишку по лицу:

– А вот сейчас посмотрим! Вот я дедов ремень достану, и посмотрим тогда. Не передавали! – цепко ухватив мальчишку за плечо, он потащил его в проулок.

Сашка сглотнул сухой комок в горле. Димка повернулся, ожег его взглядом. Чуть повела плечами Анька.

– Ну чего уставились? За пакетом пошли, – хрипло выдохнул Сашка.

– Я не пойду, – сумрачно уронил Димка.

– Ну и дурак, – фыркнула Анька. – Сейчас-то уже чего? Все равно уже сделано.

... – Детонатор, – в который раз довольно повторил голос.

Сашка увидел – не глазами, а словно внутри головы показали кадры – как дрогнула тогда растянувшаяся под землей пленка слизи, набухла и проклюнулась почкой. Как потянулись во все стороны нити, вытягивая и подгребая под себя скопившееся на месте боя. Как хлестнули щупальца еще дальше, дотягиваясь до тех мест, где когда-то предавали, обманывали, делали подлости.

Сашку затоснило, он забился в зеленом тумане точно муха в паутине. «Не хочу!» – крикнул мальчишка, но звук погас, едва сорвавшись с губ. «Пустите меня!»

Мягкие лапы качнули, крутанули – и вечерний ветер, полный степных запахов, ударил Сашке в лицо. Мальчик вывалился из купола, проехал ладонями по земле и бессильно уткнулся носом в траву.

Сашка поправил наброшенную на плечи ветровку. Ночью в степи холодает. В реке вода еще ничего, а как вылезешь на берег – так сразу мурашки по коже.

Прокаленный за день камень приятно грел спину, но скоро остынет и сам начнет забирать тепло. Сашка уткнулся носом в рукав. Ну и пусть. Он все равно не вернется в палатку. Сил нет встречать преувеличенно-бодрые взгляды. Сашка понимает: надежды нет. Да и он сам уже не верит – разве пощадит холм, выросший на поле боя, отца? Взрослым – как ни допытывались, – Сашка ничего не рассказывал. Не поверят, у них вон химики толпами бродят, физики резакки готовят. Да и про Мишку язык не повернется.

Сашка уехал в лагерь на другой день после игры. Павлов собрался в областной центр, и прихватил младшего Свиридова. Мальчишка юркнул в душный салон с облегчением. И постарался забыть и о Миш-

ке, и о задумчивом Димкином взгляде, и о загорелых Анькиных коленках.

А вот сейчас страх и тоска по отцу были подернуты противной горечью. Словно холм оставил на Сашкиной коже противную слизь, которую не смыть ни в одной реке.

По берегу прошуршали шаги. Кто-то остановился за Сашкиной спиной. Мальчик недовольно глянул через плечо: Васька.

Аспирант задумчиво скреб отросшую за последние дни кудрявую бородку.

– Яблоко хочешь? – огромный карман штормовки обмяк, на Васькиной ладони катнулся ярко-желтый мячик.

У Сашки рот наполнился слюной. Ужинать он не стал, но хотелось, но при виде яблока в желудке тягуче засосало.

– На, – нагретый плод перекечевал в Сашкины ладони.

Когда от яблока остался один жесткий, измочаленный хвостик, Васька спросил:

– Так что там было-то?

– Я же говорил – ничего. Туман в морду, и все, – оцетинился Сашка.

– Ну это ты брось, – Васька поддернул джинсы, словно брюки от фрачной пары, и присел на камень. Пошевелил пальцами босых ног. – Брось. Ты там что-то видел.

Сашка повертел в пальцах хвостик от яблока. Васька – это все-таки не противный дядя Боря. А вдруг эта история поможет отцу?

Слова подбирались с трудом, мальчик не мог толком описать – что же там было. А когда дошел до истории с Мишкой, так и вовсе начал давиться стыдом, как горячей кашей.

– Почему он все повторял: детонатор?

Васька снова поскреб бородку:

– А ты разве не понял? – у аспиранта был неприлично жесткий голос.

У мальчишки загорелись уши, жар спустился на щеки. И тут же ударило ледяным испугом: так это он, Сашка, виноват в том, что отец сейчас внутри холма?!

– Ты сделал то, что не хватало этой гадости. Твоя подставка сдетонировала.

– Но это была просто игра! Военная хитрость! Мы же просто играли!

– Играли, – отчужденно согласился Васька. – Я сам сколько раз играл. И сейчас вон сколько детишек играем.

Сашка зажмурился и представил, как лежат под землей бомбы, а над ними носятся мальчишки. «Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать!» «Вовка, я видел, он туда побежал!» «Мам, ну я еще поиграю!» «Отвали, ты еще маленький». «Окружай, слева заходи!»

– И что мне теперь делать?

– Не знаю, – честно признался Васька и даже поджал пальцы ног от смущения. – Может быть, попросить у Мишки прощения?

Сашка неловко пожелился. Васька тоже нахохлился, спрятал руки в безразмерные карманы штормовки:

– Мы вот тоже... детишек посылаю. Детонаторы хреновы.

Деревенские в такие ночи допоздна торчали на старом выпасе, жгли костры, смолитли сигареты и пугали друг друга страшными историями. Сашка сам сколько раз сам сидел там, сплевывал горькую от сигаретного привкуса слюну и притворялся, что темнеющая за спиной степь нисколько не пугает. Хорошо еще, что от геологической стоянки до выпаса близко, намного ближе, чем до деревни. Но вот сегодня Сашка предпочел бы более длинную дорогу. И так тащился нога за ногу, оттягивая встречу с Мишкой. А тот ведь даже в рожу не даст – характер не тот, не умеет кулаками. Противно-то как!

Впрочем, сейчас и пришлось идти кружным путем – холм, тускло блестящий под лунным светом, стоял как раз на дороге. Рядом прохаживались солдаты, не приближаясь, впрочем, и на полметра к ограждающей купол колючей проволоке. Охрана была явно лишней: желающих поглазеть издалека находилось много, а вот подойти ближе – дураков нет.

Под вкопанным столбом с яркой желтой лампочкой на верхушке стояли Константин Сергеевич с незнакомым стариком. До Сашки донесся голос:

– С момента посещения диаметр вырос еще на сорок четыре сантиметра.

Мальчик обогнул собеседников, не желая попадаться им на глаза. Солдат проводил его равнодушным взглядом и отвернулся к сослуживцу:

– Дай закурить. Последнюю извел.

Сашка остановился, отгородившись от людей холмом. Положил руки на проволоку. Слизистая

шкура слабо подергивалась. Сколько может выжить человек, болтаясь в зеленом тумане без еды и воды? У отца должна быть фляжка, он с ней в степи не расстается, но на сколько там ее хватит...

Колючая проволока зацепила ветровку. Теперь, зная, из чего состоит купол, Сашке пришлось стиснуть зубы и заставить себя протянуть к холму руку. Мягкие лапы обхватили, взъерошили волосы, радостно тряхнули:

– Детонатор! – восторженно выдохнул знакомый голос.

– Да. Я – детонатор. Ты же помнишь, как это было?

...– Ну чего расселся? – прошипел Димка.

Сашка посмотрел на довольного Мишку.

– А я знаю – почему, – слова выскользнули из губ сами по себе. Махнула ресницами Анька. – У него в ящике – пакет. Зуб даю!

– Чей зуб? – по-честному отыграла свою роль девочка.

Сашка терпеливо дождался, когда пропылит длинной юбкой бабка Агата. А вот и Генка-алкоголик. «Применим военную хитрость!» – слова рвались наружу. Сашка прикусил губу так, что почувствовал солонватый привкус крови. Генка хмуро зыркнул на мальчишек и порысил за угол. Анька проводила мужика взглядом, сказала вроде бы безразлично:

– Между прочим, он Мишкин папаша.

– Ну и что? – Сашке пришлось сглотнуть накопившуюся во рту кровь. – Пошли, нашим расскажем. Придется брать штурмом.

Довольный Мишка выудил из кармана огурец и аппетитно захрустел. Не забывая, впрочем, внимательно поглядывать вдоль улицы.

Сашка встал – и все поплыло перед глазами. Лапы – огромные, жесткие, – скрутили мальчишку словно мокрое белье. Боль ударила от затылка, хрустнула каждым позвонком и кольнула в пятки. «Мишка, ты... это...» – до конца Сашка подумать не успел. Плывущие перед глазами зеленые круги сменились непроглядной чернотой.

...Ветер взъерошил на затылке волосы. Щеку противно стягивала подсыхающая царапина. Сашка вдохнул запах травы и только тогда решился открыть глаза. Короткая июльская ночь шла к концу, небо уже потеряло глубокий черно-синий цвет. Знакомым ориентиром шумел родник, темной стеной высилась рошица. А со стороны геологической стоянки приближалось множество круглых огней. Вытянувшись в цепочку, желтые глаза фонариков обшаривали землю.

– Саа-а-ааша-а-а!

– Сашка!

– Ау-у-у!

В сумятице голосов Сашка узнал отца. В голове гудело, и мальчик прижался щекой к траве.

Земля чуть дрогнула. Где-то там, в глубине, ворочалась зеленая слизь, укладывалась в спячку. До нового детонатора.

АСКЕТ

Единожды пищу отринув,
не воду, не воздух, не ртуть –
гончарную жирную глину
верчу, словно угли, во рту.
И полчища глиняных бестий,
взбесившихся от сквозняка,
с какой-то наигранной спесью
горланят кабацкие песни
за вшивым руном языка.
И ныне, и присно, и просто,
вскипев, утоляет слюна
две жажды: расчесывать десны
и красным плевать из окна.

***

Намолчи мне того, у кого никого,
у кого ничего, у кого никогда
не ночует любовь, только вонь и конвой
миражей, стерегущих его кавардак
бытия. Намолчи, намолчи мне про то,
как он сводит свою пустоту с пустотой
первозданной. Чтоб грифельный ангел во рту
обрастал арматурой и брал высоту
или в ртутном поту выгорал изнутри.
Облаками и пеплом со мной говори.

***

Такой творительный падеж,
что имена крупней молитвы,
сплошная музыка, мятеж
и безрассудная палитра;
сплошная мука, тетива
и непочатая держава,
где неизбежные слова
живут в божественных пожарах...
Пока враждебных алтарей
безмолвны дактиль и гекзаметр,
в тебе свирепствует свирель,
другое сердце вырезая.

***

Нашатырный эфир не для птиц.
Не весна, а возня, вырезатель
и зверинец. Стриптиз так стриптиз –
я снимаю смирительный свитер.
Прямоком из болезненных грез
воспаленной строкой отозваться...
Кто в глазницы внимательных гнезд
отложил эти ржавые яйца?
И теперь в молодых, голубых –
шире взгляда – небесных усадьбах
не закончится слов и судьбы
светоносная певчая свадьба.

***

Скрипка – это скипетр тоски.
Горести и скорби не жалея,
смаковать стерильные соски
девочки, смородины, свирели.
Только взбунтовавшийся зрачок
никакой сетчатке неподвластен,
и уже не бритва, а смычок
бороздит коросты на запястьях.
Остается плакать и гадать,
лепестки, как струны, обрывая.
Музыкою вправе обладать
только небо, ветер и трамвай.

***

Взгляд не становится жиже –
Лишь окисляется. Даже
Глаз, начиненный гашишем,
Видит немного дальше
Кляпа своей катаракты,
Той, что сгустилась в центре,
Где пустоты и мрака
Тихо трещат плаценты.
Едим хрусталиком выжечь
Прутья белковых клеток
И заглянуть повыше
В свежее поле света.

***

С щербатым жемчугом в гортани,
где только связки и пружины,
то шепелявишь, то картавишь,
а если сны, то сны чужие.
С щербатым жемчугом в ноздре,
в нашатыре, где рвутся птицы,
роняя гильзы в серебре,
с щербатым жемчугом в глазнице,
с щербатым жемчугом в груди
сверкать, выкрикивая шепот, -
его нарезали круги
тюремных реберных решеток.

***

Я в гестапо строки на правах стрекозы.
То гнилые клыки, то перпетуям кадык,
то повязанный фигой костлявый язык
суетятся и рядятся в рясы
молодого чернильного мяса.
Этот гончий, охотничий, грифельный хрящ
мне назначил мой внутренний лечащий врач,
но цепные свинцовые птицы
наловчились сигать сквозь ключицы
и откладывать в глотку мою
всякий хлам. Потому и пою.

Кто они, герои нашего времени?

Иногда даже мокрые валенки, болтающиеся на веревке, могут попасть под «прицел» фотоаппарата. Фотограф – всегда немного следопыт. Путешествуя по миру с камерой, он всего лишь фиксирует мгновение, помогает ему остановиться. Но остановленное мгновение может подарить открытие, мудрый урок тому, кто смотрит на мир с доброй улыбкой.

Ведь, в конце концов, что такое мокрые валенки, которые украшают облупленный балкон городской многоэтажки? Это иллюстрация к жизни на Руси. Если человек разгуливает по огромному современному мегаполису в обуви, которую носили еще в незапамятные времена наши предки, то такому путешественнику и море по колено, и горе – не беда. Русский человек, который, может быть, получает за свою честную работу маленькую зарплату или крошечную пенсию, всегда постарается найти выход из затруднительного положения, даже когда кажется, что выхода нет.

Поговорим о фотографии вообще... Амплитуда ее развития в нашей стране напрямую зависела от конкретных политических событий. Это факт. В застойные времена, как известно, с особенной силой развернулось фотолюбительское движение – практически в каждом культурном, цивилизованном российском городе зарождался свой клуб, вспыхивали свои маленькие и большие звезды. Огромная армия «фотолюбителей» (как их уничижительно называли) являлась едва ли не главным не взятым «редутом»: цензоры, как правило, недооценивали этот вид творчества. Не все, конечно, позволялось. Обнаженную натуру, к примеру, трудно было увидеть на страницах журнала «Советское фото». Но для самых настырных все-таки существовала «лазейка». За рубежом. Престижные салоны за рубежом, в крупнейших галереях мира (по линии ФИАП) охотно принимали работы фотографов из России. А часто даже, учитывая нюансы советской действительности, организаторы оплачивали пересылку авторских работ по почте.

Отношение к фотографии в России имеет свою историю. В советской империи, бывало, рождались и умирали целые школы, сумевшие заслужить мировое признание. Лучшей считалась школа, возникшая в Прибалтике: литовцы одними из первых научились снимать «жизнь без прикрас». В начале «перестроечных» 90-х заговорили о москвичах и о Санкт-Петербургском фотоклубе «Зеркало», безжалостно попиравшем законы постановочной партийной школы. Но все-таки фотографы жили разобщенно, потому что не имели объединяющей силы. И такая сила появилась. В 1990 году в Москве объявил о своем создании Союз фотохудожников России. Все эти годы он рос, мужал,

«Екатеринбургский китч»
И. Богатырева («Камера обскура»)

«В центре фокуса». 3 место в номинации.
О. Чиж, А. Кривошеин, Н. Кулакова, С. Бирюков. («Victoria»)

«В центре фокуса».
 («ЕХА»)

устроивал дорогие заказные выставки, прокатывал работы за рубежом, налаживал связь с регионами (а это трудно, потому что изменились формы пересылки работ по почте), опекал и всячески поддерживал биеннале, которые стали устраиваться в Сургуте и Нижнем Новгороде. Правда, при этом Союз (один из самых малочисленных) до сих пор находится как бы вне правового поля, а значит, вынужден рассчитывать только на себя.

Но фотография смотрит в будущее все более уверенно. Свидетельством тому – поистине всенародная любовь к ней. Можно сказать: желание снимать превратилось сегодня в какое-то модное поветрие. Каждый мало-мальски «продвинутый» человек обладает своим «телевиком», цифровой камерой, а значит, легко может запечатлеть увиденное, не прибегая к услугам профессионала. Фотоискусство сегодня – в почете. То и дело рождаются новые понятия. Арт-фотографию, например, охотнее скупают галереи. При различных государственных структурах формируются специальные закупочные комиссии. В больших культурных мегаполисах открываются специализированные музеи.

Фотографический музей «Дом Метенкова» в Екатеринбурге – из этого же ряда. Начало музею положено было еще в 1993 году, когда власти решали судьбу умирающего старинного здания на улице Карла Либкнехта. Отстоять его тогда помогли краеведы и историки... и дом ожил, у него появилась душа и даже родословная! До революции особняк принадлежал Вениамину Леонтьевичу Метенкову, известному фотолетописцу, певцу Урала. Этот удивительный мастер и труженик почти четыре десятилетия прожил с фотоаппаратом в руках и оставил на память потомкам немало дорогих фотодокументов из истории XIX и XX столетий... И справедливо решение властей сохранить здание. В 1998 году бывший фото-

салон Метенкова – ныне фотографический музей (филиал Музея истории Екатеринбурга) предстал в обновленном виде и гостеприимно распахнул двери для первых посетителей.

Снимки, опубликованные в сегодняшнем номере «Уральского Следопыта», преодолели нешуточные испытания, чтобы получить своеобразный сертификат качества и путевку в жизнь. Все они сделаны участниками I Екатеринбургского Photокросса, который проходил в «Доме Метенкова» в конце этой осени. Работы не просто интересно рассматривать, они признаны уральскими мастерами фотографии. Ильядар Зиганшин, Сергей Крылов, Эдуард Поленц, Сергей Фоминых, Дмитрий Федоров сформировали авторитетное жюри конкурсного марафона. Сеанс обсуждения длился двенадцать часов, и, как справедливо подметил известный фотограф-историк, научный сотрудник музея, Евгений Бирюков, в таком напряженном графике нетрудно было «надорвать сердчишко». Но, слава Богу, обошлось без жертв. Итогом стала выставка.

И она – не просто какое-то локальное мероприятие из жизни столицы региона. К удовольствию многих, работы отражают отношение к фотографии молодой поросли. И хотя в кроссе участвовали представители разных поколений – самому младшему было 14, а самому старшему перевалило за 70, все-таки именно молодежь осуществляла главный мозговой штурм в соревновании. Зритель, в свою очередь, отметил: в лучших снимках, как в зеркале, отразились и время, и герои времени... На местном Арбате все еще торгуют красными звездами наши предприимчивые соотечественники. Это цветное фото признано победителем в номинации «Екатеринбургский китч». Специалисты боялись, что темы будут сформулированы банально (как «Мой любимый город», например), но этого не произошло. Наоборот,

участники часто чесали в затылке, пытаясь расшифровать слово «китч». А умудренные житейским опытом спрашивали, как толкуется понятие «VIPинд्रेж» в одной из номинаций, что это за заумь? Всего было сформулировано 10 заданий (до старта они были не известны). По правилам игры участники из Екатеринбурга, Шадринска и Ревды, объединившиеся в команды (всего – 442 человека) должны были сделать 10 фотографий на заданные темы за четыре часа. 1840 снимков участвовали в конкурсе. 150 признаны лучшими и экспонируются в музее.

Проект, под названием Photокросс, молод, но как показывает практика, не беспомощен. Его придумал весной 2004 года москвич, менеджер по профессии, Алексей Ткачев. Придумал и отправил в путешествие по городам и весям России и Ближнего Зарубежья. Идея оказалась популярной, ее подхватили энтузиасты, которые живут в Москве, Минске, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Нижнем Тагиле. Но именно в Екатеринбурге, по мнению заведующей отделом развития музея, куратора организационной части Раисы Зориной, результаты превзошли самые смелые ожидания. «Мероприятие некоммерческое, – сказала она, – финансирование осуществляется за счет фотографического музея и Профотоцентра «Светопись», стартовых взносов, спонсоров. Если откровенно, мы думали, что участников больше всего интересуют призы. Мы и старались за призы. А по ходу общения с ребятами выяснилось, что едва ли не самым главным для них стимулом является выставка в «Доме Метенкова». Было приятным открытием – узнать, что музей так широко котируется, а наши горожане не лишены творческих амбиций. Беда города в том только, что он не рассчитан принимать такое большое количество фотографирующих».

Но и отступать город не собирается. Организаторы плани-

«В поисках Нового года». 1 место в номинации.
М. Шардакова, А. Шардаков, И. Шардаков
(«ША»).

«Екатеринбургский китч». 1 место в номинации.
Е. Ужegov, А. Петров, А. Соболев. («Маклар»)

«Полеты наяву».
(«Игрек в кубе»)

«VIРиндрез». 2 место в номинации.
Т. Матюхина («Мата»)

«Полеты наяву». 1 место в номинации.
А. Шнурковский, К. Карабатов, Д. Подзоров
(«Weekend»)

«В центре фокуса». 1 место в номинации, специальный приз жюри.
М. Киприна, А. Есин, О. Шмакова («Квас»)

руют большую выставочную деятельность на месяцы вперед. Уже в декабре из «Дома Метенкова» стартовал II Екатеринбургский ночной Photокросс. Это увлекательное соревнование тоже имело жесткие временные и тематические рамки, но как зажигательна идея! Съемка производилась в два этапа – по ночному городу и на Свердловской киностудии в декорациях фильма «Первые на Луне».

ЧОРУГ

ЧИТАЙТЕ В ФЕВРАЛЕ:

РЕКА ВРЕМЕНИ

В зале русской живописи Екатеринбургского музея изобразительных искусств есть два пейзажа конца XVIII века.

Много лет они висят под названием «Сцены екатерининской эпохи».

Существовала ли на самом деле, или была вымышленной та местность, что показана на картинах, что за усадьба и парк изображены на них, кто мог быть автором пейзажей?

АЗЛИТА

Очень часто бывает, что с самыми лучшими и преданными друзьями приходится расставаться, самые крепкие, проверенные тысячью бед дворовые компании разваливаются. И в этом виноват не трагический случай, не ссора и не предательство. Просто время, как голодный пес, отрывает по куску от дружбы, и страшно, что не больно, что есть другие заботы: работа, семья...некогда...А когда вспоминаешь прошлое, встречаешься с ним лицом к лицу, то понимаешь, что вернуть ничего нельзя да и надо ли? Все так изменилось! Читайте во втором номере 2006 года рассказ «Другие люди».

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Если вы оказались в зимнем лесу, если топор «в отпуске»...

Как устроиться на ночлег, чтобы дожить до утра? Секреты разведения и поддержания долговременного костра, известного в северных культурах, как нодья, раскрывает наш постоянный автор.

Хочешь двинуться – ищи попутчика!